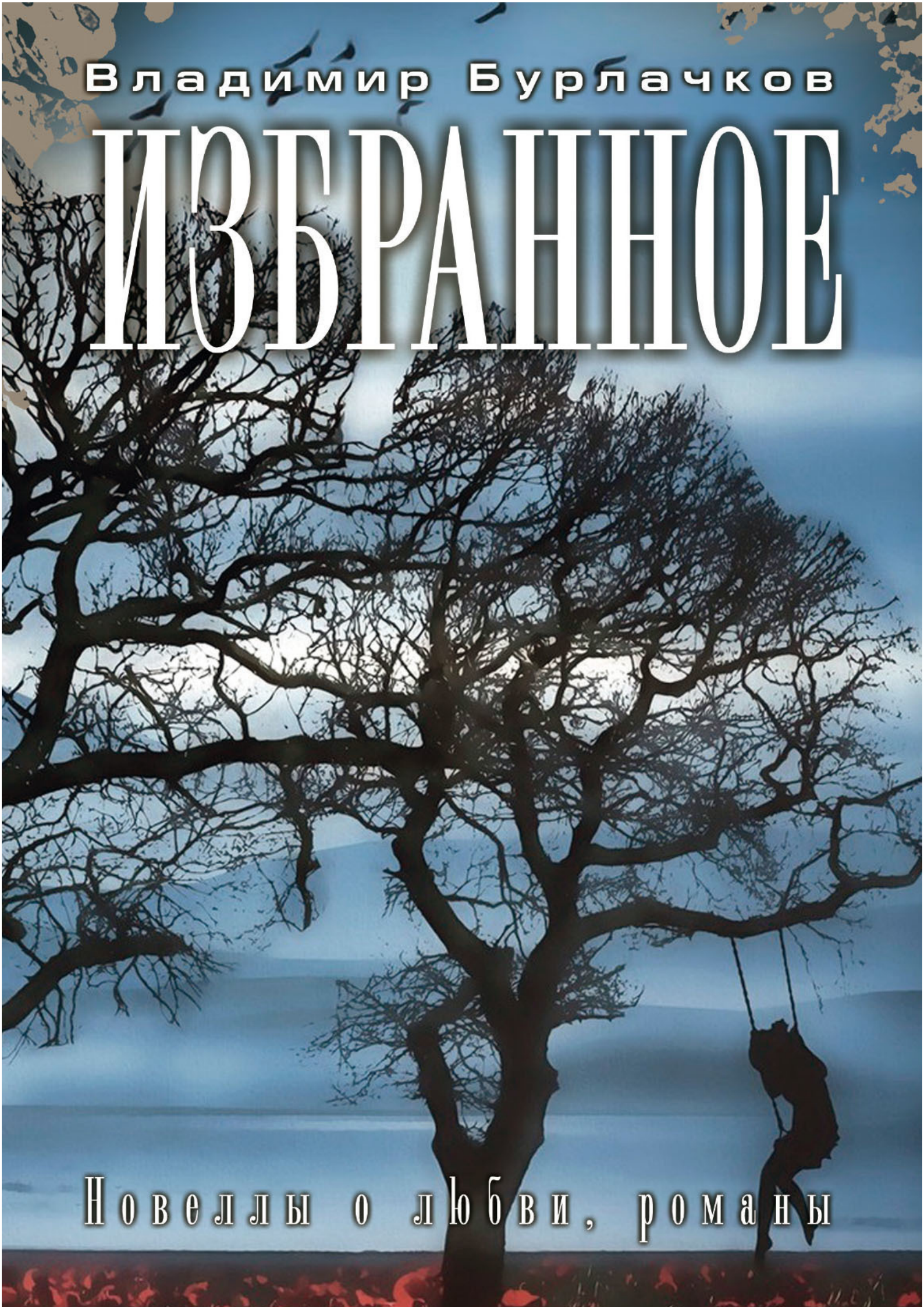

Владимир Бурлачков

ИЗБРАННОЕ

Новеллы о любви, романы

Владимир Бурлачков

Избранное

«ИТРК»

2019

УДК 82.312.6
ББК 84-44

Бурлачков В. К.

Избранное / В. К. Бурлачков — «ИТРК», 2019

ISBN 978-5-88010-562-5

В новую книгу известного российского писателя включены лучшие произведения, написанные им за последнюю четверть века. Изящные, проникновенные, освежающие душу новеллы о любви предваряют сатирический роман «Мгновение Ока», в котором обыденная реальность – лишь оболочка, в которой, оставаясь незаметными, активно действуют представители внеземной цивилизации. Действие следующего романа «Той осенью на Пресне» разворачивается в период пресловутой «перестройки» и в дни трагических событий сентября – октября 1993 года в Москве. Книга предназначена для широкого круга читателей.

УДК 82.312.6
ББК 84-44

ISBN 978-5-88010-562-5

© Бурлачков В. К., 2019
© ИТРК, 2019

Содержание

Новеллы о любви	6
Платформа «Тайнинская»	6
Сердцебиение	8
Измена	12
Собирательный образ	13
Постельная сцена	15
Сон в осеннюю ночь	16
Разгадка	18
В не наше время	25
Видение	27
Дамы чужих сердец	29
Обстоятельства	31
Амурности и амурлисты	33
Спасение	36
После праздников	38
Самые давние тайны	45
Прогноз непогоды	47
Свидание	49
Клочок обретенного мира	51
Долгожданные встречи	52
Блажь	54
Прихоть судьбы	56
Заботы ближнего	58
Хроники очарований	61
Стародавние истории	64
Путешествие	66
Причуда	68
Идеал	70
Неслучайные связи	76
Снега покоренных вершин	79
Мгновение Ока	82
I	82
II	86
III	96
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Владимир Константинович Бурлачков

Избранное. Новеллы о любви, романы

© Бурлачков В.К., 2019

© Издательство ИТРК, издание и оформление, 2019

Новеллы о любви

Платформа «Тайнинская»

Электричка фыркнула и тронулась с места. Их толкнуло от ее движения. Они схватились за спинки вагонных скамеек и сели друг против друга.

Жена полезла в сумочку за журналом, а Макаров посмотрел в окно и подумал, что когда-то ездил по этой дороге очень часто. Три года подряд родители снимали в Хотьково дачу и он их навещал. Проходило лето, начиналась осень, из электричек исчезали последние дачники, платформы пустели, перелески становились прозрачными, а лужи по утрам белели от первого льда. Все это ему запомнилось.

Жена разглядывала фотографии в журнале и с легким волнением думала о встрече с теткой. От наставлений старуха не откажется ни за что, и придется выслушивать, что оба ее мужа были положительными и непьющими, а сама она – женщина обеспеченная и самостоятельная.

Макаров вызывал у жены опасения. Запросто мог выпить всю теткину наливку, не подержать разговор и ляпнуть что-нибудь невпопад. И еще надо было заставить его потащить домой килограммов десять яблок.

По вагону без конца шлялись продавцы ручек, зубной пасты и чудодейственных средств для похудения. Крепенький седой мужичок уверенно объявил, что похудеть можно раз и навсегда.

Макаров тем временем разглядывал в окно городские новостройки и думал, что у тетки его усадят за стол и будут разглядывать всем семейством, как слона в зоопарке. Сначала недовольно поморщатся, а потом объявят: «Все! Теперь ты наш!».

– Платформа «Тайнинская»! – объявили из репродуктора. – Следующая остановка – станция «Мытищи».

«Ну, да, именно здесь и было», – подумал Макаров. Вон там, на фоне больших серебряных букв названия платформы стояла необыкновенно милая девчонка с удивительными спокойными глазами. Он всегда искал и ждал именно такую. На ней было синее платье с короткими рукавами. Она ежилась от холодного ветра и вглядывалась в окна вагона, как будто старалась кого-то увидеть. Мальчишка в желтой куртке с поднятым воротником стоял рядом и собирался что-то ей сказать. Она не хотела с ним разговаривать. Он был ей не интересен.

В тот миг Макарова единственный раз в жизни охватил трепет. Это был миг, когда сбываются мечты, когда хочется жить вечно.

Но электричка вдруг дернулась и тронулась с места. «Как же так? Почему?» – вскрикнул Макаров. Что за безумие?

Надо было что-то делать. Макаров выскочил в тамбур, прижался лбом к стеклу и попытался отодвинуть дверь. Пальцы скользили по жесткой резине уплотнителя и срывались. Ничего не получалось. Он вспомнил о стоп-кране. Но поезд уже грохотал по мосту. Сердце готово было разорваться.

Двери сдвинулись, и вагон опять качнуло.

Мать что-то говорила о тетке и ее яблоках, вспоминала жена, а мальчишка в желтой куртке стоял на этой самой платформе, чуть подняв голову. У него было необыкновенное лицо – красивое и благородное. Он был самым лучшим на свете. Он был печален. Ему надо было сделать несколько шагов, и все могло сложиться по-иному. Но он их не сделал. И вагон тронулся. Кто-то побежал в тамбур, заорал, чтобы поезд остановили, и принялся колотить руками в двери. И вдруг показалось, что вот-вот раздастся спасительный скрежет тормозов и произойдет долгожданное и главное в жизни. Но поезд безжалостно рванулся вперед. Озарение разо-

рвалось. Захотелось закричать от боли. Мальчишка остался один. Смазливая девица в куцем, линиялом платье зря старалась обратить на себя его внимание. И так же, как сейчас, была осень.

Была осень, молча закивал Макаров. День заканчивался, и солнце пятилось к горизонту.

Сердцебиение

Обладание ею имело бы для него большое значение.

Разумеется, он вспомнил об этом не сразу. Для начала ему пришлось воскресить в памяти ее имя. Только после этого он подумал: «Разве? Имело значение?». И поспешил убедить себя в том, что все было совсем не так. В доказательство им был предъявлен ничего не значащий, невинный разговор между ними. – Она о чем-то спрашивала, он отвечал без всяких задних мыслей. У ее подъезда они расстались. Но воспоминание о подъезде оказалось крайне неудачным. С невинными разговорами оно никак не вязалось.

Да, вот – она! Ирочка, Ирина, а ныне – в особо крупных размерах – Ирина Игнатьевна.

– А я опять сюда, к маме переехала, – громко и бодро говорила она. – И ребята мои здесь в школе учатся. Только не в моей, а в новой – на той стороне. А ты из наших никого не видишь?

Он пожал плечами, собираясь что-то сказать, но не успел. Она заговорила снова:

– Ну, ваша школа всегда считалась «не очень». А наша, наоборот – гремела. «Новая» тоже очень хорошей считается. Ее все хвалят.

К платформе подскочила электричка. Двери визгливо открылись и на платформу вывалилась толпа. От тесноты они попятились к стене.

– Столько дел сразу свалилось! Жуть! – говорила она, приближаясь к нему и не давая толпе разделить их. – Квартиру отремонтировала, холодильник на дачу отправляла, с материнной пенсией разбираться ходила... А с этим холодильником у меня вообще кошмар! Он у нас с шестьдесят первого года. И морозил отлично, и ни разу не ремонтировали. Как они мне его стали двигать, ну, думаю – всё! И дорога такая ужасная. Одни колдобины. Приезжаем, затаскивают они его на терраску, включаю – не работает! Я им сразу сказала: а кто виноват? Ведь вы взялись везти!

Ирочку знал весь микрорайон. Она не пропускала ни одного «вечера» в окрестных школах, занималась на стадионе сразу в двух секциях и почти каждый день приходила в скверик у кинотеатра, где принято было собираться. Никому и в голову не пришло бы с ней знакомиться. В этом просто не было необходимости, – она заговаривала со всеми сама. Но если не приходило в голову знакомиться, то и нужды не было приглашать в кино или провожать домой. Никто к этому не стремился еще и потому, что Ирочке было далеко до микрорайоновских красавиц.

– А я недавно Богданухина встретила, – сказала она. – Ты его знаешь. Он на три года старше нас. На мотоцикле всегда гонял. Он когда-то за мной бегал. Еще до тебя.

Вот вам и открытие. Здрасьте, приехали. Бегал за ней! Да еще, оказывается, после какого-то Богданухина. Ну, если это так угодно назвать – пожалуйста. Но вначале и в мыслях не было завести с ней какие-то особые отношения. Просто у нее всегда была эта дурацкая манера обращаться к малознакомым, как к закадычным друзьям. Услышит от кого-нибудь имя и тут же скажет: «Ну, Веня, ну, подвинься». Или: «Сереж, а чего-нибудь еще сыграй».

И так же, как ко всем прочим, обратилась однажды к нему и сказала:

– Алеш, проводи меня до угла. Такая подворотня у нас страшная.

Он удивился не тому, что она выбрала в провожатые именно его, – она могла обратиться к любому. Станным показалось, что она могла чего-то опасаться.

Потом они столкнулись в десятом классе. Он проводил ее до подъезда и она сказала:

– Эх, какой ты! Хоть пригласил бы куда-нибудь...

Толпа схлынула, оголив платформу, а Ирина Игнатьевна продолжала стоять, прижимаясь к нему, и рассказывать о работе, которую ей предложили вместе с самыми лучезарными служебными перспективами. Он покорно слушал и кивал.

– А на той неделе я отравилась, – заявила она.

– Надеюсь, что не от несчастной любви, – сказал он.

– Съела что-то в гостях. Была у одних... Ты-то меня не приглашаешь. А тогда из-за меня переживал. Ведь, правда?

Как это понять – переживал? С температурой, что ли, сидел? Или лежал с выпученными глазами и держался за сердце? Не помнит он такого. Но помнит, как пригласил ее в кино и как они встретились у метро «Багратионовская».

Она опаздывала. Выскочила из-за стеклянных дверей, оглянулась по сторонам и побежала ему навстречу, – ни до, ни после женщины не бежали к нему навстречу. На ней было длинноватое синее пальто и бордовый мохеровый шарф. Она поправляла шарф на бегу.

Перед ним она остановилась и радостно доложила:

– Вот и я!

«И что же это значит такое? – спросил он себя. – Это и называется первое свидание? У других все, как у людей, а тут... Впрочем, а чего тут плохого? У других, наверное, не лучше».

В зимние каникулы она позвонила ему и позвала к себе. Он пришел и неожиданно-негаданно угодил на день рождения ее папаши – Игнатия то ли Сергеевича, то ли Степановича.

– А вот это – Алеша, – представила она его и гостям, и родителям.

Мамаша взглянула на него с досадой, папаша – с жалостью, гости – с недоумением.

Он тоже смотрел на всех с недоумением. С какой, собственно, стати, так вдруг – и на день рождения папаши? Но потом он привык, что с Ирочкой можно было в любой момент угодить в какую-нибудь несурзность.

– Алеша – Ирочкин друг, – пояснила мамаша и гости понятиливо закивали.

– Что ж ты так долго шел! – недовольно сказал папаша. – Раньше надо было приходиться!

Он собрался было сказать, что вышел тотчас после Ирочкиного звонка, но на него уже никто не смотрел.

Застолье, действительно, близилось к концу. Почти все было съедено и выпито. Ирочке пришлось отлить ему шампанского из своего бокала, а мамаша щедро вывалила в его тарелку остатки «оливье» – очень сухого, почти без майонеза.

– Знаете, что он сегодня во сне шептал? – говорила мамаша, кивая на Игнатия Сергеевича. – «Шурочка, – говорит, – можно с вами познакомиться?»

– Ах! Да? Ну, дает! – заорали кругом.

– Какой скромный человек, – сказал мужчина в красном галстуке. – Другой бы и спрашивать не стал.

– А выяснили, что за Шурочка? – спросила серьезная дама, продолжая жевать.

– Ведь она тоже – Шурочка, – сказал мужчина в красном галстуке, показывая на мамашу.

– Чего ему со мной знакомиться? – удивилась мамаша.

– Может это он так, заигрывая, – сказал мужчина. – Прежде чем, так сказать...

– Хватит... Ляпнешь чего-нибудь при ребятах, – оборвала его серьезная дама, успев прожевать.

Гости расходились с обниманиями и целованиями. «Друга Алешу» в суматохе тоже успели обнять и обслонявить. Пришлось достать платок и тайком вытереться.

Мамаша болтала в маленькой комнате по телефону, из большой комнаты доносился язвительный храп Игнатия Сергеевича, а они с Ирочкой мыли на кухне посуду.

– Как тебе мои? – спросила Ирочка.

– Нормально, – сказал он.

– А квартира моя как?

– Нормально.

– Так-то все нормально, – согласилась она и, помолчав, печально сказала:

– Будь ты повыше, может быть, я и вышла бы за тебя замуж.

В тот вечер она проводила его до лифта. На лестничной клетке они остановились друг против друга и он уткнулся сомкнутыми губами в ее губы. Какое-то время она терпела, потом отвернулась и сказала:

– Ну, хватит...

«И что же это? Первый поцелуй, что ли?» – подумал он и, отвернувшись от Ирины Игнатьевны, стал разглядывать розовые, узорчатые плитки на стене. Конечно, хотелось бы, чтобы все было как-нибудь иначе. А это – и вспоминать-то противно. Уж очень не как у людей. Впрочем, кто знает, как у них?

Когда она в следующий раз позвала его к себе, он спросил:

– Опять на день рождения?

– Не, будем одни, – сказала она.

Он понял, что эта встреча должна быть решительной. Он хотел добиться всего сразу, но даже вообразить не мог, как бы это произошло. Он пробовал выдумывать разные планы своих каверзных действий. Но как их осуществить, он не знал. В конце концов, он сознался себе, что весь успех дела зависел исключительно от Ирочки. Ему казалось, что она сама должна сказать, что да как...

Перед ее дверью у него началось сердцебиение. «И что будет, что будет?...» – прошептал он, дотягиваясь до кнопки звонка.

– А, это ты! – словно удивилась она, приоткрыв дверь. – Стой там. Сейчас я выйду. Мне надо в магазин.

Сначала они пошли в булочную, потом в хозяйственный, потом в парфюмерию. Он плелся за ней с тяжелыми сумками и повторял про себя: «Нет, я сегодня не за этим. Я на другое рассчитывал. Я-то хотел – э-эх!».

Все его надежды были связаны с их возвращением к ней домой. Но дверь открыла ее мамаша.

– Ой, Ирочка, бабуля тебе такой вкуснятины прислала, – выкрикнула она.

Ирочка понеслась на кухню и вернулась с двумя кусками пирога – большим и маленьким. Большой она успела откусить, маленький – сунула ему.

Он стоял в прихожей – как был – в пальто и шапке, жевал плохо пропеченную мякоть и думал: «Вот еще напасть. Так пописать хочется, а они мне этот пирог...».

Ирочка опять вышла проводить его на лестничную клетку и он опять уткнулся губами в ее губы. Она отвернулась и сказала:

– Ладно, пока...

Он решил действовать по-иному. Главным в его плане было заманить ее к себе. Повод для этого вроде бы находился. Но дальше возникало серьезное препятствие – у него не было магнитофона. Без музыки план рушился до основания. Только танцы могли помочь решить главную проблему. Никакой иной возможности привлечь Ирочку к себе он не видел.

Родители обещали купить магнитофон только к лету, а собственных средств не было ни копейки. Пришлось обращаться к двоюродному брату.

«А как ты его от меня потащишь?» – изумился брат. Действительно, как тащить через всю Москву этот здоровенный, старомодный ящик? Таких уже лет десять, наверное, не выпускали.

Но дотащил ведь как-то. На двух трамваях и метро. Нет, правильно говорят, что охота пуще неволи.

И, позвонив ей, сказал как бы между прочим:

– Приходи ко мне завтра.

Она помолчала, шмыгнула носом и сказала:

– Нет, не приду.

– Почему? – не понял он.

– Не приду и все, – зло сказала она.

– Но почему? – почти выкрикнул он сквозь грохот рассыпающихся надежд.

– Ты целоваться не умеешь, – сказала она.

– Как? – не понял он.

– Как все нормальные люди, – объявила она.

Открылись двери очередной электрички. Толпа опять заполнила платформу и потекла к эскалатору. Ирина Игнатьевна взяла его за локоть, весело взглянула в глаза и спросила:

– А как ты?

– Как все, – ответил он, отводя глаза. – Бегаю, суечусь.

– Интересно, а обо мне ты когда-нибудь вспоминал? – спросила она.

– Ну, милая моя, еще бы! – сказал он.

– Вот видишь! – назидательно сказала она. – А я и сейчас – ничего. Ведь, да?

– Еще бы!

– Но вы все такие, все такие..., – говорила, брезгливо морщась. – От вас ни за что внимания не дождешься. Вы все по собственным делишкам бегаєте. Все у вас не то на уме. Нет, чтобы взять до проводить женщину до дома.

– Как же не бегать по делам! – сказал он. – Семью надо кормить.

– А я вокруг себя всех разогнала, – бодро сообщила Ириша. – Теперь одна.

– Ты всегда была примой всех наших школьных балов, – сказал он.

– Да уж! – охотно согласилась она. – Значит, и ты это помнишь?

– Еще бы!

Ему пора было уезжать и он оглянулся в ожидании поезда.

Обладание ею не имело бы для него никакого значения.

Измена

Свет люстры слепил ему глаза, но было лень встать и выключить. Он дожидался, когда это сделает Рита и мысленно торопил ее, пока она ходила по комнате, звенела флаконами на туалетном столике и заводила будильник. Люстру она, наконец, выключила. Но оставила гореть оба бра над кроватью.

Прежде чем улечься рядом, она наклонилась над ним, – то ли хотела подсмотреть, спит ли он, то ли показывала, что сразу заснуть ему все равно не удастся.

Рита легла набок, лицом к нему и дотронулась до его плеча. Ответ был за ним. Она ждала.

Ее ласки были для него привычными. Маленькие теплые руки скользнули по его телу сначала медленно, потом резче и быстрее. Она приподнялась и ее волосы посыпались ему на лицо. Помедлила, будто хотела что-то рассмотреть в его глазах, сняла через голову короткую ночную рубашку и откинулась на спину.

Он поцеловал ее в шею, как она любила, и почувствовал нежный и томный спазм ее тела. Она терялась и уходила в себя. Он не успевал за ней. Как всегда, при их единении, она забросила руки за голову и смотрела на него неподвижными, глубокими глазами.

Он почувствовал, что в стекленеющем восторге ей придется остаться одной.

«Все начиналось просто и естественно», – подумал он. И такими привычными были их прикосновения друг к другу. Она всегда была желанна ему и он не думал ни о ком другом.

Она потянулась, громко охнула и замотала головой. Он закрыл глаза и уткнулся лицом в ее волосы.

В конце концов, он мог бы скрыть это от нее и не позволить ей заметить. А завтра все могло получиться по-иному и она показалась бы ему другой.

Он подумал, что эта другая могла бы быть с ним и сейчас. Он знал, как она смеялась бы и какой откровенной была бы. Ему нравилось ее тело и он мог почувствовать, как она гибко извивалась бы от его прикосновений. И он хотел быть с ней таким же открытым. Им ничего не надо было знать друг о друге; не надо было ничего говорить друг другу. Им нужны были только такие крепкие, шадящие объятия. Но пелена рассеялась, они стали не нужны друг другу.

Он перевалился на свою половину кровати, отдышался и взял Риту за руку. Она повернулась и прижалась к его плечу. Он чувствовал ее дыхание и влажные, теплые губы.

«Она не может догадываться ни о чем», – думал он. Как когда-то не догадывалась, что он поджидал ее возле работы, прячась от дождя под козырьком газетного киоска, как разглядывал ее в толпе, как шел за ней к метро, как желал, чтобы они были вместе.

Неужели даже его любовь к ней может пройти?

Она была его женой. Ему так не хотелось потерять её.

СобираТЕЛЬНЫЙ образ

В тот вечер у нее не было провожатого. Институтская дискотека закончилась, все разошлись, а она стояла под козырьком парадного подъезда, курила и делала вид, что пережидает дождь. Садовников стоял рядом, тоже курил и время от времени поглядывал на дверь, но так никого и не дождался.

– Домой пора, – сказала Юлечка и бросила окурок себе под ноги.

– Ты к метро? – спросил Садовников. – Тогда я с тобой.

Садовников напялил на голову маленькую несуразную кепку. При порывах ветра ему приходилось придерживать ее рукой. Но вид у него был очень важный: все-то он знает и все-то ему нипочем.

За разговорами они дотащились до «Варшавской», вышли из метро и под дождем добежали до автобусной остановки. Садовников сказал, что тащиться дальше ему никак не с руки, но записал номер ее телефона.

С тех пор они стали общаться. Бывало, он надолго пропадал и она напрочь забывала о его существовании. Но неожиданно звонил, нес нечто сумбурное и бравурное и старался дать понять, что опять сильно в чем-то преуспел.

Один раз она ходила с ним в театр. Возвращались, мирно беседовали о разных разностях; о начале романа не было и намека. В подъезде Садовников полез целоваться. От неожиданности она оттолкнула его не сразу. Он растерялся, смотрел на нее обиженными глазами и не мог ничего понять.

После этого он стал звонить чуть ли не каждый день. Она заставляла родителей говорить, что ее нет дома, молчала в трубку и, наконец, заявила ему, что не хочет его знать.

Три года, как закончили институт. Жизнь не то, чтобы ладилась. На примете никого не было. И тут опять он – легкий и без помина. Позвонил, как ни в чем не бывало.

После двух встреч он пригласил ее к себе. Кормил на кухне жареной курицей и рассказывал о работе. Она смотрела на него и думала: «Не-а, ничего к нему нет. Даже обнять не хочется».

Сбросила с себя его руки, когда он попытался приставать, и встала, чтобы уйти. Он пожал плечами и сказал: «Ну и зря».

Потом был геолог с Алтая, за которого собиралась замуж, и почтенный доцент – большой поклонник порнографии. Но так получилось, что на периферии памяти осталось: да, встречался в жизни человек. Ухаживал бережно, как никто другой; и терялся, когда его отталкивала.

Нашла в старой записной книжке телефон и позвонила. Оказалось, что он так и не женился. И работа хорошая, и дела идут неплохо, а до сих пор один.

Она спросила:

– Так трудно кого-то найти?

– Искал, – сказал он. – Абы кого – не хочется. А не абы – не получается.

С тех пор они опять перезванивались. Ей казалось, что у них есть общие темы.

Позвонила ему в очередной раз и во время разговора услышала женский голос:

– У тебя там кто-то есть? – спросила она.

– Да это тут вот... – начал он. – Маша меня зовет.

– Что еще за Маша? – удивилась Юлечка.

– Потом расскажу, – ответил Садовников и хихикнул.

«Нет, надо же, каков! Потом расскажет! Ну и свинья! Привел себе кого-то, а мне голову морочит. И эта – хороша. Приперлась к нему, и сидят там, воркуют. И я, как дура, ему звоню!»

– Что ты мне рассказывать собрался? – закричала Юлечка, – С какой это стати – потом?!

– Знаешь, давай лучше завтра, – сказал Садовников.

– Что значит – завтра? – кричала она.
– Не могу я сейчас говорить, – раздраженно сказал Садовников. – Все! Пока!
– Алло! Погоди! – кричала она. – Если сейчас бросишь трубку – все, я тебя и знать не хочу.

– Ты чего? Серьезно? – изумленно спросил Садовников.
– Я к тебе сейчас приеду! – выкрикнула она.
– Ничего не понял, – сказал Садовников. – Нашла время мне голову морочить...
– Я к тебе сейчас приеду, – повторила она. – Я разберусь! – И уже обиженно. – Так же нельзя! Так не поступают! Эта, твоя... Откуда она?

Садовников помолчал и сказал:

– Знаешь, что... – И бросил трубку.

Ночью она проснулась и подумала, что произошло непоправимое. Ее обманули мерзко и гадко. Простить она не могла. Но отомстить было нечем. От бессилья она разрыдалась.

К утру ей вроде бы удалось успокоиться. Она даже заснула. Но днем накатила дремучая тоска. Она не удержалась, позвонила ему на работу и закатила скандал. Он два раза бросал трубку. Она перезванивала, просила позвать его и заставляла слушать.

Полгода она старалась выбросить его из головы. Но уж очень хотелось узнать, как у него, да что. И получилось ли с этой? Не удержалась и позвонила.

– Это ты? – грустно сказал Садовников. – Ну, чего у тебя?

– Все то же самое, – ответила она.

– И у меня не больно весело, – сказал он.

– А твоя как? – спросила она, набравшись решимости.

– Не знаю, – ответил он. – Давно не виделись.

На следующей неделе она пригласила его к себе, накормила всем, что смогла приготовить, и положила руки ему на плечи, когда он собирался уходить.

Он дотрагивался до нее неловко и грубо, и она не испытала к нему нежности. Она поняла, что почти не знала его. Для нее он был соткан из реплик, обрывков телефонных разговоров и ее собственных мыслей о нем. Ей даже показалось, что на самом деле эти реплики принадлежали не ему. Просто со временем все так перепуталось.

Он спал, повернувшись к стене, а она стояла у приоткрытого окна, курила и думала о том, что искать кого-то другого у нее уже нет ни сил, ни времени.

Постельная сцена

Она приоткрыла глаза, заметила, что он проснулся, и повернулась к нему. Прижалась, что-то промурчала и закинула на него ногу. Он улавливал спокойное теплое дыхание. Ему было приятно чувствовать на себе ее бедро.

В полусне перемешались нежность и желанность ее близости, и было осязаемым их взаимное стремление друг к другу.

Он перевернулся на бок, положил руку под ее сбившуюся ночную сорочку, провел ладонью по гладкой, чуть влажной коже.

Она качнула головой, не открывая глаз, обняла его за шею и дотронулась губами до его подбородка.

В этой дреме и ласке они долго лежали почти неподвижно, и единственное, чтобы их сейчас устроило – безвременье.

«Никогда бы не поверил, что так может быть», – думал он. Но есть наяву и способно так нежить и убаюкивать теплотой. Конечно, эта женщина – только одна на белом свете, и странно было бы сравнивать ее с другими. Она оказалась с ним после всех его поисков и утрат. И здорово, что они стали так нерасторжимо дороги и необходимы друг друга. Стоит ему дотронуться до нее, и она становится гибкой и мягкой, отзываясь нежностью на каждое его прикосновение.

Это утро так походило на все предыдущие, когда они просыпались рядом. И опять было невозможно не прикоснуться к ней губами и не вести подушечками пальцев по ее коже; и опять сладко было чувствовать, как она стремится прижаться к нему невозможно близко.

Ни у одного из них не хватило воли подняться с постели первым. Только понимая, что день опять рушится, что они никуда не успеют и окажутся в сплошных неприятностях, они вставали. И, одеваясь, прижимались друг к другу и подолгу стояли вместе.

Она раскрыла глаза и прошептала:

– Проспали?

«А, не жалко, – подумал он. – Все равно это только раз в жизни, и, значит, для меня самое главное».

– Проспали, да? – переспросила она.

– Полежим еще чуть-чуть, – сказал он.

– Не опоздаем? – спросила она.

– Ничего страшного, – сказал он и замолчал.

Он лежал и думал о том, что страшное все же было. Сегодня ему надо сказать ей, что на днях с дачи возвращаются жена и дочка. Предстояло вернуть жизнь в прежнюю колею.

Сон в осеннюю ночь

Неширокий коридор, заполненный людьми. Идут навстречу и смотрят вперед, подняв головы, как будто стараются что-то разглядеть вдаль.

И вот фойе перед кинозалом. Народу полно, но все стоит спокойно, почти не двигаясь, и чего-то ждут. Попадаются знакомые лица. Даже много знакомых. Правда, не вспомнить, где и когда их видел. За их спинами – темные окна. Такие темные, что ничего в них не светится. А перед окнами в огромных ящиках – пальмы с фигурчатыми листьями, похожими на раздавленные пальцы.

Толпа в фойе пришла в движение. И как будто уже нет фойе, а есть все тот же коридор. Идут навстречу. Теперь сомнений нет, что среди них полно знакомых. Узнают и кивают на ходу.

Кто-то обернулся и показал глазами назад. И еще один обернулся и махнул рукой.

Ах, вот оно что! Где-то здесь, среди них – Татьяна. И люди показывают, что сейчас он ее увидит. Конечно, здорово, что они встретятся. Только от чего вдруг такая растерянность? Даже лицо горит. Татьяна увидит его таким и удивится. Ему не хочется, чтобы она заметила его растерянность. Сейчас, сейчас он успокоится, подойдет к ней сам и скажет что-нибудь развязно веселое. «Ба! Вы! Да неужто?!» Жаль времени нет придумать что-то оригинальное. И не надо придумывать. Просто подойти и молча остановиться перед ней. Заметить ее удивление и услышать что-то несвязное: «А я о тебе слышала! Хотела позвонить, даже телефон нашла. Но решила, что...». Или не это, а совсем иное будет сказано, с иными интонациями. Но и ей, и ему будет приятно, что вдруг встретились, смотрят друг другу в глаза и говорят. Неважно, что говорят. Самое главное, что смотрят.

Вот же она, совсем рядом. Стоит вполоборота и с кем-то разговаривает. Сейчас она почувствует на себе его взгляд, обернется в его сторону и тогда...

Невозможно будет ее отпустить. Теперь он не отпустит ее никогда.

На ней лимонно-желтое платье, очень броское. Наверное, оно ей к лицу. Блондинкам идет яркое. И все-таки очень странный цвет, даже ядовитый.

Он делает шаг ей навстречу и видит, как она поворачивает голову. Сейчас заметит его и ступует.

Она смотрит на него. Совсем равнодушно смотрит, просто скользит глазами, нехотя кивает и неторопливо проходит мимо.

«Как же так, как же так!» – думает он, оборачиваясь. Кругом люди. Они все видели и поняли.

Он напускает на себя уверенный вид, старается показать, что ему все равно, хочет отойти в сторону, но рядом оказывается малознакомый человек. Где-то его видел. Кажется, в институте вместе учились, едва здоровались. «При чем здесь он? И откуда он обо всем знает?» – Тот понимающе качает головой и морщится. А его-то какое дело? Что он лезет?

Отворачивается от этого приставучего типа и идет прочь. Все-таки странно, что Татьяна вот так... Даже остановиться не захотела. Ну, ее дело, ее дело. Как хочет. Но он этого от нее не заслужил.

Он просыпается. Поворачивается набок, вытягивая затекшую руку, и, еще пребывая в странностях сна, думает: вот так, ушла, не захотела говорить... Но встречались же после и разговаривали. Даже хорошо разговаривали. Правда, она грустно смотрела, а я что-то рассказывал и, в конце концов, она рассмеялась.

Можно ее разыскать. Обзвонить знакомых и выяснить, где она сейчас. Замужем или развелась? Ведь в Москве же она.

Узнать, где живет, встретить у дома и подойти так, чтобы заметила в последнюю минуту. Чтобы нежданно-негаданно увидела и растерялась.

А вдруг – прошла бы мимо? Не остановилась бы и не поговорила? Не может она не обрадоваться, увидев его. А вдруг? Чушь какая! Он от нее такого не заслужил. Она несколько раз звонила, спрашивала: что такое? почему? Он говорил, что много дел, что разговаривать ему некогда. Опускал трубку и недовольно морщился. – Заслужил или не заслужил – какая разница. Все забылось давно. Зачем копаться и выяснять? И сознаваться в чем-то... Сознаваться всегда противно, тем более себе самому.

Разгадка

Уверен, читателю будет небезынтересно узнать, что в конце марта, в самый-рассамый обычный, на удивление даже обыкновенный день, о котором и сказать нечего, кроме того, что были тучи, дождик да серенький свет, – так вот, именно в такой день в одной из московских новостроек, о которой, разумеется, сказать что-либо эдакое, особенное просто невозможно, – так вот, в такой именно новостройке, во дворе между домами, в которых ничем примечательного заметить, ну, никак нельзя, – вот в таком дворе, возле огромной лужи (про лужу – вообще не буду), встретились трое: Риточка Вертухина – вполне привлекательная особа неопределенного возраста, ученик второго класса местной школы, прошлогодний чемпион по шашкам детского лагеря «Уголек» Стасик Ключев и здоровенный, неизвестной породы рыжий кот с хвостом. Да, именно такой. Вот и говорите мне теперь, что без хвостов кошек не бывает. Потому что – сами знаете: не напиши я про хвост, вы к чему-нибудь все равно придеретесь.

Описываемая нами встреча произошла, разумеется, совершенно случайно. А что в жизни происходит не случайно?

Сначала – о Риточке Вертухиной. Надо заметить, что для самой себя Риточка отнюдь не была особой неопределенного возраста; более того, регулярно в кругу родных, приятельниц и соседок отмечала собственный день рождения и о своих годах прекрасно помнила. Но Риточку пока еще не покидала уверенность, что определить ее возраст просто так, на глазок – дело абсолютно безнадежное. Хотя этим вроде бы регулярно занимаются в автобусах и метро незнакомые мужчины.

Риточка шагала по двору не то, чтобы торопливо, но и не так, как ходят безо всякого дела. Она была настолько увлечена размышлениями о возможных перипетиях визита к своему давнему и доброму знакомому Юрию Ивановичу Половикову, что не обратила внимания ни на рыжего кота с хвостом, ни на очкастого мальчишку в шапке-ушанке. Впрочем, и Стасик смотрел, как тетка маневрирует между лужами, без всякого интереса.

Поначалу не привлек его внимания и кот. Обыкновенный паршивый рыжий котище. Шляется по помойкам и попрошайничает у столовой. А оставь рядом с ним что-нибудь съестное – вмиг сопрет. В общем, вполне стоило пнуть кота ногой, чтобы он противно мяукнул, отскочил в сторону и больше никогда бы на глаза не попадался. Но чемпиону по шашкам было не до кота.

За обедом родители Стасика устроили скандал. Сначала нахамили друг другу, потом по очереди наорали на нашего чемпиона и пригрозили надавать ему подзатыльников. Мать кричала отцу:

«Какого хрена ты там опять расселся?!», а отец меланхолично ответил: «Да пошла ты...».

Оставаться дома Стасик посчитал чреватым. Тихонечко оделся и скользнул за дверь.

Во дворе никого из друзей-приятелей не было и несчастному прошлогоднему чемпиону по шашкам стало невыносимо тоскливо. И он подумал: «Н-да, грустно, грустна жизнь...» Вот в эту самую минуту на глаза Стасику и попался рыжий кот.

Нет, Стасик не пнул котищу ногой, а остановился и стал его внимательно разглядывать. Такое внимание кота не испугало, а вроде бы даже заинтересовало. Он поднял голову, вильнул хвостом и мяукнул.

Стасик не был большим знатоком литературы, по «чтению» имел в последней четверти «тройбан» и об особой роли всяких разномастных кошек и котов в отечественной словесности понятия не имел. Но даже он подумал: что-то тут не то. Не так все просто.

И смысленный Стасик сразу обо всем догадался. Да, все именно так – кот, конечно же, несчастен. Как и сам чемпион по шашкам. Кот был брошен. Оставлен хозяевами на произвол судьбы. Кота надо было спасать.

Стасик поймал его за шкурку и сгреб в охапку.

Риточка Вертухина тем временем успела войти в один из ближайших подъездов, подняться в лифте на восьмой этаж и позвонить в дверь квартиры № 148.

Половиков распахнул перед Риточкой дверь, а вслед за дверью – и свои объятия.

С филологической точки зрения последняя фраза меня несколько смущает. Но ее житейский смысл, безусловно, верен: Половиков был рад видеть Риточку, а это, конечно же, не могло в свою очередь не обрадовать нашу героиню.

– Ой, я к тебе так добиралась долго, – говорила Риточка, упираясь ладонями в чашную грудь своего друга и по-кошачьи теребя ногтями ткань его рубашки.

– Да? Правда? – весело сказал Половиков, обратив внимание лишь на слово «добиралась» и пропустив мимо ушей «долго».

– Ждала-ждала автобус, – укоризненно говорила Риточка и никак не могла взять в толк, почему Половиков вдруг так развеселился.

– Да? Правда? – переспросил Юрий Иванович уже расстроено и сразу попытался перевести разговор на что-нибудь иное. – А я сейчас тебе чай поставлю. У меня и заварка есть.

Надо сказать, что в отношении к Половикову Риточка часто бывала снисходительна. Вот и сейчас она не стала ничего заострять, а спокойно прошла в кухню и уселась на древний, продавленный диван с валиками по бокам и с полочкой для слоников. Половиков приобрел этот диван совсем недавно, уже на Риточкиной памяти. Старушка-соседка этажом выше купила себе новую мебель и попросила Юрия Ивановича оттащить старый диван на помойку. А он припер его к себе на кухню и, обращаясь к Риточке, несколько раз повторил: «Выбросить такую вещь! Ну и глупая баба!».

Половиков достал из ветхого шкафа, – такого ветхого, что даже подмывает назвать его шкапом, – чашки и полиэтиленовый пакетик с обломками печенья, а Риточка закурила и подумала: «Раньше-то у него тут шампанское водилось. Теперь одно только печенье. Все-таки хамство с его стороны этим печеньем меня кормить. Мог бы хоть чего-нибудь вкусенького купить. Жмот проклятый».

Риточка и Половиков не виделись недели две и им было, о чем поговорить за чаем, – рассказать, что поделывали последнее время, и вспомнить общих знакомых.

У этих общих знакомых на вечеринке по случаю защиты кандидатской диссертации они и познакомились. Вначале Риточка поглядывала на Половикова весьма критически. Все в нем ей не нравилось: и воротник у рубашки, такой, будто его корова жевала, и башмаки, и худая бороденка. Но у Юрия Ивановича было и бросающееся в глаза достоинство: он оказался единственным во всей компании без обручального кольца. Женатых Риточка не любила любить. Ей уже однажды звонили и обещали вцепиться в волосы. Нет уж, довольно.

И Риточка поначалу Половикову тоже не очень-то понравилась. Первую половину вечера он чаще поглядывал на двух других женщин, и никак не мог выбрать, к какой из них обратиться с разговором. А застолье тем временем продолжалось и произносившие тосты то и дело говорили: «Исследование, которое провел коллега...».

«Н-да, исследование, которое провел коллега...» – повторял вслед за ними Половиков и глядел на сохранявших полную серьезность женщин за столом. Обе были более-менее ничего. Одна – повыше, другая – потолще. Но как ни хороши они были, все же Риточкины глаза обещали Юрию Ивановичу гораздо больше взаимопонимания.

– А у нас опять «защита» была, – говорил Половиков, отхлебывая чай из большой желтой чашки, такой старой, что внутри она стала коричневатой и ничем не отмывалась. – Все вроде бы хорошо шло, а потом поднимается Сидорчук и говорит...

Риточка присвистнула и осуждающее покачала головой. Но огорчило ее не заявление неизвестного Сидорчука, а то неприятное обстоятельство, что рассказ о нем мог продлиться чересчур долго.

– И вот, представляешь! Такое говорит! – почти выкрикнул Юрий Иванович и всплеснул руками.

Да, Половиков отнюдь не был нетерпелив. Скорее, нетерпеливой была Риточка. Тем более, что по дороге сюда, – и в метро, и в автобусе, – ей пришлось пережить немало грез и сладостных видений. И задерживаться за чаем никак не хотелось.

Поэтому Риточка подвинулась ближе к Половикову и положила руку на полочку для слоников. Юрий Иванович проговорил еще минут двадцать, наконец, прервался и тут же возжелал крепко обнять свою гостью. Надо заметить, что и Риточка обнимала Половикова очень нежно, хотя его борода и колола ее щеки.

Закончились эти обнимания тем, что Риточка осторожно отстранилась от своего друга и тихо, скромно потупив глаза, сказала, что ей надо в ванную.

Она ушла, а Половиков бодрым шагом прошелся по своей однокомнатной квартире, заставленной трофейной, в разных местах подобранной мебелью и попытался поэтически обдумать предстоящие демарши в отношении своей гостьи. В его голове тут же возник и оформился план, симпатичный и романтический.

Но неблагоприятные, хотя по-житейски вполне понятные размышления Юрия Ивановича оказались прерванными: Риточка выглянула из-за двери ванной и удивленно спросила:

– А где у тебя мыло?

– У меня только «хозяйственное», – сказал Половиков.

– Это как? – не поняла Риточка. – А мыться чем?

– Да кончилось... Тут разве у них... я ходил, спрашивал... – Половиков не знал, что и говорить.

– Ну, ты даешь! – зло сказала Риточка. – У тебя все – черт-те что! Не как у людей! – И захлопнула дверь.

Юрий Иванович растерянно пожал плечами и подумал: «Вот еще... “Хозяйственное” ей не подходит! И таким помоемся. Не графиня! Нормальные люди со своим мылом в гости ходят!» А Риточка с раздражением стягивала с себя колготки и думала: «Ну, ему-то что? Он и этим моется. Чтобы все блестело, как у мартовского кота...»

В эту самую минуту в дверь позвонили. Разумеется, это был прошлогодний чемпион по пашкам Стасик Ключев с котом на руках. Да, вот так, опять – случайность, случайность.

Прежде, чем заявиться в квартиру № 148, Стасик обошел два подъезда. Кота не взяли нигде. В первой квартире недовольно фыркнули и тут же захлопнули дверь; во второй – истошно заорали: «Нет, нет!». Остаться в третьей квартире кот сам не захотел и, увидев толстую тетку в бигудях, так рванулся, что оцарапал Стасику руки. В следующем подъезде повторилось то же самое.

– Вот, котенок у меня, – обреченно сказал Стасик, представ перед Половиковым. – Потерялся. Ищу, кому бы отдать. Вы не возьмете?

– У, котище какой! – восторженно сказал Юрий Иванович. – Хорош! Хорош! Да я-то что... Видишь ли, какое дело... Я в командировки часто езжу.

– А если бы не ездили, взяли? – с надеждой в голосе спросил Стасик.

– Если бы не ездил?.. – Половиков поднял брови, помолчал и уверенно сказал:

– Еще бы! Конечно, взял бы! Не взять такого кота!

Риточка высунулась из ванной, удивленно взглянула на мальчишку с котом на руках и сказала:

– Ой, какой! Отдают его? Половиков, бери! Хоть кто-то у тебя будет! А то сидишь тут один, как сын.

– Да ну... Куда я с ним... – говорил Юрий Иванович, обернувшись к Риточке. – Куда я его...

– Бери, пока дают, – веселилась Риточка, забыв о мыле. – Будете тут вдвоем с котом куковать.

– Не, это она так... – сказал Половиков, обращаясь к Стасику. – Мне с ним некуда...

– Будет тебе про командировки врать, – говорила Риточка.

– Бери кота!

– Это она шутит, шутит, – нескладно улыбаясь, твердил Половиков, прикрывая дверь. – С удовольствием бы. Но никак, никак.

Дверь захлопнулась и Стасик, поправив очки, подумал: «Странно все же! Тетка из ванной выглядывает, а сама говорит, что у дядьки никого нет. А если просто гостя, то какого хрена ей в ванной мыться? Разве так бывает? Нет, все-таки темное дело!».

Стасик был настолько удивлен увиденным в квартире № 148, что потерял всякий интерес к рыжему коту, с которым битый час таскался по подъездам, и даже бросил своего питомца на пол.

Кот, вопреки ожиданиям чемпиона по шашкам, не сиганул по лестнице вверх или вниз, а прошелся, махая хвостом, по желтому кафелю, остановился у захлопнувшейся двери и мяукнул. Это окончательно убедило Стасика в том, что события в квартире № 148 необходимо расследовать. Предстояло немедленно определить последовательность действий и приступить к наблюдениям. У чемпиона по шашкам появились на этот счет некоторые задумки.

Стасик выскочил из подъезда и в нерешительности остановился. Надо было постараться устроить судьбу рыжего кота. Но медлить с проведением следственных мероприятий тоже было невозможно. «А, подождет!» – подумал чемпион и посадил кота на дерево.

Кот держался за тонкий мокрый ствол всеми четырьмя лапами и опасливо поглядывал вниз. Не то, чтобы он боялся высоты, – собственно, высоты и не было, – а просто настолько очумел от путешествия по квартирам, что пребывал в чрезвычайной растерянности, и если бы сейчас появились псы, вероятно, даже не нашел бы, что предпринять. Но псов на его счастье во дворе не было.

Риточка вошла в комнату, как говаривали в старину, неглиже, то есть не то, чтобы разде-той, но и не совсем одетой. Во всяком случае, добрая половина ее одеяний осталась в половиковской ванной. Да и Юрий Иванович поджидал свою гостью в одних стоптанных тапочках, – правый более-менее ничем, а из дырки на левом торчал большой палец.

Юрий Иванович поцеловал Риточку в плечо, в розовую полоску от тесной бретельки и задумчиво сказал:

– А знаешь, в одежде ты мне даже больше нравишься.

– Странный какой-то комплимент для женщины, – изумленно проговорила Риточка. Но опять не стала ничего заострять. Вроде бы было не до того. Хотя, когда-нибудь, в конце концов...

Риточка прикусила губки и тонко застонала, а Половиков подумал: «Ах, черт! Забыл позвонить Сидорчуку!». Нет, надо такие вещи записывать. Чтобы позвонить. И метить скрюченным пальцем в глаз телефонного аппарата. А иначе...

Что, собственно, иначе? При чем тут «иначе»? «Исследование, которое провел коллега...» А это еще откуда? И почему сижу в квартире как сыч?

Половиков стиснул плечи своей гостью и громко, протяжно вздохнул. А успевшая отдышаться и даже заскучать Риточка подумала: «Ну, наконец-то, сподобился...».

– Мне с тобой очень хорошо, – ласково и проникновенно прошептала Риточка.

«Со мной всем хорошо», – чуть было не ответил ей Юрий Иванович, но вовремя задремал.

Не то, чтобы спал, не то, чтобы бодрствовал. Летел, то ли тенью, то ли черной ночной птицей надо всем, что видел когда-то, надо всем, где когда-то бывал и, узнавая, старался вспомнить.

Но все путалось. Лодочная станция на пруду недалеко от его школы и фанерный сарай, который снимал в прошлом году в поселке под Евпаторией; овраг в зарослях крапивы и летняя пивная. И еще, и еще что-то.

Над всем, что грезилось, стояла светлая, чуть желтоватая, теплая ночь. Черная птица измученно летела над землей, путаясь во временах и пространствах, искала место, где бы прилечь, сомкнув широкие лохматые крылья, и не находила. И тут выяснилось, что летящая птица – едва ли не единственное живое существо в огромном, пустом мире. И от сознания этого повеяло затхлым холодом, как из старого, захламленного подвала.

Зыбкими были видения, растерянными – мысли; и чувство собственной заброшенности и забытости в сумеречном, потустороннем мире рождало ощущение, что, сколько бы ни было страшных тайн и непостижимых загадок, – самая большая загадка в этом мире – это, оказывается, ты сам.

– Спишь? Да? – ласково спросила Риточка.

– Вовсе нет, – бодро ответил Половиков.

– А я заснула, – прошептала Риточка.

Половикову было приятно вернуться из полета в темно-желтой, пустынной ночи, сотканной из разных времен, сюда, в явь, к своей милой гостье. Он зевнул, прогоняя из головы сонный прессованный туман, и ощутил потребность сказать Риточке что-нибудь необыкновенно приятное. Подумал, широко распахнул глаза и шепнул:

– А я твою заколку нашел!

– Где? – спросила Риточка.

– Под кроватью валялась. А ты, растрепа какая, про нее и не спросила.

– Я думала, что на улице потеряла, – сказала Риточка.

– Во, даже не знаешь, где теряешь, – ласково-укоризненно сказал Половиков. Включил лампу на тумбочке, пошарил рукой среди газет и сказал:

– Тут вот она.

Риточка поднялась на локте, заглянула под лампу и тихо сказал:

– А это не моя.

– Как не твоя? – спросил Юрий Иванович так грозно, словно пытался уличить свою гостью в чем-то нехорошем.

Риточка молчала.

«Бр! Ерунда какая... – подумал Половиков. – Что ж это такое?» И сказал совсем неуверенно:

– Так ведь... Я подметал! Веником подметал. И вот там, под кроватью... – Он даже приуныл. – У коробки с пустыми банками... И как раз после того, как ты у меня была...

– Угу! Была... – прошептала Риточка.

Все обрушилось не просто неожиданно, но настолько некстати, что Риточка лежала, боясь пошевелиться. Вроде бы надо было что-то говорить, наверное, даже кричать и обзывать негодяя самыми последними словами. Делать это оказалось невозможным по одной простой причине, – все душевные силы вдруг иссякли. Оставалось лишь лежать, глядя во все глаза в темный потолок и искать выход, как поступить. Не хотелось ничего: ни оставаться на половицовой тахте, ни уходить.

«И надо же так! – думал тем временем Юрий Иванович. – Вот влип, так влип. Черт бы их всех побрал с их заколками!»

– А! Так это ко мне летом гости приезжали, – радостно сказал Половиков. – Муж с женой! Из Орла! То-то, я помню, она все что-то искала.

- Не надо, – тихо попросила Риточка.
- Правда, она искала, – неуверенно сказал Юрий Иванович.

В том самом плане следственных мероприятий, который составил и тут же взялся осуществлять Стасик Ключев, самым сложным было проникнуть в его собственную квартиру и не попасться на глаза родителям. Ради этого пришлось сделать вид, что на улицу он больше не собирается: снять в прихожей шапку, пальто и башмаки. У себя в комнате Стасик долго копался в комод, оставшемся после бабушки, и наконец, нашел старинный театральный бинокль в черном кожаном футлярчике.

Вторая часть плана удалась прошлогоднему чемпиону не хуже первой. Проявив массу сообразительности, он довольно быстро догадался не только о том, на какую сторону выходят окна квартиры № 148, но и о том, в каком именно подъезде дома напротив удобнее всего расположить наблюдательный пункт.

Зато дальше пошли сплошные разочарования. По всему восьмому этажу большие окна оказались либо темными, либо зашторенными. Лишь в одном из них меж плотных занавесок светилась желтая полоска, а в ней виднелся угол шкафа. На шкафу громоздилась белая голова и пушистый свисающий цветок.

Кухонные окна почти сплошь были не завешенными. Но ничего примечательного в них не происходило. Сидел за столом толстый старик в синей майке, что-то мыла над раковиной девочка в белом халате. И дальше все такое же и в таком вот духе.

Большое окно той самой квартиры, которая интересовала Стасика более всего, было темно. Кухня светилась и просматривалась как на ладони, даже ложки на столе поблескивали. Но в кухне не было никого.

Риточка поняла, что надо уходить; правда, пока не решила, навсегда ли. Героиня наша уже достаточно пожила на свете и знала: от «уходов» мало проку. «Уходы» не могут помочь. Кроме вот этого негодяя, который сейчас вольготно разлегся рядом, у Риточки на нынешнем этапе ее жизненного пути не было никого. Никто и нигде нашу героиню не ждал. И ей стало так нестерпимо обидно, что она поднялась с половиковой тахты быстро и резко, заставив Юрия Ивановича вздрогнуть.

Одно из окон восьмого этажа перестало быть черным. Окно оживило и забрезжило чахлым, бледным светом. Стасик покрутил ролик старинного бинокля, свет вначале помутнел, но тут же прояснился. Происходящее в комнате скрывалось за шторой. А на кухне, в прозрачном свете не было никого.

И вдруг в глубине кухни, там, где начинался коридор, темнота на мгновение исчезла: откуда-то сбоку просиял яркий прямоугольник, и в нем мелькнуло, словно метнулось, нечто округлое и румяно-белесое. Стасик вздрогнул и потерял пятно из виду, а когда снова навел бинокль, ничего уже не было. Воссоздал увиденное в воображении и с растерянностью подумал: «А при чем тут, в сущности, голая попа? При чем? Нет, просто какая-то абстракция!». Как азартно ни крутил он ролик бинокля, ничего удивительного в коридоре более не наблюдалось.

И сплошным разочарованием было видеть, как в светлом прямоугольнике возникла тетка в черном свитере. Постояла и ушла.

Вслед за ней на кухню заглянул тот самый бородатый дядька и выключил свет.

Стасик был уязвлен и почувствовал себя обманутым. Пробежал взглядом по окнам восьмого и сопредельных этажей, но ничего примечательного не обнаружил нигде.

Риточка шла по двору, опустив голову и не слишком тщательно обходя лужи. Да и разглядеть их в темноте было мудрено. Половиков плелся за своей гостьей, отставая на полшага, как будто пытался ее догнать и заглянуть в лицо.

«И вот, ухожу и, может быть, не приеду сюда больше никогда», – рассуждала Риточка. – Наверное, незачем сюда возвращаться. И не надо из-за всего этого переживать. Недостойн тут никто моих переживаний. Но сама виновата. И вообще – надо было бы мне с ним построже. Зря стала его распускать... Эх, его бы...»

И с вернувшейся к ней решительностью Риточка подумала: «Взять, что ли, и родить от этого дурака...».

Половиков несколько раз порывался что-нибудь сказать своей гостье; что-нибудь приятное, даже ласковое. Но вот беда – это могло оказаться очень некстати. И он шагал рядом с Риточкой, страдая и не находя возможности что-либо предпринять ради примирения.

«А ведь она – баба и вправду неплохая, коря себя за неуклюжесть, – рассуждал Половиков. – Спокойная, некрикливая и неизбалованная. Ну, купил бы я ей в другой раз туалетного мыла. Тоже мне, проблема! И еще эта чертова заколка! Дернуло меня за язык! Нет, жаль, если Ритка пропадет навсегда. Это она зря. Подумаешь, кто-то что-то у меня оставил. Даже не помню, когда и было. Наверное, уже месяц назад. А она – конечно же, неплохая. И если бы собралась рожать, может быть, я бы на ней и женился».

Стасик Клюев стоял на тротуаре и смотрел вслед объектам своих наблюдений с сожалением. Обидно было и то, что они быстро ушли, и то, что он так до конца и не понял: а что, собственно, они между собой замыслили. Но определенные подозрения у прошлогоднего чемпиона все же возникли.

Риточка и Половиков прошли мимо Стасика, не обратив на него внимания, даже не припомнив, что кто-то заходил к ним с рыжим котом на руках, – настолько они были захвачены собственными размышлениями. И, конечно же, они не могли догадаться, что появлению на белый свет этого мальчишки предшествовали точно такие же рассуждения его собственных родителей. Все там было: и выяснения отношений, и уговоры, и угрозы, и звонки материнных подружек отцовским приятелям.

Стасик опять задумался над сегодняшними происшествиями, но ни к какому однозначному выводу так и не пришел. Впрочем, это его несколько не расстраивало.

Нет, что ни говорите, а весела, весела жизнь, рассуждал прошлогодний чемпион. А главное, все в ней как-то само собой и само по себе.

И хотя слово «случайность» произнесено не было, но ощущал Стасик именно его...

Конечно же, случайность! Вот что торжествует! Вот что правит бал!

Так да здравствуют случайности! Свершения, творения и дела голубоглазого Случая. И да не иссякнут они не токмо, покуда разлетаются в пучине пространств песчинки галактик, и белый свет льется на бледно-синюю землю, но и потом! Потом!

Все было бы прекрасно, только кот куда-то пропал. А как был бы кстати. Как славно было бы сказать, что и он нечто такое понимал и чувствовал. И прекрасно знал цену случайностям.

Сюжет, разумеется, решительно требует присутствия кота в последних строчках. Но нет его! Пропал! Так что придется – без него.

Вот, собственно, и все. Рассказ закончен наш. Ну, идеяка, конечно же, мелка; да и изложено – так себе. А, ладно...

В не наше время

Я смотрел по сторонам, удивлялся и вздыхал. Нашего поселка не было. Вместо него стояли белые и серые высоты, а между ними доживали свой век последние деревья прежних дивных яблоневых садов.

Мне было, чему изумляться, а приятель жил неподалеку, и ко всему этому давно привык.

– Надо же, ничего не осталось, – сказал я.

– Да-а, вон, на моем месте какой домина стоит, – отозвался приятель. – Только сосны остались возле тротуара. Яблони все засохли. А когда Ленка маленькая была, мы сюда за яблоками ходили. Дед в год моего рождения яблоню посадил... А Ленка в этом году замуж вышла.

– Поздравляю, – сказал я.

– Сначала Ленка за парня из своего института собиралась, – сказал приятель. – Даже платье сшила. И вдруг за день до свадьбы хватает платье и с этим Сережкой к нему в Новосибирск. Родители того парня к нам прибежали. Кричат. Мы-то что можем? Сами ничего не знали. Ленка без нас решила.

– А сейчас как живут? – спросил я.

– Ничего, нормально. Сережка – парень неплохой.

Я слушал историю о дочке приятеля моих детских времен, смотрел на то, что осталось от нашего поселка, и казался самому себе удивительно древним, помнящим такие стародавние времена, после которых уже успело вырасти целое поколение.

Возле одного из подъездов на лавочке сидели две пожилые женщины и старик. Женщины разговаривали, повернувшись друг к другу, а старик сидел молча, держал в руках палку и неподвижно смотрел перед собой.

Мы подошли поближе и я узнал в одной из женщин тетю Тоню. Остановился перед ней, но не успел ничего сказать. Она заговорила первой.

– Ой, это вот кто! Ну, конечно! Вылитый отец! Похож как! Да? – Она обращалась к соседке по скамейке.

Соседка сдержанно кивнула, внимательно посмотрела на меня и спросила о родителях.

Я ответил, и мы немного помолчали, – каждый о своем, но все об одном и том же. О скоротечности времени и об утратах.

– А ты Люсю узнал? – спросила тетя Тоня и кивнула на соседку.

– Узнал, – ответил я, хотя, по правде сказать, узнавал с сомнением.

– Ведь в нее твой дядя был влюблен, – сказала тетя Тоня. – Да, такие были дела!

Люся посмотрела на тетю Тоню и весело, и испуганно.

– Было, было... – сказала тетя Тоня с такой уверенностью, будто мы ей не верили.

– Потихе, ты. Потихе, – перебила ее Люся.

И тут старик, до этого момента молча смотревший перед собой, очнулся. Резко обернулся в нашу сторону и тяжело посмотрел на нас.

– А что я? Я так... – сказала тетя Тоня.

Старик помедлил, тяжело поднялся и, опираясь на палку, побрел к подъезду.

– Ну, ты чего? Чего? – быстро говорила Люся. – Ну, куда тебя понесло?

– Подумаешь, дело какое... – сказала тетя Тоня.

– Сейчас ведь заведется... – прошептала Люся и кивнула на старика.

Он стоял у двери подъезда, высоко подняв голову, как старый коршун. Весь его вид был – злость и выжидание. И какие мысли прятались за его темными глазами? И что так растревожило его? Я не мог бы это угадать.

Мне пора было уходить. Я распрощался и, уже шагая к станции, вспомнил, что на руке у дяди была татуировка «Люся».

Сколько всего, оказывается, упрятано от нас в том времени, которого мы не успели коснуться. Ничуть не меньше, чем скрыто в нашем от тех, кто смотрит нынче со своих высоких этажей на останки старого поселка, не представляя, что здесь прошла наша жизнь.

Видение

На «Калужской» в вагон метро ввалилась толпа. Люди засуетились и бросились к свободным сидениям. У дверей осталась только Светка.

Кружилин вздрогнул, почувствовал себя проходимцем и отвернулся.

Светка покрутила головой, попыталась обойти старушку с большой сумкой и стала пробираться вперед, в его сторону.

Деваться было некуда. Волей-неволей надо было представлять ее жене. «Старинная приятельница, давно не виделись».

За «приятельницу» Светка могла с ходу обидеться и выпалить что-нибудь непотребное. Сцена получилась бы совсем неприятная. Неудобно было бы и перед Светкой, и перед женой.

«А почему проходимец? – подумал Кружилин. – С какой, собственно, стати?» И от этой мысли встрепенулся.

– Привет! – удивленно, но миролюбиво сказала Светка. – Покосилась на жену и после недолгих раздумий не то, чтобы спросила, а просто сделала вывод. – Твоя!?

Жена растерялась. Светка усмехнулась.

– Вот, едем из «Конькова», с рынка, – сказал он.

– Да? – Светка сделала удивленное лицо. – Какая хозяйственность! И тебя – на рынок!

«В конце концов, она должна была когда-нибудь встретиться», – подумал Кружилин. Жили рядом; рано или поздно столкнулись бы.

Жена молчала и прижималась к нему. Он разглядывал Светку. За эти два года она не изменилась. Большие карие глаза на широком лице смотрели пронзительно и нахально. Сейчас Светка была не в духе и чуть растянула губы в неприятной улыбке. На ней было темное облегающее платье с ремешком на поясе и вся ее фигурка казалась очень ладной.

Он не мог не вспомнить, как приятно было положить ладони на ее талию и уткнуться лицом в рыжеватые, пахучие волосы.

– Давно женился? – спросила Светка.

– Полгода уже, – ответила жена и прижалась к нему еще теснее.

Он согласно кивнул. Но ему приятно было сознавать, что когда-то по вечерам они сидели со Светкой за врытым в землю столом у нее на даче и пили белое вино, а потом шли в дом, останавливались друг против друга, и она прижималась к нему обессилено и нежно. Кровать в комнате стояла старая, с металлической сеткой; спалось на ней хорошо, но для прочего она была совсем не приспособлена.

У Светки незадолго до их знакомства разорвался неудачный роман с начальником. Звали его Юриком. Он был постоянной темой Светкиных разговоров и главным объектом неудовольствий. Мало того, что Юрик частенько пропадал неизвестно куда, он норовил выпить на халяву и редко менял носки. В интимном плане Юрик не всегда бывал на высоте, но иногда его заносило в дремучие фантазии. Светка и об этом пыталась рассказать.

«И чего я с ним связалась! – удивлялась Светка. – И на столько лет! Ведь он просто никакой! Никакой!»

Тем приятнее было Кружилину слышать в свой адрес: «Раньше ни за что бы не поверила, что все может быть так легко и просто. Ни за что бы!».

После таких слов Кружилин думал, что со Светкой они не расстанутся никогда.

В конце лета Светкины родители уехали в отпуск и он на две недели переехал к ней. По вечерам они чинно ужинали и уже в десятом часу заваливались в постель. Утром он сам варил себе кофе, а Светка вставала, когда он собирался уходить. Не одеваясь, в одних тапочках, провожала его до двери и целовала последний раз, когда он уже на полшага был на лестничной клетке.

Как-то вечером она позвонила ему и сказала:

– Представляешь, выхожу с работы и привязывается со мной одна девица из секретариата. Я ее и не знаю толком. Вдруг привязывается и начинает жаловаться, знаешь на кого? На Юрика! И такой, и сякой! Несколько раз отвозил на машине к себе, а теперь целую неделю глаз не кажет. Что, мол, с ним делать? И дайте его номер телефона.

– Ну, а ты чего? – спросил Кружилин.

– Послала эту малявку к чертовой матери.

– И то ладно, – сказал Кружилин. Похождения Юрика его не заинтересовали.

– Но эта малявка так меня завела! – почти закричала Светка. – Я позвонила сейчас этому хрену и все ему выдала. Он спит черт-те с кем, на кого без слез не взглянешь, а они прибегают ко мне на него жаловаться!

– Подумаешь, какое дело, – сказал Кружилин.

– А я не хочу! – выкрикнула Светка. – Я ему все выдала! Пусть он со своими мерзкими бабами сам разбирается! Я так на него орала, что родители из своей комнаты прибежали.

Кружилин слушал и ничего не понимал.

Светка понемногу успокоилась и заговорила о даче.

– Я в эту субботу не смогу, – сказал Кружилин.

– Это еще почему? – изумилась Светка.

– Ну, работы много, – попытался отвертеться Кружилин.

Светку такой ответ не устроил и она начала выпрашивать что да как. Кружилин оправдывался, мямлил нечто невразумительное, а когда это ему надоело, мысленно выкрикнул: «Иди ты вместе со своим Юриком...». И бросил трубку.

Жену кто-то задел. Она ойкнула и обернулась. Кружилин успел посмотреть Светке в глаза и сразу отвел взгляд. Светка не думала о нем; у нее были свои заботы. Он их угадал.

«Как же несносно, если у нее кто-то есть и сейчас она едет к нему, – думал Кружилин. – И как же хочется, чтобы этого не было. И почему из всех, кого встречал за эти годы, мерещится только она?»

Но если бы на следующей остановке в вагон и вправду вошла Светка, ему ничего не оставалось бы, как сделать угрюмый вид и отвернуться.

Дамы чужих сердец

Из всех девушек, которых он видел в окошках касс и сберкасс, она единственная ему улыбнулась. Александров так разволновался, что два раза пересчитал сдачу. Результаты не сошлись. Он ссыпал мелочь в карман, отошел в сторону и стал ждать.

Очередь перед окошечком быстро иссякла. Александров подошел снова и попросил лотерейный билет. Девушка взяла деньги и опять улыбнулась. Он заговорил с ней о везении и невезении.

На следующий день Александров пришел в сберкасса с твердым намерением пригласить девушку в кино. Стоило ему наклониться к окошку, как позади выстроилась очередь. Пришлось отойти и подождать. Но как только он подошел второй раз, очередь собралась снова. Девушка перестала улыбаться и посмотрела на него внимательно и настороженно.

– Вас как зовут? – спросил Александров.

– Здесь написано – Петрова. – Девушка ткнула пальцем в табличку за стеклом и заморгала.

– А зовут как? – спросил он.

– Меня? Жанна, – сказала она и испугалась.

Он протянул деньги за очередной лотерейный билет и сказал о кино.

– В кино? Меня? – переспросила она. – А почему?

– Как почему? – удивился он. – Мы там познакомимся.

– Со мной? В кино? – опять переспросила она. – Нет, я не смогу.

– Почему? – спросил он.

– Как же так?! Конечно, не смогу! – сказала она.

– Вы замужем? – наконец, догадался Александров.

– Угу, – ответила Жанна и засмушалась.

В очереди вздохнули. Кто-то от нетерпения; кто-то – с сожалением. Александрову пришлось бежать. Он выскочил на улицу и устремился прочь. Грезы расселись, жизнь пошла боком, блаженство оказалось недостижимым. Было такое чувство, что его обворовали.

Жанна тоже расстроилась, но сама не могла понять почему. Мужчина ей не понравился. Для нее он был явно староват. Пойти в кино она могла и без него – хоть с приятельницей Варей, хоть с Агаповым. Впрочем, Агапов был под вопросом. «А пойдет ли он в кино? – подумала Жанна. – Уже три дня не появлялся... Но если он три дня не появлялся, как же тогда я замужем? – И сама себе ответила. – Никак!»

Вопрос был не просто очень важным, но не терпящим отлагательства. В обеденный перерыв Жанна зашла в кабинет заведующей и позвонила.

– И чего ты там? – спросила она, когда Агапов поднял трубку.

– Как «чего»? – не понял Агапов.

– Живешь не увлеченно! – заявила Жанна.

– Кем? – опять не понял Агапов.

– Всем! – выкрикнула она.

– Это почему? – спросил он.

– А я иду в кино! – заявила она.

– С кем? – спросил Агапов.

– Тебя-то не дожدهшься, – сказала Жанна. – Вчера ждала, сколько всего наготовила...

Утром целую кастрюльку соседской собаке отдала.

– У, сколько добра пропало, – искренне пожалел Агапов.

Говорить с ним дальше Жанне не захотелось и она бросила трубку.

Агапов загрустил. Ему было жаль всех и вся – и Жанну, и вчерашний вечер, и пропавшие продукты, которые, между прочим, можно было запросто съесть и сегодня.

Вчерашний вечер он просидел дома, но Вика так и не позвонила. Давно было пора насмерть разозлиться и даже забыть номер ее телефона. Но не получалось. Звонил, предлагал встретиться, напрашивался в гости – все было напрасно.

– Алло! Это ты? – спросил Агапов.

– Я. Но у меня совещание, – ответила Вика.

– Сегодня позвонишь? – спросил он.

– Постараюсь, – уклончиво ответила Вика и распрощалась.

Никакого совещания у Вики не было. Ей просто нечего было сказать Агапову. Но решительный разговор назревал. Промедление могло оказаться чреватым. Первая молодость, как ни прискорбно, прошла. Пора было устраивать жизнь. Но этот Агапов – такая зануда, а тот – прохвост какой-то...

Прохвостом Вика обозвала Александрова. С этими мыслями она ему и позвонила. Он услышал в трубке ее голос и загрустил. К серьезному разговору с Викой он не был готов. Слушал ее, а сам думал: «Все-таки, как несправедливо, что Жанна замужем...».

Обстоятельства

Шел редкий дождик. Семейство сидело в машине и дожидалось открытия магазина: Евгений Иванович – за рулем, жена – рядом, теща – на заднем сидении.

С другой стороны улицы выскочили, держась за руки, парень и девчонка. Остановились у тротуара, почти перед машиной, обнялись и стали целоваться.

Парень был худым и высоким, и девчонке пришлось вытянуть шею, чтобы дотянуться до его губ.

Девчонка была в светлой курточке и слегка расклешенной темной юбке. В руке у парня торчал короткий сложенный зонтик.

– Нашли место! – фыркнула жена.

– Совсем уж... – отозвалась теща.

Парень и девчонка продолжали стоять у тротуара и целоваться, даже на дождь внимания не обращали.

– Надо же ведь... – удивилась жена.

– До такого дойти... – возмутилась теща.

От Евгения Ивановича требовалось присоединиться ко всеобщему осуждению. Вместо этого он неосмотрительно сказал:

– Мало ли какие бывают обстоятельства...

– Ага, прямо на улице бывают, – передразнила жена.

– И такие случаются? – вкрадчиво спросила теща.

Но Шурочка была необыкновенно хороша, подумал Евгений Иванович и мысленно покрутил ус от удовольствия. Потянувшись к Шурочке, невозможно было отдернуть руки, и, коснувшись ее губ, не было сил отпрянуть.

Она работала в архиве на первом этаже, он – в главном управлении на пятом. Иногда она заглядывала к нему в комнату и, если он был один, обвивала его за шею и целовала долго и сладко. Он пытался отвернуться и шептал: «Ну, хватит, сейчас войдут».

В обед они встречались в сквере у Патриарших прудов, усаживались на скамейку и целовались.

Возвращаться на работу вместе было неловко. У подземного перехода они расставались, чтобы идти дальше поодиночке. Шурочка смотрела на него кротко и жалостливо, как будто они расставались не на пятнадцать минут, а неизвестно насколько, и он прижимал ее к себе крепко-крепко.

Вот тут и раздавались эти мерзкие реплики:

– Нашли место!

– Ну, приспичило им!

И даже:

– Ба! Опять те же!

На выходные родители уехали на дачу и он повел Шурочку к себе. Все было, как всегда в таких случаях бывает – и кофе, музыка и танцы с объятиями. Шурочка целовала его нежно, как никогда, и сердце его билось все чаще и чаще. Но с приближением решительного момента он вдруг почувствовал, что сил почему-то нет. Он не поверил себе и решил, что это вот-вот пройдет. Но факт остался фактом – вдохновение напрочь отсутствовало. Он растерялся. Он испугался за всю дальнейшую жизнь. Да еще Шурочка оказалась такой приставучей. Дело само собой пошло к трагической развязке. Деваться было некуда. Он выкрикнул:

– Пойдем гулять!

Шурочка долго смотрела на него, прищурившись, и не могла ничего понять.

Потом он думал: «Вот дурак! Надо было выглянуть в окно и крикнуть, что родители приехали».

И все-таки Шурочка была очень хороша. Протянув к ней руки, их невозможно было отдернуть. И не было никакой возможности оторваться от ее губ, если бы не обстоятельства.

Парень и девчонка перестали целоваться и побежали под редким, теплым дождем.

– Обстоятельства эти... – зло сказал Евгений Иванович.

– Да уж... – сказала жена и вздохнула.

– Такие прям... – мечтательно отозвалась теща.

Обед закончился. Открылись двери магазина.

Амурности и амуроллисты

Любимых женщин он называл рыбочками и толстопопиками. Но жизнь шла и надо было выбирать. Друзья давали советы: один говорил, что в жене главное простота и ясность; другой уверял, что жена – тоже женщина, просто к ней надо привыкнуть.

Наконец, он выбрал. Первые два месяца все шло почти, как он ожидал. Своим выбором он был доволен. Но в одно ненастное утро жена заявила, что она от него в шоке. Удар судьбы потряс его. Он дожевал второпях бутерброд, оделся и хлопнул дверью.

Было самое начало весны и ему показалось, что все придется начинать с начала. С этой мыслью он дошел до автобусной остановки и огляделся.

Оказалось, что в жизни, как всегда, было много интересного. Например, пышная дама в высоких сапогах. В жизни, как всегда, было место подвигу, – например, можно было подойти к даме и представиться.

«И без того все сложно, – подумал он. – К чему усложнять?» – И полез в автобус.

«Такие были девушки кругом, а в жены выбрал, ну, самую недушевную, – размышлял он, глядя в автобусное окно. – Взять хотя бы Люську. Не женщина – загадка! Кроссворд с грамматическими ошибками».

Он решил, что на работу вполне можно явиться после обеда. Пересел на троллейбус и покатил в Беяево...

Люська сидела в фойе гостиницы за столиком с табличкой «Администратор». Он сел напротив.

– Маляев, ты? – недоуменно спросила Люська.

– Вот, решил... – сказал он и поставил портфель на колени.

– Жениться собрался? – почему-то спросила Люська.

– Зайти решил, – пояснил Маляев. – А жениться – уже давно...

– И как? – с искренним интересом спросила Люська.

– Знаешь, по-моему, неженатый отличается от женатого как счастливый от удовлетворенного.

– Сейчас весна, – сказала Люська. – Весной всегда что-то не так.

– Весной хочется жить, – сказал он. – Весной есть, как говорится, что посмотреть, что показать.

– Кому ноги, кому – лысину... – уточнила Люська.

– Жизнь – это попытка реализации фантазий, – сказал он, неизвестно к чему.

– Жена тобой довольна? – спросила Люська.

– Не то, чтобы очень, – признался он.

– Это потому, что ты ведешь себя не как муж, а как сексуальный попутчик.

– Я стараюсь, – ответил он.

– Одного старания мало! – заявила она.

Он не успел спросить, что она имеет в виду. В холл гостиницы ввалилась толпа с чемоданами.

Он вышел на улицу, прищурился на солнце и решил поехать к Зинаиде.

В поликлинике его узнали и встретили радушно. Женщины из регистратуры многозначительно переглянулись, позвонили Зинаиде и передали, что ее ждут.

Зинаида важно и чопорно спустилась по широкой лестнице, застеленной облезшим ковром.

К ней подбежала медсестра и о чем-то тихо спросила. Зинаида сделала паузу и сказала:

– Н-да! Странные симптомы! Будем наблюдать!

Маляев подошел к ней поближе и кивнул. Зинаида засунула руки в карманы белого халата и сказала:

– А! Вот так!

– Да, перед тобой... – проямил Маляев.

– И что дальше? – строго спросила Зинаида. И сама ответила: – Ну, приеду я к тебе. Посидим на кухне. А дальше что от меня потребуется? Опять адюльтер?

– Тоже, скажу тебе, не так уж...

– И кухня у тебя не восемь метров. У меня семь, но и шкаф, и холодильник, и гладильная доска...

– Как ты мою кухню всегда не любила! – сказал Маляев.

– Еще бы! – сказала она.

– Там все привели в порядок, – заявил Маляев. – ...Моя жена.

– Она и за год ничего отмыть не сможет... – сказала Зинаида.

– Опять ты про старое! – не выдержал Маляев. – Опять ты мне голову ерундой морочишь. Тут думаешь, как дальше жить. Что делать? Даже на работу из-за этого сегодня не пошел.

– Я всегда говорила, что живость твоей натуры граничит с безнравственностью, – ответила Зинаида.

– А что делать? – спросил он.

– Будем наблюдать!

– Развестись мне с ней, что ли? – угрюмо спросил Маляев.

– Лучше выбрось блажь из головы и займись исполнением служебных и супружеских обязанностей! – заявила Зинаида и ушла.

Он вышел из поликлиники и подумал: «Нельзя сказать, что меня женщины не любят. Другое дело, что любят не те».

Машенька стояла за прилавком среди книг и явно скучала. Он подождал, пока она посмотрит в его сторону, и помахал рукой.

В первый миг Машенька удивленно распахнула глазки, а во второй – выпорхнула из-за прилавка, кинулась ему на шею и звонко чмокнула в щеку.

Он обнял ее за талию и сказал:

– Почему-то я всегда люблю как-то антропософски.

– И я тоже, я тоже... – залепетала она.

– Знаешь, что такое любовь? – спросил он.

Машенька закивала, заволновалась и прикусила губки.

– Любовь – это страсть к познанию, – сказал он. – Закончилось познание – закончится и любовь.

Она вдруг погрузнела. Ему захотелось ее ободрить, и он сказал:

– Любовь – это когда вся предшествующая жизнь кажется ошибкой.

– Радость ты моя! – вскрикнула Машенька и поцеловала его в губы.

Он не сказал ей, что женился. Не то, чтобы язык не повернулся. Просто забыл.

По дороге домой он думал: «Какие девчонки! Какие девчонки! Милые, душевные, внимательные! Все, как на подбор! Даже трудно кого-то выделить».

Жена открыла ему дверь и он с порога заявил:

– Представляешь, какие, оказывается...

Жена стала поправлять что-то на вешалке и спросила:

– Что «оказывается»?

– Все и самым лучшим образом... – ответил он и, кряхтя, наклонился, чтобы развязать шнурки.

– Огурчик ты мой консервированный, – сказала жена и вздохнула. «Странные какие-то фантазии», – недовольно подумал он, но промолчал.

На ночь глядя он по привычке проветрил комнату, пролистал газету, обнял жену и заснул сном праведника.

Спасение

Две девчонки кинулись вверх по лестнице, но дорогу им перегородил рослый парень в светлой рубашке. Еще две попытались проскользнуть в коридор первого этажа. Их опередили люди в камуфляжной форме.

Сергей замедлил шаги, дожидаясь, пока девицы и милиционеры посторонятся, и направился к выходу из гостиницы. В дверях омовенец держал за руку девчонку в желтой, приталенной кофточке. Девчонка не вырывалась и спокойно говорила:

– Не с ними я! Не с ними! Просто стояла и ждала. Ну, ждала я здесь! Нельзя, что ли?

Сергей тронул ее за плечо и спросил:

– Что такое?

Взглянул сначала на девчонку, потом на омовенца и сказал:

– Она со мной. – И обратился к девчонке: – Говорил, чтобы тут не торчала. Подождала бы где-нибудь там...

Он прошел вперед и через несколько шагов оглянулся. Девчонка успела отделаться от удивленного омовенца и выскочила из гостиницы.

Они спустились по ступенькам и свернули на «Охотный ряд». Был светлый и свежий летний вечер. После дождя легко дышалось.

– Вот пристали, паразиты, – сказала девчонка. – Ща бы они меня забрали.

Сергей взглянул в ее большущие, с поволокой, темные глаза и подумал: «В следующий раз заберут». Он ожидал, что девчонка сразу кинется вниз в метро, а она шла рядом, чуть подняв голову, будто считала про себя.

– Я, собственно, просто так... – сказал он. – Можешь улепетывать. Она продолжала идти рядом, смотрела перед собой и говорила:

– Денёк сегодня... Ну, ничего не ладилось! Как назло!.. А меня, между прочим, Гретой зовут.

– Это, наверное, творческий псевдоним, – сказал он.

– Как тебе сказать... Может быть. А ты, наверное, не просто так именно меня захотел выгородить? – спросила она.

– Даже не знаю, – ответил он, помолчав. И заметил, что это ее расстроило.

– Я у гостиницы подружку ждала, – сказала она.

Они проходили мимо уличного кафе. Играла музыка.

– Хочешь, посидим немного? – предложила она.

– Нет настроения, – ответил он.

– А я бы посидела, – сказала она. – Музыка хорошая. Меня раз под нее мать отлупила.

Всем своим видом она показывала, что не торопится. Шла рядом с ним, иногда чему-то улыбалась и легко касалась его локтем.

– Ты в гостинице работаешь? – спросила она.

– Нет, заходил, приятеля навещал, – ответил он.

– Подружка недавно с одним человеком познакомилась, – сказала она. – Совершенно случайно, на улице. И такой хороший человек оказался. Своя фирма. В Москве сейчас живет.

– Бывает, наверное, – сказал он.

– А ты когда-нибудь у гостиницы с девчонками знакомился? – спросила она.

– Это как? – не понял он.

– Ну, покупал себе кого-нибудь?

– Не покупал. Не люблю безразличия в женских глазах, – ответил он.

– Как это? – не поняла она.

– Так вот получается, – сказал он.

– Я тоже не люблю безразличия, – сказала она. – Не терплю просто. И вот ты! Не просто же так ты решил меня от мента оттащить?

– Не просто, не просто, – сказал он. – А здесь мне – на другую сторону. Так что – пока! Да?

От неожиданности она растерялась. Он невесело подмигнул ей на прощание и отвернулся.

В этой вспорхнувшей перед ним судьбе его не интересовало ничего.

После праздников

Когда самолет приземлился, в аэропорту шел дождь. Этот мерный и светлый, благородный дождь сопровождал их все время, пока дожидались автобуса, сидя на чемоданах под козырьком вокзала, пока ехали по пятнистым, желто-зеленым, выцветшим долинам. У самых предгорий небо вдруг расчистилось и за тонкими серенькими облаками замаячило бледно-белое солнце. Но в ущелье стало сумеречно. Дорогу впереди надолго затянуло тягучей матовой жижей тумана.

На третьем часу пути почти все пассажиры спали, откинувшись на спинки кресел, в расстегнутых пальто и отброшенных на плечи шарфах. Было жарко, пахло гарью и бензином.

Они с Лешкой долго читали. Иногда отрывали глаза от страниц, показывали друг другу за окном что-нибудь примечательное – свору громадных псов, мчащихся по улице; непривычного вида, бараком вытянутый, высокий дом; мальчишек верхом на осликах. Но потом Лешку тоже сморило – опустил голову ей на плечо и заснул.

Выше по ущелью туман пропал и вокруг плотно расстелилась режущая глаза снежная белизна. Дорога и лохматая речушка виляли, то и дело пересекались, заставляли автобус грохотать по очередному мосту, прижимаясь всей своей тушей почти к самому его краю. А с обеих сторон, пропадая в высоте, нависали белые, с темными родимыми пятнами отвесных скал, горы.

Горячевы выехали на день раньше. Обещали узнать, когда приходит автобус, и встретить у гостиницы. Но то ли забыли, то ли поленились. А когда после обеда возвратились с Лешкой к себе в номер – стук в дверь. Заявляются оба – и Ленка и Димка. Ахи, обнимания, целования, будто год не виделись. Оленька, извини ради бога – катались, только что вернулись. И сразу сто вопросов: как доехали? без приключений? в аэропорту не сидели? не мутило в самолете? Ну а здесь вам как?

За окном крутая, снизу поросшая щетиной леса, а выше яркая, в бликах снегов и тенях скал Донгуз-Орун с маленькой папайкой салативно-зеленого ледника набекрень. И рядом вершины, еще и еще. А между ними рекой спускается вниз далеко видимая с их восьмого этажа широкая полоса сплошного соснового леса – Баксанское ущелье.

– Это еще что! Вот мы вас завтра на канатке поднимем. На Эльбрус посмотрите, если облачности не будет. Из «Ая», – кафе такое на самом верху, – виден, как на ладони. Позагораете на склонах. Сегодня погода была – прелесть. Мы вон с Димкой какие красные. Вы после этого места ни на какое море больше не захотите. Кстати, здесь столько знакомых собралось! Вчера ребят встретили, с которыми в прошлом году вместе катались. А Сквозняков, оказывается, только три дня еще пробудет, какие-то у него срочные дела в Москве. Сегодня вечером все соберемся в ресторане. Так что подтягивайтесь.

– Не знаем. С дороги все-таки.

– Да хватит жмотничать. Можно раз в год и в ресторане посидеть.

– Не в деньгах дело. Посмотрим, может быть, придем.

Но как только они ушли, достала из чемодана вещи, собралась гладить. Лешка посмотрел выразительно: ну, бабы... А только что говорила...

Сквозняков узнал, что она вышла замуж, и позвонил. Но не с поздравлениями, просто поболтать. Говорил: «Н-да, расстроила ты меня. Ну, да ладно. Давай, как говорится, дружить семьями, когда я женюсь... В гости друг к другу будем ходить. И на крестины пригласить не забудь».

Потом еще какое-то время давал о себе знать перед Новым годом и в день ее рождения: «...так что желаю вам, чтобы обожаемый муженек вас холил и лелеял, доверял, не проверял

и бил только за дело. Алло, Оль, ты слушаешь? – И уже другим тоном, на лирический лад. – Не знаю, уместен ли мой звонок, но все-таки, наверное, приятно знать, что тебя помнят и любят...». Ее тянуло отвечать сухо и колко.

В тот раз она поругалась с Лешкой и он пропал на две недели – жил у своей матери. А в день ее рождения пришел мириться, даже цветы принес. Она так все это время злилась, что не устроила ему амнистии. Наорала, даже замахнулась его же букетом и выгнала; вернее, после ее слов: «Можешь катиться и вообще сюда не приходить», – он повернулся и хлопнул дверью. Гостей не приглашала. Родителям сказала, что пойдут отмечать в ресторан, подружкам – что уезжают. Сидела одна, как сова. К телефону не подходила. Ждала, что Лешка все же вернется. А когда уже часов в девять позвонили, взяла трубку. Как чувствовала – звонил Сквозняков. Выслушивала его громоздкие тирады, благодарила, говорила что-то сама и все собиралась с духом сказать, что сидит одна. И знала, как Венька отреагирует: велит выходить из дома и ждать, примчится, потащит куда-нибудь в кафе и будет без умолку болтать.

Разговор пора было заканчивать и Венька сказал: «Слушай, я тут треплюсь, а ведь тебя гости ждут. Ну, пока. Созвонимся еще». Она попрощалась, положила трубку и начала представлять, что могло бы произойти потом, когда Венька пошел бы ее провожать. Скорее всего, она сказала бы: «Не надо». Или спросила: «Ты за этим, что ли, так шустро примчался?». Хотела бы она в этот момент на него посмотреть.

Когда только познакомились и Венька ехал ее провожать, он ей не особенно нравился – просто симпатичный парень. Но телефон дала – пусть звонит. Дня через три позвонил. Куда-то ходили, кажется, в кино. С ним было интересно – без конца что-нибудь рассказывал. Но заметила – сам слушать не любит. Только начинала что-нибудь говорить, делался скучным, мог задуматься и рассеянно смотреть по сторонам. Она злилась и зареклась никогда ему ничего не рассказывать.

Звонить он стал чуть ли не каждый вечер. Разговоры получались дружелюбными, но натянутыми и чопорными. Он старался развлечь, болтал, не переставая, и быстро надоедал. Но слушала, что-то удерживало бросить трубку. Как-то столкнулась с ним около своего дома. Объяснил: не мог дозвониться, но очень хотел увидеть и приехал, больше часа дожидался. И вдруг растрогалась, даже, кажется, вскрикнула: «Правда?». Заскочила к себе, чтобы бросить портфель, схватила на кухне яблоко, что-то наврала на ходу удивленной матери и побежала к нему. А вернулась домой около двух ночи. Прошли по всему городу и еще сколько времени просто-яли в подъезде. Вот уж есть что вспомнить. Такой идиотский восторг не забывается.

А через две недели под вечер, в будний день, вдруг решают ехать к нему на дачу. В общем-то это больше ее затея, чем его. Он вроде бы и предложил, но когда она согласилась, заколебался: стоит ли? Конец марта – холодно, на даче всю зиму не топили. Она сказала с обидой: «Ну, как хочешь». И он согласился. Уже с Ярославского вокзала позвонила домой, сказала, что будет ночевать у Вальки – телефона у той не было, не проверить.

Было здорово, пока ехали, а когда в десятом часу вышли на какой-то платформе пустой, лесом окруженной, только огни поселка вдаль – она растерялась. Но Венька крепко взял ее за руку, сказал: «Пошли». Пробирались сначала через лес – вот уж где было страшно: темень кромешная, тропинки почти не видно, мороз градусов пятнадцать, ветер. По поселку зашагали веселей. Пересекли шоссе, прошли мимо каких-то заводских строений, свернули в ворота дачного кооператива. Веньке приспичило зайти к сторожам, сказать, что будет ночевать. Она осталась его ждать, видела в низеньком, наполовину задернутом белой занавеской окошке, как он разговаривал с высоким лысым стариком.

Венькина дача была самой крайней. Расчищенная дорожка кончилась, и они шли дальше, скользя по наезженной за зиму лыжне. Калитку занесло сугробами. Венька долго с ней возился и немного отодвинул – боком они смогли пролезть.

В пропитанном сыростью, холодном, с инеем на стенах доме она села на край стула, подумала: «Куда только меня занесло... И зачем это? И вообще страшно до жути...». Венька возился с печкой, бегал за дровами, пытался разобраться в комнате. Говорил: «Ну, что? Совсем дрожь пробрала? Ничего, на Северном полюсе еще холодней. Сейчас нагреется. Будет как в бане».

Здорово захотелось есть. Натопили воды из снега, варили на дне серой алюминиевой кастрюли найденные в шкафу, мышами не съеденные остатки риса и пшена – все вместе. Каша пригорела, и в комнате до утра мерещился плотный, едкий запах.

Потушили свет, сели, обнявшись, перед огнем. И понесло, с каждым прикосновением дальше и дальше. В самый последний момент она испугалась. Он отреагировал на удивление спокойно: не хочешь – как хочешь. Лежали, обнявшись, во влажной, непросохшей постели. Было холодно. Когда согрелись, она заснула.

Проснувшись от того, что Венька прошлепал босиком по полу, стал бросать поленья на догорающие угли. Вернулся, присел рядом, наклонился к ней. Все началось сначала и она уже не испугалась.

Ей оставалось учиться чуть больше года. Хотела получить диплом с отличием и попасть в аспирантуру. Во всех своих помыслах стремилась еще дальше – так далеко, насколько хватало духу вообразить. Всех вокруг видела такими же, как сама – жаждущими и ждущими. И злилась на Веньку, когда он с упоением рассказывал, что в студенческие годы ходил на занятия только перед самыми экзаменами, а нынче на работе иной раз может весь день провести в беседах с сослуживцами. Не выдерживала и – с раздражением спрашивала:

– Послушай, если ты ничего не делаешь, как же ты рассчитываешь выдвинуться?

– А я не ящик, чтобы выдвигаться. Мне и так хорошо.

– Но ведь ты чего-то хочешь добиться.

– А зачем? – лениво выговаривал Венька.

– Как зачем? – Она начинала злиться.

– Ну, добьюсь я или не добьюсь – что от этого изменится? Какая разница, кем помирать?

– Интересно, а как к тебе начальство относится?

– Ко мне? Да как тебе сказать... Я же там у нас чуть ли не самый деловой. То, что кто-то за целый день делает, часа за два успеваю.

– Ну, а относятся как к тебе?

– Да вот опять зарплату прибавили. Наверное, боятся, как бы не ушел от них.

Она думала: наверное, он очень способный. Тогда уж совсем обидно, что такой лентяй. И пыталась хоть чем-нибудь его задеть и разозлить.

– Что ж ты за мужик, если ничего не хочешь! Все бы тебе только хиханьки да хаханьки. Да ты самая настоящая стрекоза! Только бы лето красное пропеть.

– А что? Тоже хорошо...

– Откуда в тебе это – что ты ничего не хочешь? Ты просто не понимаешь! Вот помани мое слово – хватишься, когда-нибудь, да уж поздно будет! Представь, какими глазами ты будешь на своих же приятелей смотреть, если они всю жизнь глупее тебя были, а потом тобой же будут командовать!

– Тогда уйду в монастырь. Если на работе отпустят...

– Да ну тебя... – На разговоры с ним не хватало терпения. Непонятно, чего в нем было больше – лени или самодовольства.

О своих родителях она рассказывала ему все. И сколько им лет, и где работают, и много ли получают. Отца только недавно назначили начальником цеха, и она этим гордилась. Даже ставила его Веньке в пример. Считала, что делала это очень умело и незаметно. О родителях Сквозняка она знала лишь то, что оба они работают в министерствах. Больше Венька ничего не рассказывал, хотя она и спрашивала.

В тот день собирались пойти в кино. Простояли минут сорок в очереди, но билеты не достали. На улице шел мокрый снег. Гулять не хотелось. И тогда Венька предложил поехать к нему домой. Она обрадовалась, – уже давно думала, почему он ни разу не приглашал ее к себе.

Поднялись мимо лифтерши по широкой, на удивление вычищенной лестнице к его квартире и вошли в прихожую, больше походившую на зал, чем на место для пальто и башмаков. Навстречу вышла строгая пожилая женщина в длинном халате. Поздоровалась, обратилась к Веньке на «вы», сказала, что обед готов, и ушла.

Она спросила:

– Вень, а это кто такая была?

– Приходит маме помогать. Скажу, пусть-ка чаю принесет...

В его комнате она остановилась у книжных полок, рассматривала издания, о которых до этого дня только слышала. Не выдержала и спросила:

– А кто у тебя отец?

Венька ответил. Она подумала: «А я еще своим отцом перед ним хвасталась, как последняя дура».

Потом был июнь, жаркий-прежаркий, со светлыми голубоватыми ночами, и в проеме окна на немеркнущем небе только одна-единственная яркая звезда.

– Эй, ты спишь, что ли? – спрашивает она.

– Не... Это я так... – отзывается Венька.

А час назад, казалось, насмерть поругались. Не поняла, что это он вдруг, а когда дошло, охватила злость: «Ах, вот ты что! А ну пошел отсюда! Ну, этого я тебе не прощу! Значит, как бы ребенка не было! Боишься!». Он ответил спокойно, без вины в голосе:

«Чудачка. О тебе ж беспокоился». Если бы попытался оправдаться, выгнала бы наверняка. Но это его спокойствие и заставило поколебаться.

Она не спала, лежала с открытыми глазами, смотрела, как светает, слушала его дыхание и думала, что выйдет за него замуж. И будь что будет, как-нибудь проживут.

А уже совсем последнее: конец лета, почти ночь; тепло, но сильный ветер. Венька был у нее и она вышла его проводить. Стоят на остановке. Автобуса долго нет. Она прижимается к Веньке, тянется губами к его лицу, говорит: «А я, наверное, тебя люблю». Она ждет, но он молчит. Наклоняется к ней, целует, но того, что она ждет, не произносит.

Гремела музыка, посреди зала, мешая им пройти, танцевали. За столиком, к которому их вел Димка, сидели человек десять. Венька стоял с бокалом в руке и что-то говорил. Когда он закончил, все рассмеялись, кто-то даже захолопал.

Она остановилась за Сквозняковым. Димка начал: «А вот это, ребята, познакомьтесь...». Венька обернулся и она, опережая его, представилась: «Ольга» – всем, стало быть и ему, и улыбнулась. Кто не знал, подумал бы, что они незнакомы, кто знал, решил бы, что она шутит. Видела, как Венька следил за ней, когда шла к свободным стульям в конце стола, усаживалась, что-то говорила Лешке.

Рядом с Венькой сидели две молодые женщины. Одна – худая, чуть сутуловатая с распущенными черными волосами, другая – плотная блондинка, обтянутая узким светло-серым свитером. Женщины разговаривали с Венькой и то и дело начинали хохотать.

В том углу, где сели они с Лешкой, мужики чуть ли не половину вечера нудно выясняли, у кого какое лыжное снаряжение и кто где катался. Потом пошли анекдоты, большей частью с пикантностями. Особенно старались симпатичный певец из Ростова и лысоватый Володя – приятель Димки. Танцевали, снова собирались за стол, перебивая друг друга, что-то рассказывали, искали официанта, чтобы еще заказать.

Венькиных подружек пригласили; Лешка спорил с каким-то парнем о хоккее. Она сидела с Ленкой. Подошел Сквозняков, наклонился, обнял их обеих за плечи, обратился к Ленке:

– А ведь я твою подругу в старинные наши времена знал.
– Да наверняка встречались у нас. Разве ж такую женщину не запомнить! Не то, что эти две твои. – Она кивнула в сторону и засмеялась. – Я вот скажу жене, как ты тут развлекаешься.
– А я от нее ничего не скрываю. Сам все рассказываю.
– Ну, уж прям.
– Точно.
– Я спрошу, что ты ей в этот раз расскажешь.
– А вы что не танцуете?
– Никто не приглашает.
– Неужели? А мне можно вас пригласить? – Венька обратился к ней. Она нехотя встала, всем своим видом показывая, что делает это без особого удовольствия.

Пробирались между столиками на заполненную танцующими середину зала, нашли свободное место. Венька обнял ее, хотел прижать к себе, но она отстранилась. Он наклонился, сказал: «О, память сердца! Ты сильнее рассудка памяти печальной...».

Она недовольно фыркнула, качнула головой:

– Тогда было: «Придается все, лишь тебе не надо примелькаться».
– Тоже хорошие стихи.

Ожидала вопросов: что? как? когда? где сейчас? Но ошиблась, – Венька ни о чем не спросил. И насмешек тоже не было. Все время, пока танцевали, молчал. В тот вечер она несколько раз ловила на себе его взгляд и со злорадством думала: «Ну, посмотри, посмотри».

Часов в двенадцать к их столику подошел официант и положил счет. Мужчины полезли за бумажниками. Венька закричал:

– Э, нет! Сегодня все были у меня в гостях. Все расчеты я произвожу.

Кто-то попробовал вяло возражать, но Венька уже отсчитывал деньги. Пожали плечами и согласились. Только она громко сказала Лешке, уже очутившемуся на другой стороне стола:

– Заплати.

Лешка моргал глазами, мало что понимая. Она повторила злее:

– Леш, ты что, оглох? Заплати.

– Брось ты! Ну, потом как-нибудь мы заплатим, – вмешалась Ленка. – Подумаешь, какое дело. Он все равно уже ничьих денег не возьмет. Ты Сквознякова не знаешь!

Не хотелось скандала. Пришлось уступить. Уходила она злая и на Лешку за то, что напился, и на Сквознякова за то, что мог ради развлечения, чтобы что-то кому-то показать, выбросить сто пятьдесят рублей, и на себя за то, что видно, что злится.

– А знаете-ка! Пошли ко мне. У меня еще бутылка коньяка есть. – Певец из Ростова приглашал вроде бы всех, но смотрел только на женщину в сером свитере.

Та захохотала:

– Как говорится: его вино, ее фантазия.

Лифт не работал, и на свой восьмой этаж они с Лешкой поднимались пешком. В одном из лестничных проемов увидели впереди Сквознякова и его приятельницу с распущенными волосами. Судя по взаимным объятиям, расставаться им явно не хотелось.

Через день возвращались с соседней турбазы из бара. Ночь была беззвездная, темная и страшная. Дорога шла лесом – ни фонарей, ни огней. Лешка очутился впереди, громче всех кричал, пробовал вместе с кем-то запеть. Она отстала. Шагала одна сзади всех, ждала, что рядом окажется Сквозняков. Он подошел. Хрустя камешками, шагали рядом. Венька приблизился, сжал ее запястье. Она вырвала руку, сразу же и резко. Продолжали идти молча. Впереди громко разговаривали и хохотали, где-то рядом слышался, плеск невидимой речушки. Из-за поворота показалась машина. Свет фар затрясся на черноте леса, скользнул на дорогу, осветил силуэты прижавшихся к обочине людей, понесся на них с Венькой. Она не хотела, чтобы их увидели вместе, сделала несколько шагов, прижалась к шершавым перилам мостика.

Когда машина проскочила мимо, еще какое-то время стояла, прислушиваясь к шорохам реки. Венька был рядом. Она отвернулась, окликнула Лешку и побежала на его голос.

На лыжах они на следующий день не пошли. Пропали до одиннадцати, потом решили погулять. В холле у буфетной стойки в накинутой на плечи белой шубе сидел Сквозняков. От того, как вскользь взглянул, когда она выходила с Лешкой из лифта, подумала, что, скорее всего, ее-то он и поджидал. Лешка пошел к нему.

– Привет. Ты чего сегодня сачканул? Все катаются, а он здесь кофе распивает...

– Нет настроения, – ответил Венька.

– Ну, ты, брат, уж дня два перебираешь.

– Не из-за этого. Просто выходной решил устроить. Кофе хотите?

– Оль, давай? – предложил Лешка. Не дожидаясь ее согласия, Венька махнул рукой буфетчице – юной восточной красавице. Взяли чашечки и кофейник, уселись за низкий столик, закурили.

– А вы чего? Надоело кататься? – спросил Венька.

– Ну, перерыв надо сделать. У меня уж все кости болят. Весь в синяках. Хоть вчера что-то получаться стало. А то – никак. Влево еще ничего, а вправо стану поворачивать – обязательно упаду. У Ольки и то лучше выходит.

– Прямо уж, выходит.

– Научитесь. Не сразу. Я помню, когда первый раз сюда приехал, у нас в группе девчонка была с юга откуда-то. На беговых лыжах ни разу в жизни не стояла, не то, что на горных. У нее не получается – она сразу плакать. А я ее утешить хотел, говорю: «Ничего, научишься. В цирке вон медведя учат на велосипеде кататься».

– Слушай, а откуда здесь минеральную воду носят? – спросил Лешка.

– Источник недалеко. Через мост и вверх по дороге.

– Сколько идти?

– Ну, минут пятнадцать.

– Оль, сходим?

– Потом. Мне в Москву позвонить надо. – Ей действительно хотелось позвонить матери.

– Мне, кстати, тоже надо. Ты сейчас пойдешь? – спросил Венька.

– А там открыто?

– Вроде работают.

Лешка идти на переговорный пункт не захотел и они пошли одни. Заказали разговоры, сели на диван дожидаться.

– Ну, что скажешь хорошенького?

– На тебя смотрю. – Венька пожал плечами.

– Посмотри.

– Что-то ты больно колючая.

– Не нравлюсь?

– Что-то осталось.

– Спасибо и на этом.

– Муж у тебя хороший парень. – Она кивнула. – А работаешь сейчас где?

– Инженер на заводе.

– А в аспирантуру почему не идешь?

– Пробовала, не взяли.

– Понятно. А я статьи начал писать, о кино. Прямо большой специалист.

– Молодец ты. И шуба у тебя красивая.

– Попал тут в прошлом году в Данию с одной делегацией. Ездили о высоких материях рассуждать. Вот хоть прибарахлился. – Он оглядел себя. Тон у него был все тот же – растянутый, ленивый и равнодушный. И та же пренебрежительная манера отзываться о самом себе:

вроде бы и чудило и весельчак, а если что удастся, все чистой воды случайность, и от одного этого уже становится смешно.

– Папочка, небось, и в поездку тебя устроил?

– При чем здесь... Сам я, что ли, не могу?

– А чего это ты кино заинтересовался?

– Ну, так... Молодые годы прошли. Пора чем-нибудь заняться. Это тогда я с делами не торопился.

– Правильно делал. Да тебе и незачем было торопиться. Тебе давно все запрограммировали. Родители еще когда, небось, сказали, кого из тебя сделают.

– При чем тут родители?

– Да так...

– Злая ты какая-то стала.

– Ну, ты что... Я же шучу.

– У тебя ко мне нынче просто антипатия. – Он меланхолически вздохнул.

– Ну... Куда ты хватил...

– Как знаешь... Только я все равно хороший и веселый.

– Да, конечно же.

Веньку вызвали первым. Он не закрыл дверцу будки и она слышала его разговор.

– Алло. Это ты, любимая женщина? – Последовала пауза. – Ну, как ты там? – Пауза. – Я по тебе соскучился. Соскучился и скоро приеду.

Дальше она не слушала, отошла в другой угол.

Венька уезжал через два дня. Провожала его вся их компания. Пришли и они с Лешкой. В номере распили бутылок пять шампанского и, взявшись за руки, шумно отправились к автобусной остановке. Не было только певца из Ростова. Когда сидели в номере, он показывал всем цепочку у себя на запястье и говорил, что она из хорошего золота, надутая и очень тяжелая. А Венька сказал: «Златая цепь на дубе том...»

– Прощайте, легкомысленные друзья мои, – орал Венька, высунувшись из узкого автобусного окна. – В Москве встретимся! Провожаящие что-то закричали в ответ. Это всеобщее ликование передалось и ей. Подняла руку, чтобы махнуть Веньке на прощание, и подумала: а все-таки интересно, что станет с ним дальше? Неужели так легко и проживет? Но она была далека от мысли желать ему каких-то невзгод.

Самые давние тайны

Он сразу понял, что она не такая, как все. И даже не из-за красивой одежды и необычных, дорогих игрушек. Она казалась совсем взрослой – спокойной, немногословной и уверенной. Не прыгала, не хлопала в ладоши в порывах нечаянной радости и не обращала внимания на глупости. У нее был удивительный взгляд. Она смотрела не снисходительно, но ласково и горделиво. Невозможно было ее обидеть – толкнуть или дернуть за косу.

Большой двухэтажный дом с застекленными верандами – один из самых красивых в поселке – купил ее дед. Про деда говорили, что он композитор. По воскресеньям у их непроницаемого забора стояли две-три машины, слышались голоса, музыка и легкий дымок вперемежку с запахом жареного мяса. Забор был таким высоким, что заглянуть за него было невозможно даже с велосипеда, и все, что происходило за ним, оставалось неизвестным. В будни девочка открывала калитку и выходила на улицу. С ней все быстро перезнакомились, и только его что-то удерживало подойти и заговорить. Он пролетал мимо на велосипеде, вызывая злые окрики ее деда, играл вместе с ней на улице, но так ни разу и не заговорил. А когда однажды она позвала всех к себе на веранду, он заорал, что ни за что не пойдет и остался один.

Скоро он понял, что его нарочитость всем заметна. Он так испугался, что перестал приходить к ее дому.

Они столкнулись в толпе возле кинотеатра и переходили улицу совсем рядом.

«Ой, тише!», – сказала она, боясь, что он побежит перед встречной машиной, и взяла его за руку. Он почувствовал мягкое прикосновение маленькой пухлой ладони и обернулся.

Он посмотрел ей прямо в глаза и не смог оторваться. И что вдруг так заколдовало? Отчего потерял дар речи? Стоял и смотрел в ее глаза – ясные, несравненные, дивные. Они были добродушными, милыми, чуть удивленными; они смотрели на него очень внимательно. Реснички глаз чуть моргнули и он пришел в себя. Отвернулся, отпустил ее руку и бросился через улицу.

Про любовь нельзя было рассказать ни единому человеку. Он понял это сразу. И еще он понял, что любовь должна погибнуть. Они из разных миров: он – из того, что простирался вокруг, – со старыми домишками, в одном из которых он жил, с грязной улицей, с криками и бранью; она – из чистого и странного, в котором он никогда не был и который мог быть для него только враждебным.

В конце августа девочка уехала в Москву. Оставалось ждать осенних каникул. По вечерам он забирался на крышу сарая, прятался под ветки старой яблони и сидел, глядя в темноту и думая о том, что все в жизни получилось так нескладно и нет надежды на то, чтобы будущее хоть что-то исправило. Даже в самых своих далеких мечтаниях он не видел себя рядом с ней. Для него она оставалась недостижимой.

К десятому классу его любовь стала проходить. Но стоило увидеть ее – охватывала такая растерянность, что даже голос менялся. Он старался, чтобы она ничего не заметила, равнодушно здоровался и проходит мимо.

После школы она с первой попытки поступила в консерваторию и на втором курсе вышла замуж за оперного певца.

С годами певец прославился и стал непременным атрибутом концертов, которые показывали по телевизору по большим праздникам.

На одном из таких концертов телекамера пробежала по зрительному залу и на мгновения остановилась на ней. Она была очень красивой. Оператор помедлил и она повернула голову. Взгляд у нее был таким же доброжелательным и горделивым.

Через несколько лет на Декабрьских вечерах в Пушкинском музее он увидел в программке фамилию ее мужа и подумал, что она может быть в зале.

В антракте он увидел ее рядом с двумя щеголеватыми седовласыми мужчинами. Он ждал, пока хотя бы один из них отойдет в сторону. Он знал, что скажет ей о поселке, о стареньком кинотеатре, о лодках на пруду и еще о чем-то таком, что составляло их детство. У него не было никаких сомнений, что она его поймет.

Она слушала своих собеседников, иногда что-то отвечала и улыбалась. Чуть повернула голову и посмотрела на него. Глаза у нее были глубокими и милыми, и он обрадовался тому, что они остались такими, какими он их помнил.

«И сколько времени прожито, и кое-что в жизни достигнуто, – думал он. – И сейчас, конечно, могу подойти и рассказать о себе. Она, скорее всего, вспомнит».

Он направился в ее сторону и прошел мимо. Ему не надо было мучиться над вопросом, почему он так поступил. Он давно знал, что для него она навсегда останется недосягаемой.

Прогноз непогоды

Он прождал ее возле работы больше получаса. Она вышла из подъезда с двумя приятельницами, быстро распрощалась и стала переходить улицу. На ней были светлые брюки и мешковатая блузка навывпуск.

Ему показалось, что она его не заметила. Он опустил стекло в машине и высунулся, чтобы окликнуть. Оказалось, что она его видит.

Пока она усаживалась рядом с ним на переднее сидение, он успел заметить, что настроение у нее самое паршивое. Ему она ничего не сказала и, как всегда, со всего маху хлопнула дверцей.

– Что так долго? – спросил он.

Вместо ответа она поморщилась и после паузы сказала:

– Жарища какая сегодня.

– Ко мне поедem? – предложил он.

– Нет, – сказала она и даже не захотела объяснить.

Он подумал, что возле дома она скажет: «Ну, пока!». – И уйдет.

Тверскую они проскочили быстро, но на Бульварном кольце стояла пробка, и они тащились ни шатко, ни валко.

– Я подумал: ну, нам все-таки не по двадцать... И даже не по двадцать восемь, – сказал он.

– Тем более, – ответила она и вынула из сумочки пачку сигарет.

– Ну, вот жизнь и устроится, – сказал он.

– Я тебе уже говорила! – ответила она жестко и холодно.

– Но почему? Почему? – заторопился он. – Что за глупость?!

– Ой, вперед лучше смотри, – сказала она, показывая на дорогую машину, с которой они чуть не сцепились бамперами.

– Что за глупость? – повторил он.

– Вешать все это на себя на старости лет – вот это глупость, – сказала она и отвернулась.

– Другие вешают, – сказал он. – И радуются, когда так случается.

– Вот с другими эту тему и обсуждай. – Она всем своим видом показывала, что поддерживать этот разговор не собирается.

– Но ведь нам сколько уж... – сказал он.

– А что ты раньше думал? – съязвила она.

– «Раньше!» «Раньше!»... Я про «сейчас».

– Сейчас мне уже все ясно. И мама говорит...

– При чем тут мама?

– Отстань! – выкрикнула она.

Они проехали мимо Боровицкой башни и выскочили на мост. Жара спадала. Город стал не таким душным. За день жители успели вычистить его своими легкими.

– Может, махнем куда-нибудь искупаться? – предложил он.

– Не, устала, – сказала она.

Он помолчал и сказал:

– Ты у меня и молодая, и красивая. И я у тебя такой орел.

– Если бы молодая... – вздохнула она. – А ты – орел, где не нужно.

– Почему не нужно?

– Ой, сколько раз тебе говорила – найди себе бабу помоложе...

«Искал, не ищется», – подумал он.

Ему хотелось ее обнять. Он знал, что она сразу обмякнет, скинет раздраженность и станет ласковой, как в их лучшие времена, когда они любили бродить вечерами по весеннему холодному городу. Во всяком случае, он верил, что так еще могло быть.

– Мы же поженимся, – сказал он.

– А при чем тут это? – вспыхнула она. – При чем тут одно и другое?

– И что, вдвоем на старости лет останемся? – сказал он.

– Вот именно, что на старости, – сказала она.

– Все-таки я тебя не понимаю.

– Я решила! Не хочу и все.

– Ну, знаешь... Это не только тебя касается, – сказал он.

– Нет, только меня! – выкрикнула она.

За углом был ее дом. Сейчас она выйдет из машины, как всегда, с силой хлопнет дверцей и уйдет. Ему так не хотелось оставаться одиноким.

Свидание

Пароход отчалил. Репродукторы взревели от оптимистичного марша. Публика облепила бортики на всех палубах. Из трубы потянуло горячей и едкой гарью.

Музыка быстро смолкла. Вода оказалась со всех сторон, и от ее близости пришло ощущение зыбкости. Пароход втягивался в русло канала, пароходная жизнь входила в обычную колею. Пассажиры сновали по лестницам, толпились в буфете, рассаживались перед телевизором с бегающими по экрану черными и белыми полосами.

На палубе на глаза Савельеву попалась средних лет, невысокая женщина с короткой стрижкой. Женщина стояла у борта и выговаривала за что-то дочери – стройненькой светловолосой девчонке лет семнадцати.

За ужином мать и дочь заняли столик в углу. Савельеву хорошо была видна только дочь; мать загородил сосед по его столику – парнишка в белой рубашке. Парень оказался чопорным и всякий раз, когда тянулся к хлебнице, просил извинения.

Савельев поглядывал то на него, то на девчонку и думал, что они очень подходят друг другу. Оба – светленькие, с приятными тонкими лицами и спокойными глазами.

Вечером на корме нижней палубы началась дискотека и Савельев перебрался на нос, подальше от шума. Мать и дочь стояли рядом и о чем-то тихо переговаривались. Дочь быстро ушла.

Савельев подошел поближе к женщине и сказал:

– Дочка на дискотеку, наверное, побежала...

Женщина промолчала, даже не повернула голову. Как будто хорошо знала, кто с ней заговорил.

– С удовольствием бы вас пригласил, но вы не пойдете, – сказал Савельев.

– Не пойду, – недовольно ответила женщина.

Ему оставалось сказать:

– Жаль. Всего доброго.

– И вам... – сказала женщина и оглянулась.

Она смотрела на него свободно и насмешливо. Он подумал: «Как легко она смотрит». Но было непонятно, что ее развеселило.

В коридоре у музыкального салона стояли друг против друга та самая девчонка и парень – сосед по столику. Парень что-то говорил; девчонка слушала его смущенно и весело. Они все-таки познакомились.

Утро следующего дня было ветреным и публика появлялась на палубах, когда ненадолго выглядывало солнце. Парень и девчонка попадались Савельеву на глаза несколько раз, а женщина после завтрака из каюты так и не вышла.

Он увидел ее после полудня. Она шла ему навстречу и не отвела глаз, когда они поравнялись.

– Сегодня – непременно на дискотеку, – сказал он.

– Я думала, вы вчера натамцевались, – сказала она.

– Какие танцы без вас! – ответил он.

– Тогда – придется, – сказала она.

– А вы сейчас куда? – поинтересовался он.

– Я? Куда? – спросила она без удивления. – Туда – сюда.

– Посидим у меня в каюте? – предложил он.

Женщина не ответила, но по ее движению Савельев понял, что она пойдет за ним.

Ее звали Ларисой. От коньяка она отказалась. Попросила воды и села на неширокую постель.

Савельев разволновался. Заговорил быстро и сразу обо всем. И о работе, и об этой поездке, и о книге, которую взял с собой, но еще не открывал.

Она слушала его без интереса, принимая все, как должное, а как только он сделал паузу, поднялась и сказала, что ей пора.

Ему ничего не оставалось, как подняться вслед за ней. Они стояли совсем рядом. Он хотел что-то сказать, взглянул на нее, передумал и положил руки ей на талию. Она прильнула к нему. Сначала осторожно, потом сильнее, и глубоко вздохнула.

Савельев стал искать губами ее губы; она старалась отвернуться и наклонила голову. Взглянула на него и порывисто уткнулась губами в его губы.

– Все, все, – зашептала она. Отстранила его руки и поправила платье.

Наверное, он взглянул на нее растерянно. Она улыбнулась и сказала:

– Потом.

– Когда? – спросил он.

– Дочь пойдет в кино, – сказала она. – Вечером...

Она ушла. Савельев походил по каюте, думая о том, что все произошло так неожиданно и так обыденно, и вышел на палубу.

Лариса стояла у борта, сложив руки на груди. Дочка и ее парень стояли рядом. Смотрели друг другу в глаза, растерявшись от чего-то, увидев что-то совсем необыкновенное, и молчали.

Савельев подошел ближе. Лариса заметила его, но не оглянулась. Они стояли поодаль и смотрели на дальние, разъединенные дымкой, унылые берега. Разглядывать в глазах друг друга им было нечего.

Клочок обретенного мира

Две девчонки играют в голубой мяч на дорожке перед высоким забором. Обе в белых платицах и белых гольфах. Одна повыше, с собранными в пучок светлыми волосами; другая маленькая и темноволосая.

Они бросают друг другу мяч и успевают о чем-то говорить. Мне кажется, что они заметили меня и говорят обо мне.

Я иду вдоль берега речки по дороге с глубокими колеями, и пыль взлетает из-под моих сандалий.

Маленькую девочку зовут Олей. Она нравится мне с того самого дня, когда увидел ее на автобусной остановке. Мне очень хочется, чтобы девчонки сейчас окликнули меня. Но даже если они это сделают, я к ним ни за что не подойду.

Они бросают друг другу мяч, а я смотрю то перед собой, то себе под ноги, на сандалии и дорожную пыль, и все жду, что они меня окликнут. Мне так повезло, что я увидел их возле дома, и так хочется к ним, но я не могу подойти.

Я щурюсь – то ли от солнца, то ли от того, что не хочу их замечать. Они смеются, и мне кажется, что из-за меня.

Остается только одно – уйти, а потом размяться, напридумывать, чего душе угодно, и поверить, что все непременно сбудется.

Я поднимаю глаза и вижу, как к Оле летит голубой мяч, вырывается из рук и прыгает по траве у забора. Она хватает его, поднимает высоко над головой и смотрит в мою сторону. Ноги несут меня прочь. И позор бегства, который я переживаю, смешивается с острой горечью утраченной надежды.

Давным-давно нет ни дома у речки, ни пыльной дороги с глубокими колеями, но есть чистый и светлый мир, не засоренный и не замутненный.

В нем навсегда растянулся прозрачный летний день, и две девочки в белых платицах играют в голубой мяч. Та, что поменьше, мне очень нравится. Никто этот мир не видит и не знает. Он остался только для меня.

Долгожданные встречи

Пора было выходить из дома, а дозвониться, как назло, не удавалось. Он нервничал и без конца набирал номер. Трубку, наконец, подняли, и он попросил, чтобы позвали Настю.

– Здравствуй, это я! – сказал он, когда она ответила.

– Да! Алло! – переспросила Настя.

Он понял, что она его не узнает.

– Это Алексей, – сказал он, стараясь успокоиться. – Я тебе вчера звонил. Ну, как, пойдем сегодня куда-нибудь?

– Сегодня? – удивилась она. – Ой, я, наверное... Я еще не знаю.

Вчера они договорились встретиться. Такой поворот был для него неожиданностью.

– А когда тебе позвонить? – спросил он.

– Наверное, лучше завтра, – сказала она.

– Как завтра? – почти выкрикнул он. И после паузы сказал:

– Может быть, я позже позвоню.

– Да, давайте, – обрадовалась она и первой положила трубку.

Ему надо было в самый центр города, через все пробки. Он должен был успеть, но зря поехал по Садовому кольцу и потерял минут двадцать.

Ирина открыла дверь и не поздоровалась. Сама вытащила из комнаты большую дорожную сумку и сказала:

– Разгильдяй ты все-таки...

– Другого все равно не прислали, – сказал он.

– Больше не буду тебя просить, – сказала она, глядя в сторону.

Он мог бы напомнить, что в прошлый раз она говорила то же самое, но не стал.

Ирина как будто догадалась и сказала:

– Теперь точно не буду...

В машине она закурила и долго молчала. Ему захотелось все сгладить и он сказал:

– Накупаешься, загорись, вина сухого попьешь и опять доброй будешь. На Акрополь не забудь подняться.

– Поехал бы со мной, сам бы поднялся, – сказала она.

– На какие шиши?.. – отозвался он.

– Когда хочешь, у тебя находятся. Или ты без меня куда-то собрался? – спросила она раздраженно.

– Опять ты за свое... – вяло ответил он.

– Значит, точно, – сказала она.

Он промолчал, хотя этот разговор его злил.

– И целых две недели где-то пропадал, – сказала она.

– Работал как лошадь.

– Раньше на все время хватало.

– Моложе был.

У аэропорта негде было оставить машину и они долго кружились, пока не остановились за какими-то ангарами. Надо было идти пешком минут десять. Ирина была очень недовольна и сказала:

– Все у тебя через одно место получается.

Он подхватил ее сумку и быстро пошел вперед.

Регистрация на ее рейс давно началась. Надо было торопиться.

– Ну, счастливо! – сказал он.

– Только не зови ее дружочком, – сказала она.

– Кого? – спросил он, делая вид, что не понимает.

– Кого себе завел...

– Опять ты об этом... – сказал он устало.

– И спать со мной теперь не хочешь.

– Ты так опоздаешь, – сказал он.

Она ушла. Он направился к выходу, но вспомнил, что забыл спросить номер обратного рейса. Вернулся, но она уже пересекала зал. Кричать было бесполезно.

У кольцевой автодороги он остановился возле автомата и позвонил Насте.

– Ой, это вы, – сказала она. – Ой, сегодня я никак не смогу.

– Тогда завтра? – предложил он.

– Давайте, – согласилась она.

– Может быть, домой позвонить? – предложил он.

– Нет, лучше сюда... Ну, я побегу. А то очень некогда, – сказала она. Он опять почувствовал горечь неопределенности.

Блажь

После работы Лешка мог ни с того, ни с сего позвать всех к себе. Прихватывали кое-что в соседнем магазине и тащились на другой конец города в новую Лешкину квартиру.

Катя открывала дверь без всякого удивления, даже улыбалась, как будто все так и должно быть. Ее оттесняли в сторону, развешивали пальто на вешалках, и Лешка мимоходом говорил:

– Ты нам приготовь чего-нибудь.

Все шли в комнату, а Ванин останавливался перед Катей и спрашивал:

– Помочь?

Она отказывалась, качая головой и усмехаясь, а ему приятно было разглядывать ее чуть смущенное лицо и темные глаза с длинными ресницами.

За столом он старался сесть напротив Кати. Исползволь, незаметно для всех смотрел на нее и думал: «Она и этот баламут Лешка! Странно, с какой это стати? Но она привязана к нему, если терпит все его прибабасы и эти бесконечные компании».

Иногда он говорил с ней о чем-нибудь, и ему несколько раз казалось, что она не сразу убирала глаза, когда он долго вглядывался в ее лицо.

«Здесь ей скучно и неуютно, – думал он. – И наверняка хочется совсем иного. Хочется, чтобы ценили и понимали, а не напивались на глазах и не гоняли на кухню за закуской. Она чувствует, какая разница между Лешкой и им, Ваниным. Но что зависит от него? Да и нужно ли это ему?»

Она хотела пройти к балкону. Попыталась протиснуться боком вдоль стола; и сидящие подвинули стулья. Когда она была рядом, Ванин почувствовал на своих плечах ее руки. Оглянулся, не понимая, случайность ли это, и поднялся вслед за ней.

Катя стояла в углу балкона, положив локти на перила. Было ветрено. Из темноты летела дождевая пыль.

Ванин подошел ближе и тоже облокотился о перила. Катя не обернулась. Сказать ему было нечего. Но он не хотел ничего говорить. Он почувствовал, что с ней ему легко молчать.

Она поежилась, низко наклонила голову и неожиданно резко повернулась, чтобы уйти. Ванин хотел задержать ее, но она так быстро отстранила его руку, будто ожидала от него именно это.

В тот вечер он несколько раз пытался заговорить с ней. Но стоило ему попристальнее взглянуть на нее, она старалась отвести глаза.

Ему очень хотелось, чтобы то незаметное ни для кого, никем неуловимое понимание между ними, которое так часто ему мерещилось, было на самом деле. Эта тайна отмечала его и позволяла пребывать в том особом пространстве, которое было недоступно чужим словам и взглядам. Но все это длилось недолго.

Лешка начал спиваться. Стал раздражительным и скандальным. Ездить к нему перестали. Кончилось тем, что он назанимал у всех денег и уволился. Катю все очень жалели, на первых порах звонили и поздравляли с праздниками, и постепенно забыли.

«Но даже, если я ей позвоню? – иногда думал Ванин. – Что скажу? Может быть, все просто блажь, просто казалось... Она удивится и не поймет».

Через несколько лет он увидел ее на Киевском вокзале в очереди перед билетной кассой и не сразу поверил, что это она.

Катя ему не обрадовалась. Сдержанно говорила, что все у нее ничего, что работает там же и едет к подруге на дачу. Ванин спросил про Лешку.

– Давно развелись, – неохотно сказала она.

Он смотрел на Катю, вспоминал теплые руки на своих плечах и в глубине души жалел, что теперь не спросить, не узнать: показалось тогда, нет ли... Так давно было, что и гадать незачем.

И все же он подумал: «Взять у нее телефон, что ли? – И сам себе ответил. – Ну, это – совсем заблажить...».

Прихоть судьбы

Пятнадцать последних лет в их встречах не бывает ничего нового: Кутепов заглядывает в кабинет Марины Сергеевны, не обращая внимания на очередь, и спрашивает: «К вам можно?».

Иногда она сразу приглашает войти, иногда просит подождать, и тогда ему приходится торчать перед дверью, чувствуя на себе недовольные взгляды людей из очереди.

Если у Марины есть свободное время, они закуривают здесь же, в ее кабинете и болтают о грядущих отпусках и последних реорганизациях в их конторах. Но если она торопится, Кутепов быстро раскладывает перед ней папки с проектами, и она, даже не пролистав, ставит на них штамп «согласовано».

В те времена, когда Мариночка появилась в этом учреждении впервые, она была тоненькой и улыбчивой. Кутепову не оставалось ничего иного, как подумать о подарке судьбы.

Целый месяц его главным занятием были поиски повода, чтобы появиться перед ней лишний раз.

Мариночка встречала его появления равнодушно и ему ничего не оставалось, как заводить разговоры с ее соседкой по комнате Ангелиной.

Про Ангелину он рассказал своему сослуживцу и приятелю по курилке Толику Петренко. В один прекрасный день Толик явился согласовывать проекты вместе с ним и Ангелину одобрил, а заодно без тени сомнения договорился с девчонками пойти всей компанией в кино. По этому поводу Толик звонил Ангелине по три раза в день и непременно говорил, что Мариночке большой привет от Кутепова.

После кино они зашли в кафе. Толик танцевал и с Мариночкой и с Ангелиной. Кутепову танцевать с Ангелиной не очень хотелось, но приходилось.

Музыка закончилась. Кутепов и Ангелина вернулись и сели за стол, а Толик и Марина остались посреди зала. Он обнимал ее и что-то вкрадчиво говорил, а она молчала и время от времени начинала моргать. Музыку долго не включали, но к столу они не возвращались.

Кутепов вел с Ангелиной натянутый и нудный разговор ни о чем, подливал себе и ей шампанского и ждал.

Толик и Марина вернулись, как ни в чем не бывало, и шумно уселись на свои места.

– А вы что не танцуете? – спросил Толик. – И, не дождавшись ответа, сказал:

– Такой вечер, ребята! Давайте еще шампанского!

Из кафе Толик и Марина вышли, держась за руки. Кутепов плелся позади всех, чуть поодаль от Ангелины. Понимал, что происходит нечто непоправимое, и от бессилия еле передвигал ноги.

Ангелина направилась к метро, не попрощавшись. Толик оглянулся и крикнул:

– Ты с нами? – И отвернулся.

Кутепов посмотрел им вслед и подумал: не бежать же теперь за ними?

На следующий день Толик увидел его в курилке и сказал:

– Ты чего вчера грустил? И нас бросил. А мы чего-то развеселились. Ехали, ржали на весь вагон.

Он слушал Толика и думал: «Странно! И сказать ему в ответ нечего. Что ни скажи, будет страшная нелепица». И он промолчал.

Марина звонила Толику часто. Когда Кутепову приходилось брать трубку, он сухо здоровался, звал сослуживца и старался под каким-нибудь предлогом выскочить из комнаты.

Как ни хотелось Кутепову, но идти к Марине после того вечера все-таки пришлось. Сидел перед ней как на иголках, и не мог дождаться, пока она пролистает проекты, и ему можно будет бежать.

Когда уходил, Марина сказала:

– А как там Толик? Привет ему передавай.

Он понял, почему последнее время она перестала звонить.

Через полгода Толик перешел в НИИ, но при встречах неизменно интересовался у Кутепова, заходит ли тот к Марине, и просил передать привет. Сначала Кутепов передавал, потом ему надоело. Через какое-то время Толик уволился из НИИ и пропал в неизвестном направлении.

Иной раз, сидя перед Мариной, Кутепов думал, не пригласить ли ее куда-нибудь. Не то, чтобы не решался, но сомневался, стоит ли. Обида так и осталась, хотя даже непонятно, на что...

За эти годы Мариночка превратилась в Марину Сергеевну – располнела и стала подкрашивать хною седеющие пряди. Но обручальное кольцо на ее руке так и не появилось. Несколько раз Кутепов собирался сказать ей, что холост, но всякий раз думал: теперь-то зачем? Влюбленность давно прошла. Только сожаление осталось.

Заботы ближнего

По моим наблюдениям холостяки горячо любимы народом. В гостях их непременно стараются накормить повкуснее, а на работе – душевно расспросить о жизни. Мужчины ценят в них стойкость духа, женщины – перспективность. И тем, и другим очень импонирует, что к холостякам можно запросто завалиться в гости.

Но и незамужние дамы пользуются в обществе не меньшим расположением. От кого еще можно узнать самую последнюю новость? Кто везде бывает, читает и смотрит все подряд? От кого можно ждать яркого слова о зануде-начальнике?

Безусловно, без холостяков и незамужних дам жизнь была бы не так прекрасна.

Холостяки были представлены начальником нашего отдела Степаном Сергеевичем, занимавшим, как положено начальству, стол у окна и страдавшим по этой причине хроническим насморком.

Замужних дам олицетворяла наша незабвенная, ныне здравствующая Вера Архиповна, занимавшая стол у двери, вероятно, по причине того, что так удобнее улизнуть из комнаты.

К одиннадцати часам у нас непременно появлялся Плеухин из отдела двумя этажами выше – друг и соратник шефа, тоже холостяк.

В тот день Плеухин прибыл без опозданий.

– Какие дела? – как обычно спросил его Степан Сергеевич.

– Ты знаешь, к неприятностям я отношусь скептически, – отозвался Плеухин и уселся рядом с шефом.

– А я вчера поперся с одной дуристой девицей в кино, – признался шеф.

– Это ты погорячился, – ответил Плеухин. Заглянул в газету, расстеленную у шефа на столе, и сказал:

– Я вчера ходил Бетховена слушать.

– Н-да, были бы помоложе – пошли бы в пивную, – посетовал шеф. – А я с этой девицей поперся в кино, потому что она была в берете. Обожаю девушек в беретах. Всегда и мило, и элегантно.

– И эротично, – сказал Плеухин.

– Много хороших девушек встречается, – сказал шеф и вздохнул, – особенно в последнее время.

– Да уж... Девушек хороших нынче много, – подтвердил Плеухин и расстроено помолчал, потом кивнул на стол Веры Архиповны и спросил:

– А где ваша Мегера Милосская? Опять, наверное, у Варвары? Вошли вчера со мной в лифт и заявляют: «Вы нас не подслушивайте!». Я вообще никого не подслушиваю. И не терплю, когда меня подслушивают. В туалете даже воду включаю, чтобы меня слышно не было.

Приятель отправился в коридор покурить, а я вздохнул с облегчением и хотел заняться своим отчетом. Но не тут-то было! Явилась Вера Архиповна, а с ней директорская секретарша Варвара. Включили чайник, застучали чашками и ложками.

– Ну, как твой новый? – спросила Варвара.

– Парасенок и ничего более... – сказала Вера Архиповна. – К себе не стал возвращаться и мне всю ночь спать не давал. И корячился, и кряхтел, и воздух портил. В общем, по полной программе.

Об отчете, разумеется, не могло быть и речи. Оставалось смотреть в окно на верхние этажи соседнего дома и рассуждать о пестроте человеческих мнений. Мне приходилось не только их выслушивать, но и подслушивать. Ситуация была нетерпимой. Более того, ситуация была глубоко безнравственной.

Не хотелось вмешиваться в чужие дела, но иного выхода не было. В конце концов, судьба бывает ленивой и неповоротливой. Ее следует иногда тормошить.

Я не придумал ничего нового и решил действовать старым, испытанным веками методом. Дождался, когда мы остались с Верой Архиповной в комнате вдвоем, и сказал:

– Грубый век! Место романтизма занял пессимизм!

– Это о каком веке написано было? – спросила она.

– Не написано, – сказал я. – Это – о нашем. Женщины перестали замечать мужские порывы.

– Это чьи, конкретно? – спросила Вера Архиповна и насторожилась.

– Плеухина, разумеется, – сказал я.

– Откуда там порывы? – искренне удивилась моя соседка по комнате.

– А почему и нет? – сказал я.

– Ну, знаете ли, молодой человек... – фыркнула Вера Архиповна. – Сочинить можно не только, что угодно, но и черт знает что!

– У вас какие-то риторические представления о жизни, – сказал я и сам задумался над сказанным.

– А к кому порывы-то? – вкрадчиво спросила Вера Архиповна.

– Ну, знаете ли... – возмутился я.

После обеда я подловил Плеухина на лестнице. Пошел за ним следом и сказал:

– Опять меня про вас расспрашивала, где, мол, и что-то давно не заходит. Да, она – натура противоречивая. Как всякий человек с натурой.

– Это вы о ком? – поинтересовался Плеухин. И удивленно спросил:

– О своей соседке?

– О ком же еще! – отозвался я.

– Впрочем, натура там присутствует, – согласился Плеухин.

Основные события развернулись дня через три. Плеухин явился к нам в таком элегантном виде, который может обеспечить лишь мелкооптовый рынок.

Уселся напротив шефа, заговорил о футболе и без всякого перехода спросил:

– А Вера Архиповна где? Надо ее в театр сводить, что ли?

– Ее? В театр? – изумился шеф. – Это с какой стати?

– Просто так... – сказал Плеухин. – Люблю я всякие эдакости.

Шеф помолчал, пожал плечами и выкрикнул:

– А отчет? Отчет ты сделал?

– Какой? – удивленно переспросил Плеухин и заерзал на стуле. – При чем тут отчет?

Соберу все материалы, да и сведу.

– Вот так всегда! – заорал шеф еще громче.

– Я и от себя добавляю, – сказал Плеухин.

– От себя ты только путаницу добавишь, – орал шеф.

Дверь открылась и вошла Вера Архиповна.

– Вот что! – Шеф показал на Плеухина. – Никакие материалы без моего ведома их отделу не давать!

– А как же?... – Не поняла Вера Архиповна.

– Сам с ними разберусь! – выкрикнул шеф.

Через неделю я ушел в отпуск, а когда вернулся, застал большие перемены. Вера Архиповна запросто подсаживалась поближе к шефу, и они о чем-то бесконечно шептались и хихикали. Но о чем именно – разобрать было невозможно. Сколько я ни пробовал – ничего не удавалось.

В комнате теперь стало тихо – читать не хочу. Но я заскучал. И было отчего: никто к нам не приходил, ни о чем таком не рассказывали.

На работе я появлялся все реже. Шеф был мною недоволен.

Закончилось тем, что мне объявили выговор. Это было полнейшей неожиданностью. Прихожу за зарплатой, а мне – приказ... Я очень обиделся. Ходил по этажам и кричал. Начальник отдела кадров затащил меня к себе в кабинет. Успокаивал, как мог. Говорил, что у меня все впереди, а на прощание подарил противогаз.

Хроники очарований

В полумраке старого лифта Ушанов прислушался к позвякиваниям и повизгиваниям над головой и подумал: «Как бы не застрять в этом гробу», а его молоденькая случайная попутчица посмотрелась в изъеденное белыми пятнышками зеркало на стене и поправила воротничок розовой куртки.

– Сегодня вы как-то по-особенному красивы, – сказал Ушанов.

Она должна была ответить: «А где вы меня раньше видели?».

«В мечтах», – сказал бы он.

«Я вас там не видела», – могла бы ответить она и выйти из лифта быстрее, чем он из положения.

Но попутчица молчала и Ушанов повторил, но не так уверенно:

– Как-то по-особенному красивы.

– А что толку? – сказала она невозмутимо и грустно.

– Неужели? – удивился он.

Времени на размышление не было. Она ехала на пятый этаж, он – на шестой.

– А давайте как-нибудь вместе поужинаем, – предложил Ушанов.

Лифт дернулся, заскрипел и остановился. «Кажется, все-таки застряли», – подумал Ушанов, еще не понимая, плохо это или хорошо.

Но двери, заерзав, поехали в разные стороны. Показалась лестничная клетка. Это был пятый этаж.

Ушанов вышел из лифта вслед за попутчицей.

– Юлечка, привет! – поздоровался с ней один из мужчин, заходивших в кабину лифта им на смену.

– Так, вот, собственно, я и хотел... – сказал Ушанов.

Она обернулась в его сторону. У нее были чуть впалые щеки, тонкий нос с алой помаркой прыщика и спокойные, серьезные глаза.

– Вот я и думаю: может быть нам как-нибудь вечером... – заговорил он. – Я бы вам позвонил.

– Вы? Мне? – с некоторым вызовом спросила она, чуть заметно пожала плечами и сказала. – Что ж, попробуйте.

На лестнице он свернул бумажку с номером ее телефона трубочкой, сунул в нагрудный карман и подумал: «Разыграла, наверное».

Весь следующий день он мучился любопытством, к вечеру позвонил и был удивлен, услышав в трубке ее голос.

Еще через день они встретились в сквере на площади Восстания.

– У, просто неожиданность увидеть вас такой обворожительной! – сказал он, подходя к ней.

– Да? Ну, что же вы так... – сказала она.

– А чем ты в министерстве занимаешься? – спросил он, когда они переходили улицу.

– Да вот такие, как вы, приносят всякие письма и бумаги, а я на них, бац! – она дышнула на тыльную сторону кулачка, – печати бабахая.

Он привел ее в самый дешевенький из всех известных ему ресторанов. Она не стала заглядывать в меню и сказала, чтобы он заказывал сам.

– А почему ты меня решил пригласить? – спросила она.

Он покопался в памяти, соображая, что надо бы в таком случае ответить и, оборвав эти поиски, сказал:

– Но я рад, что ты согласилась.

Это ее разочаровало и она сказала:

– Значит, просто так.

– Просто ты мне нравишься, – сказал он.

– Непохоже. – Она попыталась нахмуриться, хотя и была довольна.

– Ну, а как должно быть похоже? – сказал он.

– Ты женат? – спросила она.

– Развелся, – соврал он.

За соседним столиком громко разговаривали. Он подвинулся к ней поближе и сказал:

– Захочешь кому-нибудь понравиться – одевай только эту блузку.

– Я так всегда и делаю, – сказала она.

Он предложил заказать что-нибудь еще. Она сказала, что сыта и больше ничего не хочет. Он заказал бутылку вина.

– Сам будешь пить, – сказала она. – Мне уже хватит.

– А гулять мы пойдем или ты торопишься? – спросил он.

– Конечно, пойдем, – сказала она.

Они не пошли по освещенным улицам, а свернули в дебри переулков и, проплутав недолго, вышли к Воздвиженке. В переулках он держал ее за руку, а по многолюдной улице они шли обнявшись.

– Как же голова от вина поплыла, – пожаловалась она.

– А меня недавно племянница спросила, что такое опьянение, – сказал он. – Я ответил, что это когда начинаешь думать не о прошлом, а о будущем.

– Ничего не поняла, ну да ладно, – сказала она. – Не в этом дело... Но о тебе мне еще многое предстоит выяснить.

– Что именно?

– Во-первых, что ты за фрукт.

– Очень нежный.

– Ну, это мы еще посмотрим.

Из-за киоска, навстречу им выскочил взъерошенный бродяга и стал кланчить деньги. Ушанов кинул ему две бумажки.

– Дармоедов поощряете? – сказала она.

– Поощряю склонность к созерцанию, – ответил он.

– Опять не поняла, ну да ладно, – сказала она.

На Большом Каменном мосту они остановились. Под темным небом горел размалеванный на старости лет холодными огнями, давным-давно исхоженный вдоль и поперек, изведенный город. Огней в нем прибавилось. Может быть, он даже стал красивее. Но эта красота принадлежала другому поколению. А родной город успел состариться и подурнеть. «Нет, не объяснить, что мне здесь не нравится, – думал Ушанов. – Самому-то не понять, чего именно теперь не хватает. Как тут объяснить кому-то...»

– Ты чего замолчал? – спросила она.

Вместо ответа он обнял ее и удивился той послушности, с которой она к нему прижалась. Рядом кто-то проходил, но он подумал: «А, черт с ними со всеми...»

Он был пьян, но не настолько, чтобы рассказать ей сейчас, что в уплывшие, затрапезные времена целовался на этой же площадке и с Танечкой, и еще с кем-то, и со своей будущей супругой. Нет их, утраченных и утерянных, – и тех, о которых сожалел, и тех, о которых не подумал бы сожалеть. Нет их, но опять есть ночной весенний город, обрамленная парапетом площадка моста и девчонка с веселыми глазами. И он подумал: «А ведь был уверен, что такого уже не будет никогда».

– Я помню, вон там, где сквер, деревянные домишки стояли, – говорил он.

– Не помню такого, – отозвалась она.

– Еще бы тебе помнить, – сказал он и после паузы добавил. – Я думал, ты мне сейчас ответишь: «Ну, так долго вообще не живут».

– Я бы так никогда не сказала.

Она жила в переулке у Павелецкого вокзала. Они прошли к ее дому через черную утробу длинной подворотни.

– У меня темно, – сказала она. – Бабушка уже месяц не встает. Мне ее кормить надо. Ну, ладно, зайдем ко мне.

Ей пришлось долго возиться с замком на ажурной решетке между коридором и лестничной клеткой и она сказала:

– Вот, дорогуша, какие заграждения. Все сделано, чтобы тебя у меня не украли.

Они вошли в небольшую, опрятно прибранную, но давно не ремонтированную квартиру. Он заговорил шепотом, а она сказала:

– Бабушка все равно ничего не слышит.

В прихожей он скинул ботинки, прошел в узкую комнату, освещенную былым, отраженным светом уличного фонаря, и плюхнулся на диван. Она повозилась на кухне и пришла к нему. Села рядом, вытянув ноги, охнула будто от усталости и закинула руки за голову. Он потянулся к ней и опять удивился послушности, с какой она к нему прижалась.

Но когда его руки стали наекать на иное, она попыталась отстраниться от него. И, бес-словно извиняясь, он крепко обнял ее за плечи.

– Что ж, ваше желание обладать мною похвально, – серьезным голосом выговорила она.

– Это как-то даже двусмысленно, – сказал он.

– Возможно, – сказала она и расхохоталась.

Она перестала смеяться, поправила сбившуюся блузку и сказала:

– Все! Бабушку пора кормить. На сегодня все!

– Ну, подожди! – сказал он.

– Ну, не могу, – передразнила она.

В прихожей она поцеловала его в щеку и сказала:

– Теперь ты знаешь, где я живу, и не потеряешься.

Ему не хотелось домой. Он дошел до Октябрьской площади, миновал Парк Горького и поднялся на мост. Город темнел на далеких окраинах, а здесь, на обеих сторонах реки светился и гудел забитыми транспортом улицами.

«А все самое лучшее было сегодня», – подумал Ушанов.

Опять что-то грезилось, старалось само прийти на память. Какое-то лицо, недоговоренные фразы, вид на знакомую улицу. Весь этот город, что так вольготно расположился вокруг, был густо нашпигован разговорами, встречами, событиями когдатошних, полузабытых времен.

Следующий день был соткан из привычных реплик, дел и ритуалов. Но то и дело вспоминалось, что случилось это вчерашнее возвращение – мост через Москву-реку, аляповатый ночной город и девчонка с тонкими чертами милого лица.

«И самое лучшее уже было», – опять подумал он. Все последующее казалось ему слишком хорошо знакомым. Все последующее могло быть лишь истреблением лучшего. Сама мысль об этом вызывала в нем усталость.

Вечером, по дороге домой он скомкал бумажку с номером ее телефона и выбросил у автобусной остановки.

Стародавние истории

Темно-вишневый джип лихо тормознул перед воротами кладбища. Передняя дверца распахнулась и на асфальт прыгнула маленькая рыжеволосая женщина с черным платком на плечах. Женщина подняла руку с растопыренными пальцами и помахала выезжавшему из-за поворота автобусу.

Лидов остановился от неожиданности и подумал: «Неужели Люба?».

Окликнуть было неудобно. Пришлось подойти поближе.

Она стояла к Лидову вполоборота и разговаривала с шофером автобуса. Лидов подумал: «Надо же, и раздобрела, и посерьезнела. Такая важная – на телеге не объедешь». Он еще не решил, подойдет ли к ней, а она обернулась в его сторону и сразу узнала. Продолжала что-то говорить, а сама смотрела на него, не то, чтобы с изумлением, скорее с любопытством.

Лидов остановился перед ней и кивнул. Она показала рукой на автобус и сказала:

– У Лешки отчим умер.

Лидов настороженно взглянул в сторону автобуса.

– Сам-то в командировке, – недовольно сказала Люба. – Даже возвращаться не стал. На меня все взвалил. А ты чего здесь?

– Теткиного мужа хороним, – сказал Лидов.

– На старом кладбище или на новом? – спросила она.

– Даже не знаю, – ответил Лидов.

– А Лешка растолстел, – сказала она. – Такой ленивый стал. Куда-нибудь в лес за грибами или просто погулять – ни за что его не пропрешь. Ему про тебя кто-то недавно рассказывал.

Лидова это известие расстроило. Ничего хорошего про него рассказать не могли. Впрочем, плохого тоже. Именно это его и не устраивало. То, что у того же Лешки дела шли в гору, не могло не раздражать. Лешка всегда был середнячком и с трудом смог наскрести на кандидатскую.

– Научой не занимаетесь? – спросил Лидов.

– Давно бросили, – сказала Люба. – Сейчас не до того.

Лидов посмотрел, не появились ли из конторы кладбища родственники, и сказал:

– Надо же, как давно не виделись.

– Еще бы! – Люба смотрела куда-то в сторону. – Мы с Лешкой уже двенадцать лет женаты. Тоже, вот как с тобой столкнулись. Только не на кладбище. В библиотеке мы с ним столкнулись. – И она хихикнула.

– В каком смысле? – не понял он.

– Как «в каком»? Шли да встретились. – Она рассмеялась.

«Милые бранятся – только тешатся, – подумал Лидов. – Значит, расходились, потом сходились. Как у всех».

– Ты тогда навоображал себе черт-те чего и на меня понес, – сказала она и отвернулась.

«Вот чудачка, – подумал он. – Только и дела сейчас, чтобы выяснять, как да чего было. И какой смысл выкручиваться?»

Ее позвали к автобусу. Она взглянула на Лидова удивленно и расстроено. Уходя, махнула на прощание рукой и сказала: «Ну, все!».

«И вправду, что ли, любил? – подумал он. – Не помню. Как странно, что не помню».

После аспирантских экзаменов пришли в кафе отметить, поднялись потанцевать и, не дойдя до середины зала, начали целоваться так неожиданно для самих себя, будто кто-то им велел.

И еще было: отвернулась от него к стене и долго молчала. Он затормошил ее за плечо. Она оглянулась и зло сказала: «У тебя такие глаза были, как будто тебе все равно с кем... Со мной ли, с другой ли...».

После того, как вечером застал ее с Лешкой в лаборатории, схватил за плечи и заорал:
– Это не случайно! Нет! Не ври!

Сразу за воротами кладбища ее джип свернул в сторону и стал перебираться через рывину, ломая низкие ветки старой березы. На мгновения застыл в нерешительности и резко дернулся вперед.

«Странно тогда себя повел, – думал Лидов. – Орал, рвался набить Лешке морду. Хотя, кажется, понимал, что по жизни она совсем не та, с кем нельзя расстаться... И так противно было чувствовать себя обманутым».

Сейчас он снова чувствовал себя обманутым, но даже не знал, в чем именно...

Путешествие

Пароход плыл где-то у Астрахани. Небо темнело, а со степей дул сильный, раскаленный за день, душный ветер. За бортом плескалась вода и вдали трепетно смаргивали алые маяки.

На палубе под золотистыми лампочками начались танцы.

Он подошел к Кате и спросил:

– Можно тебя пригласить?

– Ну, что ты, Алеш... Конечно, – сказала она и взглянула ему в глаза.

У нее были маленькие, легкие руки. Он почти не чувствовал их на своих плечах. Для него было удивительным и ее улыбка, и радость быть рядом с ним. И в нахлынувшей на него теплой и светлой нежности он вдруг сказал себе: «Вот я ее и нашел! Странно, что я не понял это сразу».

Пароходные обитатели перезнакомились еще в самом начале пути. Первыми, с кем он сдружился, были три подружки с нижней палубы. Первая – высокая и страшенькая – всегда пыталась что-то рассказать и, недоговорив, сама начинала хохотать; вторая была сдержанной и серьезной, и несколько раз говорила, что ей очень надо дозвониться какому-то Сашке. Третья была привязчивой. Несколько раз подходила к Алексею с разными вопросами и всегда очень внимательно его выслушивала.

Он приходил к девчонкам пробовать арбуз. Они жили в трюме, в длинной, тесной каюте. Иллюминатор был высоко над головой, в него бились волны, и казалось, что вот-вот стекло расколется и вода хлынет внутрь.

С Катей он пару раз разговаривал, гуляя по палубе, но дальше «здравствуй» дело не пошло. Тем удивительнее был для него этот вечер.

Музыка закончилась, но они не отошли друг от друга. Стояли под горячим ветром, несшимся из темноты, чем-то замороженные и не желавшие расстаться.

В репродуктор пожелали спокойной ночи. Гирлянды лампочек над головами стали гаснуть.

Они пошли вдоль борта, держась за руки. Он заметил в стороне трех девчонок – своих приятельниц – и отвернулся. Ему было не до них.

Катя подняла на него глаза и сказала:

– До завтра? Да?

Он удивился, что она хотела уйти так вдруг. Она поняла и сказала:

– Ведь только до утра, да?

Весь следующий день они были вместе. Ходили по маленькому волжскому городку, стояли на палубе, пили кофе в баре, без конца о чем-то говорили, что-то рассказывали друг другу и не могли наговориться.

Но вечером она пропала. Он барабанил в дверь ее каюты, обходил палубы, заглядывал в бар, расспрашивал знакомых. Ее не было нигде.

Он вернулся в свою каюту, не стал зажигать свет и сел на постель. Катю он увидел в окно. Она шла по палубе. Выскочил в коридор и побежал к ней.

– Ты что? Что случилось? – почти выкрикнул он.

Она отвернулась, помолчала и сказала:

– Меня сегодня обидели.

– Кто? – спросил он.

– Неважно.

– Скажи!

– Все равно не скажу. Не приставай, – ответила она и попыталась уйти.

Он шел за ней, старался расспрашивать, и почувствовал, что это бесполезно. Он утешал себя тем, что она успокоится и все расскажет сама.

На следующее утро она не пришла на завтрак. Он постучал к ней в каюту. Она разрешила войти. Сидели друг против друга и почти не разговаривали. Если он спрашивал, она всем своим видом показывала, что отвечать ей не хочется.

Оставшиеся дни она гуляла по палубе одна и старалась поскорее уйти, если он подходил к ней.

Девчонки-приятельницы по-прежнему останавливали его, когда встречали. Но высокая уже не хохотала по всякому поводу, а грустная рассказывала, что дозвонилась своему Сашке и он ее не узнал. Третья была такой же тихой и обходительной, заглядывала в глаза и очень хотела, чтобы он позвал ее к себе.

В конце путешествия он выпросил у Кати номер телефона. Она сказала:

– Раз так хочется – запиши.

Потом выяснилось, что номер был неправильным.

Причуда

Лампочка над белой дверью кабинета замигала и Сергей Николаевич поднялся с места. Его попыталась опередить высокая дама и на ходу зашебетала:

– Я – только спросить! Только спросить!

В кабинет они вошли вместе.

– Светлана Анатольевна, а куда мне теперь с этой справкой? – спросила высокая дама и начала что-то объяснять.

– Вы знаете, что... – сказала Светлана и оглянулась.

Дама опять что-то затараторила, а они со Светланой посмотрели друг на друга. Он пожал плечами, как бы показывая: «Нет, не ошиблась; это я», прошел к стулу и сел.

– Вы тоже ко мне? – спросила Светлана.

– Разумеется, разумеется, – сказал он и положил перед ней квитанцию об оплате и заполненную в регистратуре карточку.

– Я там была и мне сказали... – не умолкала приставучая дама.

Светлана говорила про какие-то комиссии. Стала что-то объяснять, а он смотрел на нее и думал: «Ну, двенадцать или сколько там лет, конечно, не шутки, но все же пока вполне ничего... Только краситься стала сильно. Но уже, наверное, без этого не обойтись».

Дама, наконец, ушла. Светлана записывала что-то на листке бумаги и, не поднимая головы, спросила:

– Что это вы вдруг?..

– Да вот, знаете, решил навеститься, – сказал он.

– Именно ко мне? – спросила она.

– К вам, конечно же.

– Странно как-то... – сказала она и прикусила губы. – И не понятно, с чего бы вдруг...

– Ну, каждому хочется к светиле медицины, – сказал он. – Меня недавно спрашивают: «Светочку-то видел по телевизору?». А я прозевал! Да что в мои годы смотреть? Только футбол и эти, эротические шоу мира.

– И что вас вдруг забеспокоило? – спросила она и посмотрела на него.

Он почувствовал, что она волнуется. Ему удалось скрыть улыбку, и он сказал:

– Знаете, Светлана Анатольевна, сердце стало временами сильно биться. И ладно бы по какому-нибудь порядочному поводу, а то – просто так.

– Ну, не все же по поводу, – сказала она и опять начала что-то записывать.

А он вспомнил, как однажды, в те стародавние времена она шла ему навстречу и в упор смотрела на него распахнутыми, обиженными глазами. Ей было, за что тогда обидеться. Он уезжал на неделю, обещал позвонить, а пропал почти на месяц. Она шла ему навстречу, смотрела обиженно-ненавидящими глазами, а его, как назло, разбирал смех и он кусал губы, чтобы не расхохотаться. Она спросила, где он был. Ему пришлось что-то выдумывать на ходу. Она слушала его молча, но глаза твердили, не переставая: «Обманщик и лжец!.. И лжец!».

Он подвинул стул ближе к столу, попытался прочесть, что она записывает и подумал: «Ужасно, конечно, но всегда какое-то погано-веселое удовольствие встретиться с женщиной, которая когда-то так хотела за вас замуж. Впрочем, у баб, наверное, то же самое...».

– Ну, а как дела-то? – спросил он.

– Как у всех, – сказала она.

– Н-да, а я недавно решил разобраться в квартире. Оттащил на помойку девять мешков с бутылками. Весь вечер таскал! У помойки за моими бутылками целая очередь выстроилась. Представляешь, девять мешков! Какая-то бабуля спрашивает: «У вас что, свадьбы были?» Нет, говорю, была просто жизнь!

– А ты чем занимаешься? – спросила она.

– Последнее время в мэрии служил. Слышала сообщения: «Открыт новый общественный туалет на двадцать посадочных, пардон, мест»? Вот, под моим руководством.

«Но в его приходе ко мне – что-то садистское, – подумала она. Иначе – как все это понимать? Ни с того ни с сего, без звонка и на работу, как снег на голову. Неужели не понятно, что это совсем лишнее?»

– Если у тебя – с сердцем, это не ко мне, – сказала она.

– У, по твоей части тоже хватает, – сказал он.

– А что по моей? – спросила она.

Вместо ответа он повернул голову. Она дотронулась до желвака у него на шее и чуть не отдернула руку.

– А где ты лечился?

– У нас, в ведомственной... – сказал он.

– Они тебе что-нибудь говорили?

– Ну как же, мой ангел! Чего только ни говорили!

Она была ласковой; может, даже самой ласковой из всех его женщин. Но она стеснялась, если он дотрагивался до нее слишком откровенно. И когда ей приходилось говорить ему, что так не надо, он слушался ее. Для него это значило не просто дорожить ею. В этом было и какое-то тайное наслаждение, как в том, чтобы слышать одному ему предназначенный ее тонкий, удивленный стон и протяжное, теплое «а-а...».

«А твоя ваза разбилась», – сказала она.

«Да? Неужто? – переспросил он. – Ну, что ж ты так?.. Ладно, не расстраивайся. Я тебе другую подарю».

«И ты знаешь, ну, на кусочки разлетелась».

«Жаль, красивая была», – сказал он.

«И разбилась только со второго раза. В первый раз упала – и ничего. Тогда я положила ее в пакет, подняла повыше, и – бабах!»

Она опять что-то записала в его карточке и сказала:

– Давай сначала анализ крови сделаем, а потом поговорим. – И нажав кнопку селектора, обратилась к кому-то. – Девочки, сейчас к вам пришлю... побыстрее, пожалуйста, сделайте. Ладно?

Они попали под жуткий ливень. Козырек газетного киоска перестал их спасать и они побежали, взявшись за руки. Он переносил ее через большие лужи. У него были теплые и ласковые руки.

«Ну, я вся, вся...» – повторяла она, стряхивая с себя воду на половик перед дверью.

«Я тебе сейчас свое дам, – говорил он, роясь в шкафу. – Эстетичность внешнего вида не обещаю, но хотя бы не простудишься».

Он стоял, отвернувшись к окну, а она переодевалась. Он не смотрел на нее, а ей хотелось дожидаться, когда он, наконец-то, оглянется, и спросить: «Как, ничего себе фигурка?».

– Я тебя жду, – сказала она, закончив записи в карточке.

Он поднялся со стула. Ему было жаль, что он не угадал, какой будет их встреча. И он подумал: «Ничего плохого нет, что я к ней пришел. Все-таки мне больше не с кем прощаться».

«И почему он решил прийти? И так вдруг?» – гадала она и не могла отгадать.

Идеал

Облака закрывали небо над морем до самого горизонта. Но над головой на несколько мгновений открылась синева, а в ней плыл, играл металлическим блеском, переливался под невидимым с земли солнцем реактивный самолет с белым шлейфом – как иголка с ниткой.

Вата сплошных облаков быстро забила синеву. С моря задувал ветер. К набережной неслись волны.

Китанин отвернулся от моря и пошел быстрее. Свернул на первом повороте с набережной и вошел в парк. На пересечении аллеи среди клумб стояла высокая арка – классицизм пятидесятых из покрытых побелкой досок и гипса. Какое именно событие она должна была увековечить – понять было невозможно. Но год, начертанный на ней, был годом рождения Китанина. И каждый раз за эти несколько дней, проходя мимо арки, он испытывал чувство, похожее на изумление.

Два дня назад в этом полупустом в межсезонье курортном городке Китанин случайно увидел женщину, с которой когда-то давным-давно работал на одном этаже.

Он пил за стойкой уличного кафе невкусный, сильно разбавленный кофе, уже повернулся, чтобы уйти, и заметил чем-то знакомое лицо. Наверное, так бы и ушел, невольно припоминая, что да, видел где-то, но женщина встретила с ним глазами, заулыбалась и сказала:

– Ой Боря! Ведь да?

– Привет! – ответил Китанин. – Какими судьбами в эти края? – И подумал: «Надо же, как изменилась. А тогда я все хотел пригласить ее в кино. Прособирался, пока она замуж не вышла».

– Я в санаторий сюда приехала, уже три недели живу, – быстро говорила Алла. – Скоро домой. Надоело до чертиков. А ты тоже на лечение?

– Нет, у нас здесь симпозиум устроили, – сказал Китанин. – Я в командировке.

– А ты знаешь, мне так повезло! – говорила Алла, разглядывая его. – Сколько бы ты думал, я за путевку заплатила? Тридцать процентов! Представляешь!

Она шла рядом с ним и рассказывала, что их трест сократили чуть ли не наполовину, но через полгода снова увеличили и теперь опять собираются сокращать. Из тех, кого Китанин знал, осталось всего несколько человек. Кто-то уволился, кто-то ушел на пенсию, кто-то умер.

Китанин делал время от времени удивленный вид и поворачивался в ее сторону. Удивляться, в общем-то, было нечему. Понятно, что с тех времен все изменилось. Кто-то уволился, кто-то умер. Просто ему хотелось получше ее разглядеть.

Всматривался урывками в ее полное лицо и думал: «Ну, и что же удивительного? Иного и быть не могло. Была девчушка – миниатюрная и стройненькая, с хорошенькой мордашкой, с длинными светлыми волосами. Стала – грудастая тетя в два обхвата. Была молчаливой и пугливой; стала – “тыща слов в минуту”».

– Я здесь за три недели уже все по десять раз обошла, – бойко говорила Алла. – Делать-то нечего, ну и ходишь туда-сюда. У меня только раз в день процедуры. Но я сейчас себя хорошо чувствую. Раз даже шашлыков поела. И нечего, желудок не болел.

– А я уже второй день на набережной гуляю, – говорил Борис. – Сделал доклад, и теперь сачкую – на некоторые заседания не хожу.

«А ведь я помню, как она ходила по нашему коридору», – думал Китанин. Всегда полубегом и ни на кого не глядя. В отделе было много молодых ребят – только институты закончили, а она пришла на работу сразу после школы. Ребятам все бы похохмить и уж, конечно, лучшего объекта, чем она, не найти. Да и не было больше никого, одни пожилые. Она, наверное, очень обижалась. Прищуривала глаза, отворачивалась и ни на какие шуточки не отвечала.

Сколько раз ни пытался заговорить с ней где-нибудь на лестнице или в лифте, ничего не выходило. Она отвечала односложно: да, нет, угу. И все-таки у него теплилась надежда куда-нибудь ее пригласить.

Стоял однажды после работы около их треста и видел, как она сбегала по ступеням – стройненькая, хорошенькая, в светлых вельветовых брюках и с развевающимися русыми волосами. Но оказалось, что тут же, у крытой автобусной остановки ее ждал невысокий коренастый парень. Она остановилась перед ним, а он поздоровался с ней, не вынув рук из карманов.

Месяца через два кто-то сказал, что она выходит замуж. Слухи вскоре подтвердились – в комнате, где сидел Китанин, появилась деятельница из месткома и собрала со всех по рублю.

Но все это в те времена было для него не слишком важным, все это оставалось где-то на периферии тех главных событий его послестуденческой, холостяцкой жизни, в которой были другие девчонки и взрослые женщины и, разумеется, все, что с ними связано – выяснение отношений, истерики и уличения в изменах. В конце концов, так надоело, что он женился. Но самая настырная из его бывших подруг и тогда не уgomонилась. Позвонила жене и пообещала плеснуть ей в лицо кислоты. Впрочем, постепенно все само собой успокоилось. Никто не пострадал. Но жена ни о чем не забыла и на суде, когда разводились, это припомнила.

И вот, странное дело, – ни с одной из бывших подруг так ни разу и не встретился. А ведь интересно было бы. Поговорили бы, кое-что припомнили бы. И о том, как знакомились, и о том, как бурно расставались. Всякое бывало. Она – в чем мать родила – стоит в прихожей и кричит на все горло, а он быстро собирается, хватая куртку и шарф, и – бах! – дверь за ним хлопает. Все! Так надоело, что невмоготу. Все к черту! На волю! Ура! Свобода! Да кто ж такая была она? А, ну да! Бывшая жена председателя райисполкома. Ну и взбалмошное было создание. Попортила тогда нервы. Зато есть, что вспомнить.

И вот на фоне всех этих страстей – стройная девчонка с длинными русыми волосами бежит по ступенькам лестницы, размахивая полиэтиленовым пакетом. Только бежит она к другому. И из-за этого даже чувство горечи и утраты, правда чувство мимолетное.

Алла сказала:

– А помнишь Петра Данилыча? Он на пенсии теперь. А у его сына садовый участок от нашего через два дома.

Петр Данилыч был хамом и дураком. Вспоминать о нем Китанин не имел ни малейшего желания, и потому промолчал.

Они прогуливались по скверу в центре города. Свернули было к набережной, но Алла сказала, что у моря холодно.

Алла рассказывала о своем домике в садовом кооперативе, а Борис шел рядом, засунув руки в карманы, и делал вид, что слушает.

Она вскрикнула так неожиданно, что он даже вздрогнул:

– Ой, время-то сколько? Я на обед могу опоздать!

– А что, у вас так строго? – спросил он.

– Конечно! Закроют и всё. В кафе придется идти. А там дорого так.

– Ты здесь что по вечерам делаешь? – спросил он.

– Я? Да ничего. Хожу туда-сюда. Или телевизор смотрю. У нас там совсем скучно.

– Хочешь, завтра куда-нибудь пойдём? – предложил он.

– Да? Правда? – Она обрадовалась бесхитростно. Это его удивило. Он был уверен, что она заговорит о каких-то делах и откажется.

И шагая один по пустому скверу, он думал, что если бы они столкнулись не в этом городе, где обоим им скучно и нечего делать, а в Москве, то прошли бы мимо, не узнав друг друга. А если бы узнали, воспоминаний хватило бы только до следующей остановки. Потому что даже в те времена, работая на одном этаже, они были едва знакомы.

В трест с длинным нескладным названием и еще более нескладной аббревиатурой он попал после института по распределению. Хотел отработать три года и уйти, но просидел там пять лет. А потом все совпало – и уход, и развод.

И с тем и с другим, в общем-то, было не так сложно. Стоило только подать заявление и дела закрутились. Сначала закрутились, потом застопорились. На работе почему-то тянули, хотели, чтобы закончил все дела, а на кафедре, куда должен был перейти, торопили и пугали, что на это место кто-то метит и может опередить.

С разводом тоже получилось нескладно. Когда подали документы, жена переехала к своим родителям. Чуть ли не месяц ее не было.

Одному жилось привольно. В первый раз за несколько лет вдохнул свободы. Просиживал по целым дням за столом, закончил главу диссертации, что-то еще писал. Никто не тормозил, не закатывал истерики и не таскал по вечерам в гости.

И тут – явление народу. Приносит нелегкая отвергнутую супругу.

Первым делом – переругались, чуть не подрались. Супруга даже пустую бутылку из-под шампанского грохнула об пол.

Непонятно, что это так ее разобрало. И не вспомнить, кто эту бутылку принес. Кто-то из ребят заходил. Единственный раз за целый месяц и были у него гости.

Супруга так разозлилась, что к родителям больше не поехала. Дня три походила по квартире мегерой, попинала ногами его вещи и более-менее успокоилась. Напекла как-то вечером оладьи и даже предложила: «Сосед, можете попробовать».

Ну, отчего же и не попробовать. Мы – народ не спесивый. Тем более, пахнет вкусно, да и жрать хочется.

Еще дня через два началось совсем неожиданное. Супруга пробежится туда-сюда по комнате в короткой ночной сорочке, уляжется на своей постели, поворочается и скажет: «Если вам очень скучно, можете прийти ко мне».

Лежал и думал: «К черту ее, надоела хуже горькой редьки. Все с ней ясно. Но почему бы и не пойти? Тем более, сама зовет».

Обнимал ее тело и очень хотел не думать о ней самой, как будто это было возможно. А она делала вид, что забылась и потерялась, и ей все равно с кем она в эту минуту. Впрочем, может быть, так и было.

Алла ждала его у газетного киоска. Еще издали он заметил ее розовую вязаную шапочку. Коротковатое серое пальто сидело на ее полной фигуре нескладно.

– Ну, что, пойдем куда-нибудь посидим, – предложил Борис. Она не поняла и он сказал:

– В кафе или в ресторан.

– Зачем? Там ведь дорого, – удивилась она. – Пойдем лучше в кино.

– Сто лет в кино не был, – сказал Китанин и подумал: «Что ж, вспомним молодость. Тем более, когда-то собирался ее пригласить...».

Они пошли к автобусной остановке. Алла спросила:

– Слушай, а помнишь Веру Кругликову из технического отдела?

– Да так, смутно что-то... – ответил он.

– Вас тогда вместе на картошку послали и она все говорила, что надо бы Китанина окрутить.

– Да-а? Я и не знал, какие мне опасности угрожали, – сказал он.

– А приезжает, мы сразу к ней, что да так... А она говорит: чудной какой-то этот Китанин. Я к нему и так, и эдак. А он и не понял.

– И вправду не понял, – сказал Китанин.

В украшенном снаружи белыми витиеватыми бордюрами и статуями рослых шахтеров и ткачих маленьком кинотеатре Китанин и Алла смотрели детектив. Алле фильм понравился,

она принялась его очень живо обсуждать, а в ответ на недоуменное замечание Китанина даже попыталась ему что-то втолковать.

Санаторий, в котором она жила, был совсем близко. Они вошли на его территорию через высокие ворота с каким-то лозунгом на самом верху. В маленьких одноэтажных домиках горел свет.

Они свернули на другую дорожку, прошли в кромешной тьме метров триста и свернули еще раз. В конце аллеи стоял низкий домик с большой застекленной верандой. Только одно из его окон было освещено.

– Вот тут я и живу, – сказала Алла.

– Что это у вас, все спят, что ли? – удивился Китанин.

– Да время-то уже около одиннадцати, – ответила Алла.

Ничего такого она не сказала, но он сразу что-то почувствовал. Шел рядом с ней и молчал, решая, что будет сейчас делать.

– А мое окошко вон с той стороны, – сказала Алла.

Они обошли дом. Тропинка там была скользкая и грязная. Алла шла впереди, он чуть отстал. Она повернулась к нему и сказала:

– Все у нас дрыхнут. Может тихонечко у меня посидеть.

– А соседки как? – не понял он.

– Да нет никого. Одна соседка на той неделе уехала, а другую в больницу положили.

– А что ж ты не сказала? – удивился Китанин.

Стеклянная дверь была не заперта. Они вошли на веранду, заставленную железными сетками от кроватей, тумбочками и пирамидами стульев. Дверь в коридор светилась широкими щелями. Алла дернула ее на себя, просунула руку и сбросила накинутый с внутренней стороны крючок.

В комнате Аллы стоял шкаф и три железные кровати. Две были застелены, а на третьей лежал полосатый матрац. В стеклянной банке на высокой, облезлой тумбочке стояли цветы.

Алла достала кипятильник и налила в стакан воду из графина.

Она суетилась, раскладывала на тумбочке печенье и конфеты, а он сидел напротив и расспрашивал ее обо всем, что приходило в голову.

Допил чай, поставил пустой стакан на подоконник и прошелся по комнате. Пол сильно скрипел, кое-где хилые доски прогибались.

Стоял у окна, заглядывая за чуть сдвинутую занавеску, и говорил, что ветер затих, но вроде бы начался дождь. Алла подошла к нему. Он положил руку ей на плечо, но к себе не прижал. Она чуть помедлила и вроде бы нехотя прильнула к нему сама.

Он подвел ее к кровати и стал раздевать. Она отстранила его и начала раздеваться сама. Он шагнул к ней, совсем обнаженной, наклонился и поцеловал в красивую стройную грудь.

Положил ее рядом с собой, целовал, гладил полные бедра и ждал, когда она прикроет глаза и застонет. И чувствовал, что она никуда от его прикосновений не уплывает.

Он ждал терпеливо. Ждал, пока не понял, что только измучается сам, – она не чувствовала ничего. И тогда он положил ладони ей под плечи и прижался к ее щеке.

Она так и не забылась, не потеряла себя ни на мгновение, а когда он перевернулся на спину, чуть приподнялась на локте, водила мизинцем по его лицу и говорила:

– Ты колючий такой. У меня теперь, наверное, раздражение на лице будет.

Он молчал и думал: «А ведь дернет ее, наверное, спросить, как мне с ней было...». Но он не угадал.

– А тогда-то я тебя и не замечала, – сказала Алла.

– Да? – он удивился искренне. Это его даже обидело. Прекрасно понимал, что обижаться глупо. Но ведь до сих пор в глубине души считал, что в те времена нравился ей. И он подумал: «Вот так... Век живи – век расстраивайся».

– Ну, скажи что-нибудь. А? – шептала она, прильнув к нему. – Скажи. А то ты все молчком да молчком...

– Да что мне тебе сказать такого... – говорил он. – Даже и не знаю, что...

– О себе что-нибудь расскажи.

– Вроде бы обо всем говорил.

– Я так и знала, что после этого ты разговаривать со мной не захочешь, – сказала она. – Лень тебе будет...

Он хотел уходить. Думал добраться на такси или «частнике».

Но она его отговорила. Уверяла, что машину он в такое время не поймает, и пугала хулиганьем, которого здесь полно. Он решил, что и вправду так поздно отсюда не выбраться.

Спать на узкой железной кровати было очень неудобно. Он промучился до шести часов и стал собираться.

– Ты во сколько уезжаешь? – спросила Алла.

– Самолет в три, – сказал он.

– Может, днем еще сюда забежишь, – предложила она.

Он сказал, что не успеет. На симпозиуме сегодня официальное закрытие, и ему обязательно надо там быть.

– Ну, тогда в городе попрощаемся, – сказала она.

Китанин кивнул и пообещал прийти к двенадцати к морскому вокзалу.

Небо над головой опять расчистилось, засияло глубокой синевой. Но ни самолета, ни солнца больше не было.

Китанин постоял перед нескладной аркой с датой собственного рождения, походил по выстланным серыми плитками узким дорожкам и пошел по центральной аллее.

Справа от аллеи стояла увитая диким виноградом танцплощадка, запертая на здоровенный амбарный замок. Китанин подошел к решетчатой двери и заглянул внутрь. Все было, как и всюду на танцплощадках: коричневый пол, засыпанный листвой, небольшая эстрада, отделанная каким-то черным материалом, и скамейки вдоль стен.

Народу летом здесь собиралось, должно быть, уйма. Бойкие парни и девицы отплясывали на середине круга, а нерешительные и стеснительные отсиживались на скамейках и глазели по сторонам. Глазеющих было полным-полно. Худенькие прыщавые мальчики и страшненькие девчонки с грезами и надеждами в глазах – извечная история танцплощадок.

«Другие отплясывают и с девчонками знакомятся, а тут стой у стены как истукан. И никому до тебя дела нет. Поневоле напустишь на себя равнодушный вид, чтобы всем вокруг стало ясно – ты сюда зашел просто так, и делать тебе здесь в общем-то нечего. Полвечера стоишь, разглядываешь девчонок на скамейке и выбираешь, кого бы пригласить. И, в конце концов, находишь. Смотришь на нее, удивленно выпучив глаза, и никак не решаешься подойти. Даже не знаешь, что бы ей такое сказать. Перебираешь в уме какие-то фразы, ищешь удобный момент, и сердце обрывается, когда видишь, что к ней уже кто-то подошел. И все – пропадает красавица, как не было. Приходишь на танцплощадку на следующий вечер, ищешь, но не находишь. И думаешь: ну, как же так! Как же так! Ведь лучше нее никогда больше не встретить».

На заполненной киосками и аттракционами площадке перед выходом из парка играла музыка. На скамейках у открытой летней эстрады было полно отдыхающих.

На первом ряду сидела женщина в розовой шапочке.

Китанин обошел эстраду с другой стороны. Оттуда первый ряд был хорошо виден. Алла как раз подняла голову и посмотрела перед собой. Он увидел ее отчетливо.

На часах была половина двенадцатого. До их встречи у морского вокзала оставалось полчаса.

Китанин неторопливо вышел из парка и свернул к гостинице. Спешить ему было некуда.

Так же неторопливо пролистывал газеты в холле гостиницы, пил кофе в баре, а потом собирал вещи в номере. И чуть было не опоздал на автобус в аэропорт.

Шоссе к аэропорту то уходило от моря, то приближалось к побережью и виляло над обрывами. Китанин смотрел на белое от лохматых гребней, штормящее море и говорил себе: «А ведь какую-то заповедь я нарушил. А впрочем, ведь я ничего не желал. Значит – не то... Или просто не названа еще та заповедь, которую я нарушил».

И опять подумал о том, что в те иные времена собирался куда-нибудь ее пригласить. Уж очень она была стройненькая и хорошенькая. Попытался припомнить, как она сбегала по ступенькам навстречу тому парню – своему будущему мужу, но перед глазами была полная женщина с большим животом и толстыми складками на талии. А девчонка не вспоминалась.

Неслучайные связи

Его желание заговорить вполне могло столкнуться с ее нежеланием ответить.

К тому же, она почти всегда была занята, – показывала кому-нибудь из покупателей готвальни и тубусы или раскладывала по стопкам тетради.

Из его попыток обратить на себя ее внимание ничего не выходило. Впрочем, эти попытки состояли лишь в том, что он останавливался перед прилавком, за которым она стояла, и внимательно изучал, в каком порядке разложены на зеленом сукне ручки, скрепки, карандаши и все прочее.

Ее разглядывали многие. Кто-то – издалека, как он; кто-то – подойдя к ней с вопросами о разных канцелярских мелочах. Ревности в нем это не вызывало. Но в такие минуты он злился и думал, что в его годы пора поменьше рассчитывать на невероятные встречи.

Он долго бродил по магазину, оглядывая витрины, был готов уйти в очередной раз ни с чем и неожиданно заметил, что она осталась одна. Но и тогда он не заторопился подойти и заговорить. Это казалось бесполезным, – кто-нибудь обязательно должен был ему помешать.

Когда все витрины были внимательно рассмотрены, ему все же пришлось остановиться перед ней, вымученно улыбнуться и, злясь на собственную глупость, завести разговор про ручки и карандаши. Она отвечала вполне дружелюбно, не улыбаясь, но будто готовясь вот-вот рассмеяться. Он не захотел дожидаться позорного финала и выпалил:

– А можно вас куда-нибудь вечером пригласить?

– Ой, так сразу?.. – спросила она и смутилась.

После разговора с ней он выскочил на улицу, быстро пошел к Пушкинской площади и только у бульварного кольца сообразил, что ему надо в другую сторону. Он был скорее удивлен, чем обрадован, но волей-неволей уже гадал об их встрече. В толпе у входа в метро он вдруг подумал: «А может быть она не придет...». Эта мысль отравляла ему жизнь целых два дня.

Он ждал ее у памятника Маяковскому. Ему казалось маловероятным, что она сейчас появится. Но его пугала сама мысль о том, что придется, наконец, сказать себе: «Ну, теперь-то ждать совсем бесполезно».

Она вышла из метро и стала переходить улицу возле концертного зала, а он смотрел по сторонам, боясь как бы, откуда ни возмись, на нее не выскочила машина.

Он забыл поздороваться и сказал:

– А я – Саша. А вы?

– Вита, – сказала она и почти без паузы спросила:

– А вы чем занимаетесь? – Будто твердила эту фразу всю дорогу.

– Во всяком случае – не злоумышленник, – сказал он и стал рассказывать ей об институте, в котором служил ученым секретарем.

Была середина сентября. Теплый, но ветреный вечер. Фонари на Тверском еще горели среди листвы, но осень уже чувствовалась.

Они побродили по городу и больше часа простояли в очереди в кафе-мороженое на улице Горького. Кафе закрыли как раз перед ними.

У него мало было, чем похвастаться. Он рассказывал о давних турпоходах на байдарках и об охоте в волжской дельте, а потом – о чем-то одном с другим не связанным, вперемежку с расспросами об ее семье и работе.

– Вы знаете, я уже два раза в МГУ поступала, – сказала она, будто признаваясь в чем-то. – Сначала на биологический, потом на географический.

– А я со второго раза поступил, – сказал он.

– Еще год придется в магазине отработать, – сказала она.

– И как вам там?

– В магазине? Да что вы спрашиваете...

– А можно вас в театр пригласить? – спросил он.

– Знаете, честно говоря, я с вами с удовольствием пойду, – сказала она, смутившись.

Эта фраза изменила его. Он почувствовал, что начинает для нее что-то значить. Но его власть над ней оказалась призрачной. Она не разрешила проводить ее до дома и его попытка настаивать сразу испортила ей настроение. Они расстались у метро «ВДНХ».

Мечтания о ней раздражали его своей сентиментальностью. Он не рискнул бы заикнуться о них никому, – настолько они были лучезарно глупы. Но с ними было сладко засыпать и просыпаться.

В театр они опоздали из-за нее. Она пришла минут на пятнадцать позже и извинялась перед ним, как извиняются перед учителями и начальниками. Во время спектакля он поглядывал на нее искоса. Ему казалось, что она улыбается, замечая его взгляд. Но в его сторону она вдруг обернулась недоуменно-недовольно.

В антракте ей не захотелось выходить из зала. Он просидел рядом, не зная, о чем говорить, то и дело предлагая ей принести что-нибудь из буфета.

Он опять проводил ее до трамвайной остановки у метро «ВДНХ». Трамвай долго не приходил. Было очень холодно. На чистом, но темном небе светились звезды и большая луна метила рогом в шпиль останкинской телебашни.

– У меня две недели будет много дел, – сказала Вита. – Даже не знаю, когда мы увидимся.

– Но позвонишь? – спрашивал он. – Позвонишь? Да? В понедельник?

Он прождал ее звонка целый вечер. Она не позвонила и на следующий день.

Злился он только на себя. Злился, что не может уйти, забыть и не ждать ее звонка. Ему казалось, что он понимал ее. Он был намного старше, и, наверное, она чувствовала себя неудобно рядом с ним. «Странно, что я этого не заметил, – думал он. – Ведь это должно было как-то проявиться. Но, может быть, не в этом дело. А тогда что же?» Этого «что же?» находилось великое множество – от заболевшей матери, которую нельзя оставить, до нагловатого парня, который ни за что не хочет, чтобы его оставили ради кого-то другого.

В конце недели он подошел к ее магазину. За двойными стеклами витрин бродил народ. Но блики и тени мешали заглянуть в зал. Ему пришлось прижаться к стеклу. Она стояла за своим прилавком. На ней был облегающий голубой свитер с большим воротом. Она с кем-то разговаривала, в следующее мгновение оглянулась и посмотрела на него. Он отпрянул от стекла, отошел в сторону и подумал: «Что ж, значит, вот так и расстались».

Свет в магазине давно погас, а она все не выходила. Он даже стал опасаться, что проглядел ее, пока прохаживался возле троллейбусной остановки.

Она вышла вместе с полной женщиной в синем пальто. Женщина что-то ей рассказывала, а она почти не слушала и смотрела перед собой. У подземного перехода их остановил парень в длинном черном плаще.

«Вот, теперь все понятно, – подумал он. – Конечно же, с самого начала...»

Ее спутница обернулась и показала куда-то в сторону. Парень кивнул и направился дальше.

Женщина дошла с Витой до метро, что-то крикнула на прощание и начала спускаться по ступеням.

Он подошел к Вите и поздоровался.

– Ой, это ты! – почти вскрикнула она и дотронулась рукой до его плеча.

Они шли по бульварному кольцу. Она рассказывала, что брат пишет из армии плохие письма, что начальница была ей очень недовольна, а сейчас вроде бы все переменилась, что пора выбирать, куда поступать на следующий год. Он говорил ей о себе, шагал рядом с ней и чувствовал, что ему вдруг стало возможно дотронуться до нее, – обнять за плечи и потянуться к ее лицу губами.

Они спустились по бульварам к Трубной площади, повернули назад к Пушкинской, но не дошли до нее и оказались на Петровке.

– Ты знаешь, я тебя очень благодарна, что ты сегодня пришел, – сказала она.

– Пойдем куда-нибудь на днях, – предложил он. – Куда ты хочешь?

– Куда поведешь... – сказала она.

– Знаешь что! Приходи ко мне в воскресенье обедать, – предложил он.

– Обедать? – переспросила она.

– Ну, мне неудобно тебя на ужин приглашать, – сказал он.

Она заулыбалась и отвернулась.

На трамвайной остановке она опять сказала, что провожать ее не надо, быстро поднялась по вагонной лесенке и, обернувшись, успела помахать ему рукой, прежде, чем двери сдвинулись и закрыли ее.

Они должны были встретиться через два дня. Никогда он не мечтал так напропалую, как в эти дни, и никогда еще будущая жизнь не представлялась ему такой ясной и долгой.

В воскресенье утром Вита позвонила и сказала, что встретиться с ним не сможет. Он спросил: «Почему?», но она не ответила. Он почувствовал, что если спросит еще раз, она ответит что-нибудь вроде: «Потому что потому...».

Он прождал ее звонка целую неделю. Ждать дальше стало бессмысленно. Он опять пришел к магазину. Она стояла за прилавком и, как ни в чем не бывало, болтала с кем-то из покупателей, даже улыбалась.

Он понял, что уже никогда не сможет подойти к ней. Это было даже не решение, вдруг найденное им. Это был единственно возможный поступок, на который он был способен. Что-то иное не просто казалось невыносимым, а не существовало вовсе. Ясность, какой бы злой она ни казалась, пришла окончательно и бесповоротно. «Значит, и так расстанутся, и так...», – думал он, уходя.

Он вспомнил об этом много лет спустя в ветреную октябрьскую ночь, когда ему стало совсем плохо. У него не было сил даже улыбнуться над собой. Его лицо ничего не выражало. Он терял сознание, а когда приходил в себя, открывал глаза и пытался увидеть, не начинается ли светать за окном.

Ее не было с ним. Он уговорил ее уйти домой. Он переживал, что она так вымоталась за эти дни, и ему хотелось, чтобы она хоть немного отдохнула.

К утру ему было не под силу открывать глаза. Но он не чувствовал одиночества. Он знал, что, догадавшись о неладном, по полупустому, раннему городу спешит моложавая седая женщина. Ждать ему оставалось недолго.

Снега покоренных вершин

У них были две встречи, – одна другой неожиданнее.

«А что такое? Почему вы так? И что это значит? Нет, так невозможно. И вообще – нельзя». – Нечто подобное твердили ее большущие глаза и он в удивительной растерянности не мог оторвать от них взгляда.

Это было ее первое появление. Они стояли рядом, читали, автобусное расписание и оглянулись почти одновременно.

«Нет, совсем странно! На это можно и обидеться. И даже разозлиться!» – продолжали говорить ее глаза, и негодование вот-вот должно было украсить их своими блестками, но так и не появилось.

Они не сказали друг другу ничего. Она села на свободную скамью в зале ожидания, а он остался стоять в дверях и смотрел на нее с обидой.

Вошел его дружок. Спросил про автобус и тут же обратился именно к ней. Ужасно было, что она ему ответила, хотя не должна была, не имела права отвечать. Но у нее был очень приятный мелодичный голосок и разговаривала она с его дружком невесело и неохотно.

Дружок уже пару раз звал его подойти, а он не двигался с места, дулся неизвестно на кого и думал, что такие глаза, как у нее, напрочь отбивают всякую охоту болтать глупости и хохмить.

Она рассказывала, что добирается в альплагерь, а дружок расписывал их похождения в Сочи и Геленджике, похвалился будущим восхождением на Эльбрус и приумолк, когда она сказала, что Эльбрус – это не для нее, потому что совсем просто...

Ее автобус отходил вечером; их – часа через два. Они сложили вещи в комнатку кассирши и вышли на улицу.

Дружок продолжал шагать рядом с ней.

Он встрял между ними, – дружок изумился такой наглости, но промолчал.

Он имел на это все права. Дружок должен был катиться куда подальше.

Его растерянность давно прошла. Он снова был уверенным, насмешливым и везучим. В тот год ему везло. И в том, что, забросив работу, выбрался к морю и в горы именно в июле, и в том, что в шторм доплыл до берега, и в том, что встретил здесь в станице у предгорий Кавказа эту девочку.

В палатке на площади они купили свежее испеченную, еще теплую булку. Рвали ее на куски, ели и хохотали. Дружок таращился на них и ничего не мог понять. Наверное, ему казалось, что они смеются над ним. Кончилось тем, что он куда-то пропал.

Они бродили по немощеным улочкам станицы. Белые, даже чуть синеватые домишки, дряхлые заботы, шоколадные лужи недавнего ливня и мелкая речушка среди розовых и черных валунов.

– Нет, ты все-таки скажи, – говорил он, – ты прямо скажи – какие у тебя в отношении меня планы?

– У меня? Какие еще планы? – хохотала она.

– Нет, так не пойдет, – говорил он. – У серьезных девушек должны быть планы.

– Но не в отношении тебя.

– А кого же? Кого еще? – почти кричал он.

К речке они спускались по крутой тропинке. Он протянул своей спутнице руку, а когда она шагнула к нему, обнял, заглянул в глаза и спросил:

– Отпустить?

– Отпусти! – сказала она и требовательно, и мягко, как будто сама не знала, как это следовало сказать.

Они переходили речку по камням. Он – впереди, а она чуть сзади. Перешагивала с валуна на валун, распахнув тонкие руки, и время от времени сбрасывала со щеки прядь каштановых волос.

На другом берегу он опять обнял ее и спросил:

– Отпустить?

– Как хочешь... – сказала она и улыбнулась.

Его автобус давно ушел и опечаленный дружок сидел в пустом зале ожидания. Ее автобус они дожидались на крыльце автостанции.

– Я по этому маршруту уже два раза ходила, – говорила она. – А сейчас группу поведу. Там одно такое место есть – площадка над пропастью. Ой, какие же там горы!

– Но договорились: двадцатого, в Минводах, в аэропорту, – говорил он.

– Ну, конечно же!

Подошел автобус. Она вскрикнула с горестным удивлением:

– Ой, мой, наверное...

Автобус был проходным и стоял три минуты. Они торопились, затаскивали в переполненный салон ее вещи.

В последнее мгновение она спрыгнула с подножки, обняла его и сказала:

– Только не забудь! Двадцатого! И не обманывай меня. Ладно?

Он взял ее лицо в ладони и подумал: «Дурочка, таких не обманывают».

В Минводах он ждал ее два дня. Все было в те два дня – и радость, что вот-вот увидит ее; и горечь, что все эти недели чуть ли не во всем везло, а тут, напоследок..., и злость, что она его обманула.

Лет двадцать спустя, в очередной приезд в Домбай он увязался с экскурсией на кладбище альпинистов и, ошалев от неожиданности, долго разглядывал надгробие с девичьим портретом. Черты были знакомы, и волосы до плеч, и имя было – ее. Только глаза он не узнавал. Глаза были другими, – иссушенными, изуродованными черным могильным камнем.

Ему показалось, что вот сейчас он сообразит, когда и где это было, и все окажется пустой игрой воображения. Он сможет вздохнуть спокойно, и ему станет легко от мысли, что она где-то по-прежнему живет.

Он принялся искать в памяти зацепки, пытался вспомнить, в каком году, в каком месяце они виделись; и бросил, чувствуя, что это все-таки она.

У подножия памятника была какая-то надпись. Ему пришлось разгрести снег, чтобы прочитать: «Верим, родная, что смотришь на нас».

И он, давно привыкший к несуразностям и несправедливостям, подумал: «Но тут что-то совсем такое, что-то фатальное...».

Кладбище было маленьким и экскурсовод останавливался почти возле каждой могилы. Остановился у надгробия с ее портретом и сказал:

– А вот она – инструктор наш. Вела группу и решила маршрут сократить. Группа нормально пришла, а она в трещину провалилась. Даже достать не смогли. Ну, а памятник – так, без могилы, чисто символически. В память. Наташей звали...

«Наташей звали», – повторил он. И будто увидел ее последний, неосторожный шаг на затерянном среди гор леднике.

«А мне тогда так везло – думал он. – Не утонул и в горах остался жив, когда напарник сорвался и чуть не утащил за собой. И будто именно ей пришлось рассчитывать за мое везение».

День был солнечным. Вершины сияли и переливались, и белое, изгибистое и вытянутое пятно недавней лавины на склоне горы очень походило на фигурку мчащейся горнолыжницы.

Вечером, в компании курортных приятелей он поднял стакан с водкой и сказал:

– За то, чтобы жить хотелось, несмотря ни на что!

Его никто не понял, а он не захотел объяснять.

Мгновение Ока

Роман

Посвящается Наде

I

Однажды, в непростую минуту своего бытия Ок загрустил и сказал: «Я никогда не потакал обстоятельствам и не церемонился с ними, моей судьбе досталось от меня». И еще он говорил, что все прошло гораздо быстрее, чем хотелось бы.

На самом деле дней было много, и горевать о них не стоит. Жаль только, что мы торопили их, и они пролетали незаметно. Впрочем, один из них явно выбился из общего ряда.

Это был светлый, но холодный и ветреный день начала марта. По тротуару одного из московских проспектов неторопливо, но деловито шел серьезного вида, высокий человек. Лицо его было сильно вытянутым, с большим носом и тяжелым подбородком. Выражение глаз часто менялось – от ироничного до удивленного. Одет он был не по погоде – в легкий светлый плащ и ботинки на тонких подметках. Его голову прикрывала маленькая коричневая беретка.

– Бабуль! Я тоже хочу! Я – тоже! – кричал детский голосок.

Человек в плаще оглянулся. По мокрому тротуару в его сторону бодро катила на самокате маленькая старушка в белом платочке и синей куртке, а за ней бежал мальчишка и кричал:

– Мне дай попробовать! Мне!

Эта сцена не произвела на человека в светлом плаще никакого впечатления, хотя и заставила проворно отскочить в сторону.

У подземного перехода человек в плаще остановился и стал разглядывать потоки машин, снующих по проспекту, и большой магазин с огромной вывеской на крыше. С дерева ему в лицо попали хлопья снега. Он смахнул их рукой и долго рассматривал на ладони.

– Эй, друг! Как на Октябрьскую площадь пройти? – обратился к нему здоровенный детина с лицом, угнетенным гримасой неудовольствия.

– Прямо! А можно на троллейбусе. Билеты у водителя! – скороговоркой ответил человек в плаще.

– Не вводите людей в заблуждение! – вмешалась в разговор дородная дама, проходившая мимо. – Я вот что вам скажу! В обратную сторону!

Человек в плаще выслушал ее объяснения и задумчиво произнес:

– Впрочем, это в рамках гипотезы! Не так ли? – И пошел дальше.

У газетного киоска его тронул за руку невысокий мужчина с пышными черными усами и прошептал:

– Купите мою книжку! Я стилист и поэт! Купите, пока не запретили! Могу продать без личной подписи. А с подписью – подороже! Вот! Извольте! – И продекламировал:

*Причуды жизненных событий,
Действительности томный взгляд!
Он по наитию предвзят!*

– Н-да! Пшонцев! Сборники «Стихи из подъезда» и «Серенада на подозрительной трубе»!

– Что? Да? Вы – читатель? Неужто правда? Родной вы мой! Эй! Ты слышала? Ты где? – закричал поэт и сунул голову в окошко газетного киоска.

Человек в плаще удивился такой реакции и предпочел прибавить шагу. Но пошел медленно, как только услышал разговор двух старушек, сидящих на скамейке:

– Сегодня ночью что-то так страшно гудело! – говорила одна.

– Жуть какая-то! – согласилась другая. – Я на балкон вышла. Стою, слушаю. Ничего понять не могу.

– Мне утром сестра позвонила. У них в Реутове – то же самое. Гул – как из-под земли.

У подъезда большого, статного здания человек в плаще остановился, посмотрел на вывеску на стене и дернул бронзовую ручку двери.

В темноватом вестибюле он молча показал вахтерше министерское удостоверение и стал подниматься по широкой лестнице на второй этаж. В начале коридора человек в плаще заглянул в приемную директора и спросил секретаршу:

– Олег Кириллович у себя?

– А вы кто? – равнодушно спросила секретарша.

– Дичков Генрих Григорьевич! – отрекомендовался вошедший.

– Входите! Олег Кириллович вас ждет! – ответила секретарша и отвернулась. – Плащ на вешалку повесьте.

Человек прошел в кабинет и плотно закрыл за собой дверь. Сделал несколько шагов по бордовой ковровой дорожке и остановился перед большим столом.

Седой, грузный старик оторвал глаза от бумаг и спокойно сказал:

– Рад видеть тебя, Динг! Как добрался?

Вошедший плюхнулся в кресло, расстегнул ворот рубашки, словно ему было трудно дышать, и сказал:

– Черт знает, что у тебя здесь делается, дружище Ок! Столько всякой дряни летает. И лед, и куски железа! И так холодно! Тебе надо было подтащить планету ближе к звезде.

– Тогда ледники растают и будет очень сыро, – недовольно пробурчал Ок. – А я люблю снег.

– И еще у тебя тут связь барахлит, – сказал Динг. – Магма слишком активна.

– Не только поэтому, – ответил Ок и поморщился, показывая, что не хочет продолжать этот разговор. – Как твои первые ощущения?

– Пытаюсь привыкнуть! То за нос себя потрогаю, то за ухо дерну! Хожу по улицам и разглядываю, у кого какие глаза и губы. А эта штуковина, которая теперь болтается у меня между ног, она, как я понял, имеет особое значение. И ты удружил мне с ней по старому знакомству.

– В общем, ты успел обзавестись первыми впечатлениями! – Ок отодвинул кресло от стола и сел поудобнее.

– Ты знаешь, Ок, я всегда иронично относился к твоей идее обезьяньей эволюции. Как-то не так все это... Хе! Из генов мухи получаются шимпанзе и бонобо. А дальше – вот, результат за окном!

– И какое у тебя мнение по этому поводу? – равнодушно спросил Ок.

– В прошлый раз я не поленился притащить в пустыню три здоровенные глыбы. Положил вытянутую глыбу на круглую, уравновесил третьей, поменьше, и сказал тебе: «Вот, когда твои будущие балбесы войдут в разум, пусть-ка они поломают головы, как такие камушки могли оказаться один на другом!».

– Камни – и сейчас на том же месте, – сказал Ок.

– А балбесы? Считают, что это случилось само собой!

– Ты слишком много от них хочешь. Я помню, ты всегда относился к возможностям эволюции скептически, – ответил Ок.

– Забавно, что ты привык к их слову «помню», – удивился Динг. – А без эволюции здесь разве ничего не появилось?

– Только Тип Ц, – ответил Ок. – Его занесло сюда, то ли с пылью, то ли на метеоритах.

– Этого добра везде полно! – Динг покрутил головой. – А как он здесь себя проявляет?
– Стандартный случай, – сказал Ок. – Не размножается, но эволюционирует. Воспринимает широкий спектр излучений. Если ты будешь активно общаться со мной, то зафиксирует твои сигналы.

– Этот экземпляр здесь прижился?

– Он везде неуживчив, – сказал Ок. – Еще у первобытных людей пытался воровать мясо из костра и получил по башке. Так и ходит с вмятиной на виске. Но ничему за эти века не научился. Только бузить.

– Н-да, очень устойчивая разновидность, – ответил Динг.

– Что нового у наших? – спросил Ок.

– Ты в курсе событий! – оживился Динг. – Авангард подобрался отличный! Многие из них участвовали в прошлый раз.

– И тогда им удалось выжить, – уточнил Ок.

– Сейчас все будет по-другому! – быстро заговорил Динг. – Мы все изменили. Будут другие подходы. Видимо, тогда мы шли вдоль слоев гравитации вместо того, чтобы резко взять вверх.

В дверь заглянула секретарша и спросила:

– Олег Кириллович! Кофе принести?

– Нет, потом, – сказал Ок.

– А главбуху когда подойти?

– Тоже потом, – спокойно ответил Ок.

Дверь за секретаршей закрылась. Динг сказал:

– Сейчас будет хорошая страховка. Оборудование гораздо мощнее. Мы сможем проходить самые мощные излучения.

– Но ты знаешь, что проблема не в этом, – тихо проговорил Ок.

– Послушай, Ок! – Динг встал со стула и прошелся по кабинету. – Мы бывали с тобой в разных ситуациях! Мы разбирали и решали самые тяжелые проблемы! Мы проходили через сотни вселенных. И каких! Не чета этой, забитой всяком мусором. Мы много знаем об ХР-излучении, и о Вселенной Зета. Понимаем, где с этим излучением можно столкнуться. Тогда мы о нем ничего не знали. И потеряли отличных ребят. Но сейчас мы видим перед собой небывалые по плотности излучения и знаем – за ними что-то должно быть! Можем ли мы остановиться? Кто способен так поступить? Никто! В том числе и ты – один из наших лидеров!

– Но прохождение жесткого излучения – это колоссальный выброс вещества! – Ок повысил голос. – Куда его девать?

– Как куда? – изумился Динг. – Всегда куда-нибудь девали. Хотя бы сюда! Все равно тут у тебя кругом мусор летает.

– Я сразу понял, почему ты решил здесь появиться, – сказал Ок.

– Ну, да! И что?

– Есть одно «но», – тихо проговорил Ок.

– Они всегда есть! – Динг махнул рукой.

Ок еле заметно покачал головой и сказал:

– Здесь сейчас плохая связь не потому, что магма стала слишком активна.

– Что ты хочешь этим сказать? – спокойно спросил Динг.

– А то, что ты сейчас так не хочешь услышать, хотя обо всем догадался.

– О чем? – Динг внимательно посмотрел на Ока.

– Да, они поняли, как получать энергию из вакуума, – сказал Ок.

– И что из того? – спросил Динг.

– Ты прекрасно знаешь. В Большом договоре по этому поводу все изложено четко и ясно.

– А ты считаешь, что обезьянья эволюция не может быть поставлена под вопрос? – Динг поправил нос и уши. – На каком основании к ней должны применяться общие положения?

Они долго молчали. Ок сидел в кресле и смотрел перед собой. Динг медленно прохаживался по ковровой дорожке. Остановился и спросил:

– Что ты предлагаешь? Все равно авангард принял решение.

– Ты должен остаться здесь, увидеть происходящее своими глазами и доложить авангарду, – ответил Ок.

– Я все уже видел, – сказал Динг.

– И тем не менее!

– Что надо делать? – недовольно спросил Динг.

– Работы проводились здесь, в городе, в одном из научных центров. Установки были – старее не придумаешь. Но они смогли их модернизировать. В проекте работали трое. Но в чем дело, понял только один.

– А, это еще куда ни шло, – проговорил Динг.

– Я подписал с ними соглашение о сотрудничестве. Разумеется, совсем по другой тематике, но с использованием их наработок. Познакомишься с ними, и сам все увидишь. Для них ты специалист из закрытого центра на Урале. Динг, повеселее, пожалуйста! Ты всегда любил интересные проекты.

– Вот уж нет! – спокойно сказал Динг. – Впрочем, обезьянья эволюция должна приводить к таким простым результатам, как получение энергии вакуума.

– На разбирательство понадобится пару недель, – спокойно говорил Ок. – Я смоделировал для тебя программу. Для них ты будешь ученым чудачком. Здесь раньше таких много было. Их до сих пор помнят. Ты будешь веселым, открытым, способным удивляться. Это есть в твоей программе. Такое амплуа тебя развлечет. Не все тебе ходить с унылой физиономией! На тебя будут обращать внимание. Подшучивать. Ты это любишь.

– Не замечал за собой подобное! – удивился Динг. – Впрочем, я согласен все проверить. Но не затягивая!

II

Ведеев вышел из подъезда, прищурился на яркое солнце и подумал: «Сейчас бы на лыжах в лес, а тут шлепай на работу и сиди до вечера на стуле в самом паршивом настроении».

Вчера в суматохе метро он случайно посмотрел на угрюмую женщину с одутловатым лицом. Ее взгляд испуганно вспорхнул, и его память ахнула и встрепелась. В серьезной, дородной даме лишь по одному движению карих глаз привиделось существо юное, томное, хрупкое.

Существо порхало по коридорам их института месяца три. Никак не находил повод о чем-нибудь с ним заговорить. Однажды существо пропало и больше не появилось.

Ведеев еще раз взглянул на печальную женщину с большой хозяйственной сумкой, быстро отвернулся и почувствовал жалость к самому себе.

«Что собственно произошло? – подумал он. – Будущее, в конце концов, оказалось настоящим, и ничего особо интересного в нем не нашлось».

Философское расположение духа способствовало самокритичности. Ведеев подумал: «Да, живость моей натуры приносила некоторое неудобство окружающим, особенно в годы золотые». В первом своем НИИ он сидел в одной комнате с Константином и Генкой. Первого он прозвал Константинополем, второго – Геномом. Закончилось тем, что у Генки началась истерика. Он плакал и кричал: «Не смей! Не смей так меня называть!». А Костяка удивленно пожал плечами и сказал: «Во всяком случае, Геном – это более-менее понятно. А меня вон как обозвали! И то – ничего!».

«И все-таки надо разобраться, – подумал Ведеев. – Во всем этом пора разобраться и сделать хоть какие-то выводы».

Все живые существа перемещаются в пространстве в поисках пропитания и любви. И только человек с определенного возраста способен шлаться туда-сюда без всякого дела.

«Нет, дело у меня есть, – говорил себе Ведеев. – Сейчас поеду в знакомые места, пройду по тем улицам, и хоть что-то станет ясно». На месте их домика давно громоздится многоэтажка. Там, где стояли деревянные сараи, – скверик со скамейками. Но так легко все это представить: ступени, старая входная дверь, окна на первом этаже. В соседнем доме жили девчонки-близняшки. Пригласили на день рождения. Так разгулялся, что залез под большую железную кровать и вытащил белый горшок с крышкой. Визит был прекращен, а с ним и возникавшая дружба. Нет, решительно вспоминаются только глупости и чепуха!

Тогда лучше поехать в институт. Остановиться на ступенях и вспомнить, как стоял здесь с дипломом в руках. О чем тогда мог думать? О будущем? О том, как из года в год придется таскаться на работу в метро и трамвае?

Бывали ли славные минуты? Разумеется, да! В редакции сказали, что напечатают статью. Вышел, как огорошенный, на улицу. Побрел, куда глаза глядят. Наконец-то свершилось! Успех был рядом. Но статью никто не прочитал. Во всяком случае, не встречал человека, который сказал бы о ней хоть что-то.

«А куда я еду? – спохватился он. – На следующей остановке выходить!»

В киоске у метро Ведеев купил на перекус две булочки с изюмом. Запел про себя браурный марш «Бум-бурум-бум-бум» и свернул в переулок.

У ворот института прогуливался вахтер Петр Аристархович. Ведеев замедлил шаг, надеясь, что вахтер отойдет вглубь двора. Но тот стоял на месте и терпеливо ждал, поглаживая аккуратно подстриженную белую бороду. Проскочить незамеченным не удавалось. Ведеев вздохнул с сожалением.

Вахтер решительно шагнул вперед, поднял вверх руку с оттопыренным указательным пальцем и заорал:

– Ба! Сергей Лексеевич! Ведеев! Кандидат наук! Заведующий лабораторией! – И ткнул Ведеева пальцем в живот.

За этим должны были последовать обнимания и хватание за воротник. Поэтому Ведеев проворно отскочил в сторону, закричал:

– Дела! Дела! – И прибавил шагу.

На первом этаже обветшало и пропахшего сыростью здания было полным-полно народу – арендаторы раздавали коробейникам товар и рассылали курьеров. На втором этаже сидела публика посolidнее – астрологи, составители родословных и адвокаты. На облезлой двери красовалось объявление: «Коробейникам не входить! Бросаю ботинок без предупреждения!».

Тихо было только на третьем этаже. В конце коридора тускло светила единственная лампочка, горевшая еще с прежних времен. Идти надо было наощупь.

Впереди мелькнуло нечто белесое. Ведеев протянул руку и ухватился за ткань. «Белесое» рванулось и отскочило в сторону. Раздалось:

– Ай! Ой!

В этот момент рядом отворилась дверь. На пороге стоял Толик Корольков и пытался всмотреться в темноту.

«Белесое» вышло из тени и оказалось высоким человеком в светлом плаще.

Толик кивнул Ведееву, шагнул в сторону, пропуская его в комнату, и деловито спросил человека в плаще:

– У вас что для нас новенького? Таблетки от худобы или инвестиции в опционы?

Человек в плаще чопорно представился:

– Генрих Григорьевич! Дичков! Командирован. Уральский центр приборостроения. Лаборатория дальнометрии.

– Ух ты! – Восхищенно произнес Толик. – Вы хотите сказать, что вас до сих пор не закрыли? Это, знаете ли, по нынешним временам даже подозрительно!

Комната была плотно забита разным оборудованием. В большие окна светило мартовское солнце. В лучах плавала пыль.

Из-за стола встала высокая молодая женщина с пучком светлых волос, заулыбалась и сказала:

– Приятно познакомиться! Наташа!

Динг с нескрываемым удивлением оглядывался по сторонам, а Толик показывал на приборы и с кислым видом, медленно и лениво, говорил:

– Сколько раз начальство продать пыталось – никто не берет. Но арендаторы потырили порядком!

Разговор о совместной работе с каким-то Уральским центром Ведеев помнил. Но появление командированного стало для него полной неожиданностью. Надо было отделаться от Толика и поговорить с прибывшим серьезно.

– Пойдемте ко мне! – Ведеев взял Динга за локоть и потянул к двери.

– Не торопитесь! – остановил его Толик. – Сейчас появится наше начальство и комиссия из министерства.

– По какому поводу? – удивленно спросил Ведеев.

– Все по тому же! – Толик сделал кислую физиономию. – Главный вопрос всякой революции – вопрос о собственности!

Динг смотрел то на одного из них, то на другого ошалело и, казалось, мало что понимал.

Из коридора донесся грохот тяжелых шагов и шум беспорядочного разговора. В дверь заглянул высокий лысый человек в очках и крикнул:

– Следуют! К вам!

В коридоре кто-то громко сказал:

– Вот еще! Ничего подобного! Я – замминистра!

В комнату энергично вошел молодой человек лет двадцати восьми и строго спросил:

– Что тут? Я – замминистра!

Молодой человек был маленького роста, с круглым личиком и вздернутым носом. Представиться по должности ему приходилось из-за крайней необходимости. Иначе за начальство его никто бы не принял.

При появлении молодого человека Толик вытянулся по стойке «смирно» и заорал во все горло:

– Здравия желаем, товарищ замминистра!

Все притихли. Замминистра пришел в себя первым и спросил кого-то, не оглядываясь:

– Сколько времени понадобится?

– Через неделю ничего не будет! – бодро доложили из толпы у двери.

– Вот так! – объявил замминистра.

– Ту-ру, ру-ту-ру! – Толик попытался воспроизвести мелодию самого известного марша.

Замминистра откашлялся и произнес нечто такое, что Динг не смог найти ни в одной поисковой системе и счел редким идеосинкретичным словосочетанием.

В комнате наступило молчание. Но в коридоре кто-то заржал по неизвестному поводу во все горло.

Замминистра повернулся к двери. Толпа потекла в коридор и зашаркала по скрипучим половицам.

Оставшиеся молчали. Ведеев повернулся к Толику и сказал:

– Ну, тебя на фиг!

Толик виновато развел руками и объявил:

– Не прошел тест!

– Кто? – спросил Ведеев.

– Замминистра.

– И что теперь? – спросил Ведеев.

– Не знаю, – ответил Толик. – Будем наблюдать.

– Вот учился бы лучше в институте! – сказал Ведеев.

– Чего теперь о грустном! – печально произнес Толик. – Но будем придумывать.

– Чего? – раздраженно спросил Ведеев.

– Голь на выдумки хитра! – вспомнил Толик.

Ведеев отошел к окну. Толик остался стоять посередине комнаты, как виноватый школьник перед педагогическим советом.

– Давайте чаю попьем! – предложила Наташа. – И гостя надо чаем попоить.

Все взглянули на Динга. Он застегнул пуговицы на плаще и сказал:

– В следующий раз!

– Почему не сегодня? – удивился Толик. – У нас – целая неделя. А потом – может, мы к вам на Урал переберемся. На ваше финансирование!

– Правда! Чего торопиться? – сказала Наташа. – Хотя бы про ваш центр расскажите. Никогда о нем не слышали.

Динг изобразил удивленную физиономию, но не заставил себя долго уговаривать. Снял плащ и повесил на приоткрытую дверцу облезлого шкафа.

Чай пили в небольшом, но прибранном и светлом кабинете Наташи.

– Мы раньше в этих комнатах сидели, как селетки в бочке! – рассказывал Толик. – А последние годы – у каждого собственные апартаменты. Только убираться в них некому. Уборщицы уволились.

Ведеев выложил на стол булочки с изюмом. Одну из них тут же беззастенчиво стрескал Толик. Хлебнул чаю и спросил Динга:

– А что вас интересует?

Динг вытащил из внутреннего кармана пиджака сложенные листы бумаги, развернул и положил на край стола:

– Вот, техзадание.

Ведеев быстро пробежал листы глазами и сказал:

– Это все – чистая теория. Прямых экспериментов не проведешь. Дело интересное, хотя и тупиковое. А финансирование у вас – от военных?

– Нет, – спокойно ответил Динг. – Геологи такими излучениями интересуются.

– Жаль! – сказал Ведеев. – Лучше бы военные.

– Почему? – спросил Динг.

– Можно было бы их спутники в экспериментах задействовать.

– А что это дало бы? – равнодушно спросил Динг.

– Масштабы! – ответил Ведеев. – Но теперь все надолго откладывается. Может быть, вы хотя бы наше оборудование возьмете? Старье, но все равно жалко, что на помойку попадет. Кстати, ваше техзадание надо Семенову показать? Он в институте сегодня?

– Я его с утра видела, – ответила Наташа. – Он, наверное, на чердаке. Чего-то там второй день разбирает. Я ему позвоню.

К концу чаепития в лабораторию вошел среднего роста человек с большой залысиной, курносый носом и хитроватым взглядом. Что-то пробурчал присутствующим вместо приветствия, взял в руки листок с техзаданием, пробежал глазами и громко объявил:

– С какой стати? Нет, это все – ля-ля-ля!

Но что-то его заинтересовало, и он стал читать с вниманием.

– Чай будете? – спросила его Наташа.

Семенов взял со стола чашку чая, еще раз взглянул на листы. Бросил их на подоконник и сказал:

– Тут надо разобраться!

– Мне тоже хотелось бы кое с чем разобраться, – ответил Динг.

– Есть одно обстоятельство, – перебил его Ведеев. – Наш компьютер со всеми отчетами сперли!

– Это как? – изумился Динг.

– Очень просто! – ответил Ведеев. – Приходим, а компьютера нет. Если хотите узнать, чем мы последнее время занимались, читайте распечатки отчетов. Их пока не выбросили.

Дингу дали несколько толстых разноцветных папок, набитых старыми отчетами. До конца дня он листал их за столом у окна.

Завязал тесемочки одной из папок, отодвинул ее на край стола и откинулся на спинку стула.

– Какой сегодня красивый вечер! – сказала Наташа. – Посмотрите за окно!

Солнце зашло. Небо было чистым и голубым. Справа и слева между высокими домами над горизонтом светились две первые нежные звезды.

– Небо – как нарисованное, – тихо проговорила Наташа.

– Эх, сейчас бы куда-нибудь за город! – отозвался Ведеев, доставая что-то из шкафа.

– А в лесу еще можно на лыжах кататься, – сказал Толик и подошел к окну.

– На охоту пора! – объявил Семенов.

И тут произошло такое, от чего все они замолчали. Та из звезд, что была левее, вдруг начала двигаться. Чуть дернулась, поплыла и скрылась за большим домом.

– Это что такое? – заорал Толик. – Вы видели?!

– Ой! – вскрикнула Наталья. – Улетела!

Несколько мгновений все молчали.

Звезда показалась правее дома. Замигала, скрылась за постройками, еще раз мелькнула и пропала.

– Это как? А? – проговорила Наташа. – Это что?

– Хрен его знает, – тихо сказал Толик. – Не пойму.

Ведеев оглядел присутствующих, поморгал глазами и плюхнулся на стул.

Невозмутимым оставался только Динг. Посмотрел на Наташу и сказал:

– Там, наверное, стройка. А на стреле крана – лампочка. Стрела заехала за дом.

– К каким чертям собачьим, лампочка! – заорал Толик. – А что из-за дома вылетело?!

– Как что? – не понял Динг. – Самолет.

– Откуда ему тут взяться! – кричал Толик.

– Летел в аэропорт «Шереметьево», – сообщил Динг.

Все молчали. Наташа сказала:

– Какой вы умный, Генрих Григориевич! А я так испугалась! Подумала, какой-то неопознанный объект летит.

– Ну, что вы! – оживился Динг.

– Нет, все-таки, как же это! – Толик не мог успокоиться.

– Тебе, братец, не хватает рациональности! – заключил Ведеев. – Ты, оказывается, веришь в летающие тарелки!

– Но тут-то! Все на глазах! Раз – и полетела!

К низкому одноэтажному домику в конце институтского двора вела грязная дорожка. Через большую лужу были положены гниловатые доски. По ним Динг и Ведеев добрались до крыльца в две ступеньки.

Ведеев долго не мог повернуть ключ в замке. Уперся в дверь плечом и потянул ручку вверх. В замке раздался скрежет, и дверь распахнулась.

В коридоре пахло, как в сыром подвале. Запах стоял и в маленькой комнате с двумя окошками, задернутыми темными занавесками.

– Вот это и есть! – сказал Ведеев. – Наша гостиница! Располагайтесь. В конце коридора – кухня. Если кто-нибудь припрется и захочет вас отсюда выселить, звоните мне. Больше не смею вас отвлекать.

Динг видел из окошка, как Ведеев осторожно перебрался по доскам через лужу и свернул за угол дома.

Прежде всего, Динг решил избавиться от картонных коробок в углу комнаты и стопки старых газет на диване. Заодно сунул в одну из коробок расстеленный перед кроватью, разорванный почти напополам, цветастый коврик.

Во дворе соседнего дома Динг нашел навес для мусорных баков, прикрытых низкими воротами. Размахнулся, перекинул через них одну из картонных коробок и тут же отскочил в сторону от воя и визга.

Местный животный мир оказался на удивление богатым. Сначала выскочили кошки – белые и черные. За ними прямо под ногами Динга пронеслись какие-то мелкие с длинными хвостами. Последними юркнули по сторонам совсем маленькие, противные и писклявые.

Вторую коробку Динг не рискнул бросить и пошел на улицу. У дома напротив стояло такое же сооружение для бачков с мусором. Динг приготовился запустить за ворота свою коробку, но заметил в щели луч белесого света. Постоял в недоумении и тихо спросил:

– Эй, что там?

– Ничего уже нету! – прогнусавили в ответ. – Я тут все собрал!

Ок вышел на связь и спросил:

– У тебя уже есть первые впечатления?

– Много! Всяких и разных! – ответил Динг. – Если о главном, они, действительно, движутся в правильном направлении. К некоторому пониманию они смогли бы прийти. Но дело в том, что их лабораторию закрывают, а приборы выбросят.

– Знаю, – ответил Ок.

– Я никогда не был формалистом, – быстро говорил Динг. – Есть исключения. Но общее условие всегда одно и то же – в процессы не вмешиваться! И тем не менее противно, что здесь все зависит не от умных, а от идиотов.

– Я никогда не пытался ускорить эволюцию, – медленно проговорил Ок. – Не буду это делать и сейчас. Но давай немного подождем. Есть шанс, что они справятся с ситуацией.

Толик открыл дверь квартиры, захлопнул за собой и услышал из комнаты удивленный мужской голос:

– Пришел кто-то!

– Это он! – ответила бывшая Толикина супруга Дина.

На кухне стоял запах жареной картошки. В мойке было полно грязной посуды.

Толик открыл форточку, сел на диванчик и подумал: «Н-да, в юные годы я женился по большой и чистой любви на творческой натуре. Но натура оказалась слишком творческой».

В проеме двери возник здоровенный детина в узких джинсах и красной майке, заулыбался и сказал:

– Здорово, сосед! Мы с твоей бывшей решили вместе пожить. Я думаю, уживемся тут все. Как сам-то?

– Ничего, – ответил Толик и поморщился, пытаясь убрать с лица гримасу откровенного и простодушного удивления.

– Меня Степаном зовут! – представился детина. – Так что соседями теперь будем, Толян! Недаром говорят, что в жизни все бывает.

– Да уж! – согласился Толик.

– Хочешь с нами по рюмашке?

– В следующий раз! – ответил Толик.

– Квартирка у вас – маленькая. Но ничего! – Степан посмотрел на потолок. – Купим краски, на выходных тут все намажем! Идет?

– Разумеется! – отозвался Толик.

– Там телек есть, приходи, боевичок посмотрим, – предложил новый сосед.

В коридоре появилась бывшая супруга и недовольно заявила:

– И с какой стати я там одна сижу!?

– Надо с соседом подружиться! – ответил Степан.

– Подружился и хватит! – объявила Дина и ушла.

– Я еще не переехал, – сказал Степан. – В смысле – вещи не перетащил. Надо машину заказывать. А розетка в комнате выскакивает. Там, где телевизор.

Толик помолчал и сказал:

– Там что-то другое!

– Где другое? – не понял Степан.

– Полгода назад какие-то странности начались, – сказал Толик. – Как будто кто-то ходит. То посудой гремит, то на пол что-то бросит.

– Так не бывает, – оптимистично заявил Степан.

– Я тоже думал, что не бывает. Поживешь тут – сам увидишь. А я давно говорил, квартиру, пока не поздно, надо менять.

– Не, ничего квартирка, – ответил Степан. – Ладно, я пойду. Поговорим еще!

Толик забрал из шкафа в коридоре кой-какие пожитки, сунул в карман бритву и зубную щетку и тихо закрыл за собой входную дверь.

Ночевать в гостинице – не было денег. Напрашиваться к знакомым – не хотелось. Оставалось – спать в машине. Толик уселся на сиденье и поежился от холода. Желание провести ночь в машине быстро пропало.

Пробок в городе не было. Быстро доехал до Садового кольца, свернул на проспект и покатил к институту.

Машины он оставил у ворот. Прошелся по тротуару, завернул за угол и возле старых гаражей увидел широкую лазейку в заборе.

На первом этаже института в нескольких окнах горел свет. Толик подошел к входу и дернул дверь. Она была незаперта. Но заходить он не захотел. Обошел здание и стал высматривать, не открыта ли форточка в туалете на первом этаже. Залез на подоконник и подергал за раму. Просунул руку в форточку, нащупал шпингалет и дернул его вниз.

Спрыгнул с подоконника на пол туалета и подумал: «Как у них здесь до сих пор еще не все разворовали!».

В лаборатории пахло пылью. На полу лежали белые полосы света от уличных фонарей. «Даже как-то торжественно», – подумал Толик. Вскипятил чайник, насыпал в большую чашку изрядную порцию заварки и сел за компьютер.

Закрытие института сулило много неприятностей. Вторую такую «лавочку» по нынешним временам найти было непросто. С закрытием института стоило повременить. Вопрос – как? Свежих идей по этому поводу не было. Несвежие тоже отсутствовали. Оставалось – действовать топорным методом.

На сайте министерства было понапихано разных защитных систем. Толик не стал размениваться на подбор паролей и оставил это дело банальным хакерам. Про себя он решил, что у него совершенно иные, чисто творческие задачи. Немного тонкого излучения, – и пароли просто отсутствуют. Но интересно, что следы хакерских атак сохранились. Даже адреса есть. При желании можно написать взломщикам что-нибудь ироничное. Но не до этого!

Официальная переписка была ужасной тягомотиной. Личная – немногим лучше. Советы кавалера некой даме, как ей проще похудеть. Знал бы кавалер, что пишет о нем дама своим приятельницам! Нет, личные письма – ни к чему. Нужны общественные!

Но что это? «Предложения о включении ряда институтов в особый список». Далее еще интереснее – «Предложения о поощрении из специального фонда».

«Включить родной институт в список приоритетных? Почему бы нет? – подумал Толик. – Кто как ни мы! Нужно раскрыть достигнутые результаты и представить справку о внедрении? Вот, пожалуйста! То, чем занимаемся! “Использование методов комплексного анализа излучения для восстановления электронных записей”. Звучит привлекательно и, главное, современно».

Но проблема в том, что списков приоритетных институтов было два. Чем они отличаются, понять невозможно. То ли каждый из списков был рассчитан на особый случай, то ли нечто еще более бюрократическое.

«Придется внести растерянность в кулуары», – подумал Толик и включил родной институт в оба списка.

Зато список на поощрение был один. Толик решил, что не надо зарываться и назначил родному институту такую же премию, как у всех остальных. Оставалось ждать результатов.

Утром его разбудил звонок мобильного.

– Эй, ты! Проходимец! – услышал он некогда любимый голос бывшей супруги. – Ты мне опять жизнь портишь! Чего этому болвану натрепал?

– Вы о чем, Дина Прокоповна? – спросил Толик, моргая глазами и оглядывая лепнину на потолке лаборатории.

– Я до тебя доберусь! – выкрикнула бывшая супруга.

– Разумеется! – согласился Толик. – А кто мешает?

- Ты не думай, что вот так можешь.
- Не буду! – ответил Толик.
- Ты эту технологию с работы стащил, из своего секретного отдела!
- Во-первых, ничего не стащил. Во-вторых, мы в лаборатории не держим секретов принципиально!
- Хотя подумал бы головой, что может быть из-за этого с нормальным человеком!
- Из-за чего? – удивился Толик.
- Он ночью к лифту в одних трусах выскочил и заорал, как ненормальный! Ну, как только у тебя тут все засветилось и заморгало! – Бывшая супруга захохотала.
- Не морочьте мне голову, мадам, где у вас там что моргает! – прервал ее Толик.
- В общем, если не выключишь, и он опять убежит, то я тебя поймаю. И тогда пеняй на себя! – Раздались короткие гудки.

В соседней комнате заскрипели половицы. Что-то упало на пол.

Толик распахнул дверь и увидел Генриха. На его столе лежали стопки толстых папок. Одну из них он держал в руках и старался развязать тесемочки.

- Чего так рано? – удивился Толик.
- Тороплюсь, – ответил командированный.
- Какие-то голоса были. Приходил кто-то? – спросил Толик.
- Был человек! – Генрих развязал тесемочки и заглянул в папку. – Очень высокий. Если Вееева посадить на Семенова – вот примерно такая громила и получится.
- Н-да! Получится нечто! – удивился Толик. – Ба! Так ведь это вылитый Пекарский! Вот кстати! Послушайте, господин командированный! На что вы здесь, в Москве, собрались пожить? На какие шиши? На те, что вам выдали на проезд?

- Я собираюсь много экономить, – ответил Динг.
- Пошли к Пекарскому! У него может быть халтура. Если стишки или статейки, я возьму себе. Если отчет или доклад – сварганим напололам.

На лестничной площадке второго этажа висело множество табличек. На самых больших красовались названия: Ателье «Раскрой свои чувства»; Интернет-магазин «Фея диванов»; Имидж-бюро «Мгновение навсегда».

- Ателье – это где телевизоры ремонтируют? – спросил Динг.
- Ты чего? – изумился Толик. – В Москве лет десять их на помойку таскают. А там шьют чего-то...
- На помойку – это опасно! – заметил Динг.
- Ну да! – согласился Толик.

В приемной Пекарского серьезная женщина в круглых очках велела им подождать.

Толик уселся в одно из кресел и показал Дингу на соседнее. Ждали они недолго.

Высокий человек распахнул дверь, но при этом продолжал говорить кому-то в кабинете:

– Вот мы и решили бросить вас в костер событий! Как известного вольтерьянца! И, увидев Толика:

- А! Давай ко мне!

Пекарский жал им руки и внимательно смотрел в глаза. У него был бесхитростный взгляд большого жулика.

Посреди кабинета стоял светловолосый молодой человек с трогательной физиономией только что обворованного.

- Вот у вас там на двадцать пятой странице. «Проявилась тенденция к явной фигурализации!» – выкрикнул молодой человек.

– Еще раз давайте о главном! – быстро говорил Пекарский. – У нас с вами работа называется: «Избранное из изгнанного»! Нам с вами нужен был современный взгляд, а не нафталин. Правда? Я все еще раз прокумекаю и вам на той недельке звякну. Идет? Все! По домам!

Дверь приемной закрылась за молодым человеком медленно и скрипуче. Пекарский сказал:

– Не жизнь, а сплошное противостояние заговору аферистов! А помощнички такое иногда напишут! Но у меня еще ничего. А у Петрова из третьей лаборатории совсем худо. И с головой, и с деньгами! Зато наш отчет произвел полнейший фурор! Ни более, ни менее! Давайте объединимся и еще чем-нибудь свеженьким бабахнем! Как вы считаете? – Он обращался к Дингу.

– Почему бы и нет! – ответил тот после некоторого раздумья.

– Вот это по-нашему! – воскликнул Пекарский. – А у вас как жизнь?

– Согласно купленным билетам, – ответил Толик.

– Мне подфартило! – вскрикнул Пекарский. – Представляете, наконец-то подключил загородный дом к магистральной канализации!

– Тут как посмотреть! – заметил Толик.

– А чего смотреть? – изумился Пекарский.

– Одно дело – попадало на грядки, а теперь будет уплывать в чужие руки!

– Теперь у меня проблема с кабинетом! – быстро говорил Пекарский. – Приходит вчера бабка с клюкой. Я как ее увидел – со страху подумал, не за мной ли? А она говорит, что из спецотдела, и что в моем кабинете повышенное содержание вредных веществ. Телефон оставила где-то здесь, чтобы вызвал специалистов. Теперь окно настежь держу!

– Дело неприятное! – заметил Динг. – К вам посетителей много ходит!

– Посетители что! – Пекарский махнул рукой. – Они у меня такие, что их ни одна кондрашка не возьмет!

– Есть что-нибудь для нас? – спросил Толик и горестно вздохнул.

Пекарский задумался, кивнул на Динга и спросил:

– А твой товарищ по разуму на что годится?

– Все, что угодно! – бодро ответил Толик.

– Если что – я вам отзвонюсь! – Пекарский развел руками. – Наш путь – через тернии к пиастрам! Пока!

Толик и Динг вышли в коридор. Перед соседней дверью стояла очередь.

– Гороскопы умеешь составлять? – спросил Толик.

– Я? – изумился Динг.

– Можно прилично заработать. Мне тоже почему-то не хочется. Но вон сколько желающих! Даже больше, чем у гадалок.

– Откуда здесь гадалки? – спросил Динг.

– Как откуда? – Толик прочитал объявление на стене и повернул голову. – Во-первых, отдел сверхслабых излучений почти в полном составе этим занимается. Во-вторых, бухгалтерия к такому делу подключилась.

Возле двери с табличкой «Паризп» Толик остановился и сказал:

– Это – в самую последнюю очередь. Только, если очень кушать захочется.

– Что такое? – заинтересовался Динг.

– Курьерская служба «Пар из порток». Основана нашим институтским пожарником.

– Почему пар? – физиономия Динга изобразила полнейшее непонимание. – И при чем тут пожарник?

– Видите ли, товарищ! – Толик вздохнул. – Наверное, ваша провинциальная жизнь еще недостаточно адаптировалась к потребностям современной цивилизации. Вот, к примеру, смотрите! – Толик кивнул на дверь с надписью «Витамин Е».

– И что? – не понял Динг.

Толик распахнул дверь и предложил Дингу войти. Тот шагнул вперед, провел по стенам глазами и, выходя обратно в коридор, сказал:

– Я так и думал! На их уровне это неизбежно!

– Пошли чайку попьем! – предложил Толик. – Кстати, ходи в кафе на первом этаже. На третьем этаже лучше не есть. На прошлой неделе мне после их жратвы было плохо.

III

Дверь в лабораторию распахнулась. Раздался крик: – Везде навести порядок! В кратчайшие сроки!

На пороге стоял директор. За ним толпились замы и прочие подчиненные.

Директор энергично прошел по комнате, взглянул сначала на стеллажи с оборудованием, потом на притихших сотрудников и объявил:

– Закройте наш институт! Черта-с-два кому удастся! Еще есть люди, знающие толк в научных достижениях! Фигляр! Мальчишка! Прибегает, орет: «Закройте!». Мы на особом счету и в специальном списке! Правильно этого типа у вас тут одернули! У нас там – тоже! В общем, работайте, коллеги, спокойно. Ожидаем большую премию. А то – прибежал! «Закройте!». И кого?! Научное учреждение, находящееся на передовых рубежах! Близки к прорыву, как никогда! Понаехали всякие! Министр без портфеля! А это все равно, что футболист без порток! Вот так!

Директор оглянулся на толпу у двери. Приближенные выражали восхищение, как только могли: улыбались во весь рот, строили рожицы, довольно переглядывались.

– Я еще на той неделе почувствовал – готовится какое-то происшествие, – объявил директор. – И вот вам! Прислали к нам круглого специалиста! Явная чересчурность! Явная!

Из толпы к директору протиснулась высокая рыжеволосая дама из отдела снабжения и сказала:

– Извините, вчера я у вас была, но постеснялась спросить насчет зарплаты. А вот сегодня...

– Сегодня тоже можете постесняться, – оборвал ее директор и скомандовал:

– Пошли дальше! Вот так!

Оставшиеся в лаборатории сделали вид, что занимаются своими делами.

– Ничего не поняла, – сказала Наташа. – Не закрывают, что ли? Толик, ты что понял?

– Я? – переспросил он. – Что тут понимать! Темнит начальство.

В лабораторию чеканным шагом вошла невысокая полная женщина в зеленом платье и очках в золотистой оправе.

– По случаю прибытия ответственного сотрудника бухгалтерии прошу всех встать! – скомандовал Толик.

Динг заморгал глазами и поднялся со стула.

– Кто тут Дичков? – строго спросила бухгалтерша.

– Вот он самый! – Толик показал на Динга.

– Так! Пойти к двум часам в банк, открыть счет, получить карточку. – И добавила как будто неохотно. – Пришли деньги по НИРу.

– А нам? – спросил Толик.

– Вам тоже, но потом! – объявила бухгалтерша и ушла.

Наташа полистала бумажки на столе и сказала:

– Генрих, еще вам надо быть в два часа в первом отделе и расписаться за что-то.

– Не люблю я бывать в двух местах одновременно, – задумчиво проговорил Динг.

Перед стеклянной дверью банка прогуливался задумчивый охранник в черной рубашке с погончиками и курил папиросу.

За дверью, в узком и душном помещении, стоял галдеж.

– Это как? – кричала высокая женщина в маленькой шляпке. – Гоните наши деньги назад! Третий раз прихожу, а мне все – завтра, да завтра!

– Начальство велело всем говорить, что послезавтра отдадут! – объявила полная сотрудница в бежевой кофте. – Все отдадут до копеечки!

– Безобразие какое-то! – кричали со всех сторон прочие посетители. – Обнаглели совсем!

Динг протиснулся к сотруднице в бежевой кофте и опасливо спросил: – Карточку можно получить?

Сотрудница посмотрела на него с живым интересом. Сделала шаг навстречу и оказалась совсем близко. Толкнула высокой грудью, так что Динг попятился к стене, и сказала:

– А поточнее!

Динг пожал плечами и пролепетал:

– Велели – в банк, и взять карточку для денег.

Служительница оказалась еще ближе, еще раз толкнула грудью и опять сказала:

– А поточнее!

Сзади, у стены стояла скамейка. Отступить Дингу было некуда. Он глотнул воздуха, сказал:

– Карточку банка для денег! – И плюхнулся на скамейку.

Служительница качнулась назад, глубоко вдохнула и в следующее мгновение нависла над Дингом.

– А пото... – Но она не успела договорить.

Стеклянная дверь почтенного кредитного учреждения широко распахнулась, в помещение влетел человек в красной куртке, поднял над головой ружье и заорал:

– Все назад! Никого не выпущу!

Из-за плеча человека в красной куртке выглянула физиономия банковского охранника. Не без любопытства посмотрела на происходящее и пропала.

Налетчик огляделся по сторонам и выкрикнул:

– Деньги гоните!

Служительница ахнула, попятилась в сторону Динга и, наверное, села бы ему на колени, но он успел раскинуть руки и ткнул ее в бока указательными пальцами.

Раздался длинный, душераздирающий визг. В результате тетка переместилась на свободную половину скамейки, а мужчина в красной куртке закинул ружье за плечо и стал быстро ходить по комнате из угла в угол. Остановился перед служительницей, сидевшей рядом с Дингом, и закричал:

– Чего ждешь! Где мои деньги?

– Мил человек! Ой! Деньги! – залепетала служительница. – Как же так! И я, и Маша! Мы тут вместе работаем. А про деньги – не знаем!

За стеклянной перегородкой раздался звонок. Человек с ружьем крикнул:

– Чего там?

Девушка с длинной челкой взяла трубку и после паузы сказала:

– Из полиции звонят. Спрашивают, чего вам нужно?

– Деньги пусть отдают! – закричал человек в красной куртке. – Я им на счет положил, а они мне теперь фигу показывают!

Девушка равнодушно повторила его ответ в телефонную трубку. Помолчала и сказала:

– Я откуда знаю! Нет, мне отсюда никак не сбежать.

– Никому не сбежать! – объявил захватчик. – Не выпущу никого!

– А меня? – удивилась служительница. – Я за обедом две чашки чаю выпила!

Высокий, средних лет, важный человек в длинном темном пальто и черной шляпе уселся на подоконник, поставив портфель на колени и, выставив на всеобщее обозрение белые носки, прокашлялся и удивленно сказал:

– Вообще, зачем мы тут собрались, если деньги не отдают? С какой стати я сюда приперся? – И похлопал по портфелю.

За окном повисли белесые лохмотья сильного дождя. На перекрестке загудели машины. Налетчик остановился посреди комнаты, о чем-то задумался и посмотрел на потолок.

Служительница в бежевой кофте понаблюдала за ним и спросила:

– У вас, наверное, и родители веселые были, и папа с мамой.

– Какого черта! – вскрикнул налетчик. – До сих пор никого нет! А вы чего тут расселись? Деньги давайте!

– У меня ключей нету! – заявила служительница. – Если хотите, могу пойти посмотреть, где начальство.

– Я ваше начальство на чистую воду выведу! – заявил налетчик.

– Выводить на чистую воду не менее важно, чем на путь истинный! – заметил Динг.

Мальчишка лет пятнадцати на скамейке у двери оторвал глаза от планшетки и громко объявил:

– Вот! Нашел! О нас в сетях пишут! – И зачитал:

– «Сегодня в четырнадцать двадцать семь был захвачен группой неизвестных лиц столичный офис банка “Туроб”. С захватившими банк лицами ведутся интенсивные переговоры. Их намерения уточняются. Захваченные сотрудники банка и посетители обеспечены всем необходимым. Ситуация находится под контролем».

– Какие переговоры! С кем ведутся?! – закричал налетчик.

– Может, там, на улице? – предположила служительница.

– А чем мы обеспечены? – удивился Динг. Но ему никто не ответил.

Девушка с длинной челкой высунулась из окошка и сказала:

– Уже обед! Я чайку попою!

И спросила служительницу:

– Вам заварить, Роза Петровна?

– Ой, ты здесь? – изумилась служительница. – Чего не убежала?

– Интересно, чем закончится, – сказала девушка. – Потом ребятам расскажу. Все обо всем рассказывают. Только мне – не о чем говорить!

– Знаешь, что! Заваривай! – скомандовала Роза Петровна. – И бабушке предложи. – Она показала на старушку на скамейке у окна. – Бабуль, чай будешь?

Старушка отрицательно покачала головой и сказала:

– Еще полтора часа здесь рассиживаться!

– Почему полтора? – удивился налетчик.

– Сестра в магазин поехала, а я во двор вышла без ключей и дверь захлопнула. Хорошо, хоть здесь посидеть можно.

– И сидите себе! – объявила служительница.

Мальчишка говорил по телефону:

– Слышь, Рудик, скажи физичке, что я на тесты не приду! Я – в заложники попал. Чего? Ну, правда! Вон, дядька с ружьем сейчас подтвердит! Правда, дядь?

– Чего? Идите вы все к черту! – заорал налетчик.

Публика встрепелась и сосредоточилась. Молчание нарушил сам налетчик:

– И где кто? Начальники? Полиция?

– В прошлом году здесь какой-то другой банк был, – задумчиво сказала старушка. – И тоже кто-то прибежал за деньгами. То ли с ружьем, то ли с динамитом.

– За своими или чужими? – спросил Динг.

– Вот это я не знаю! – ответила старушка.

– Я – за своими пришел! – выкрикнул налетчик. – Я дом строю. Столько лет копил! Принес сюда всего на три месяца! Сегодня узнаю – у банка лицензию забрали.

– Может, не у нашего? – спросила служительница.

– Нет, у нашего! – подтвердила из окошка девушка с челкой. – Поэтому все начальство сегодня с утра куда-то свинтило!

– Молчала бы лучше! – оборвала ее служительница.

– С какой стати! – проговорила девушка с челкой.

Мужчина с портфелем глубоко вздохнул и сказал:

– Эх, советовали мне добрые люди не носить деньги в банк! Сбережения надо хранить не в банках, а в приятных впечатлениях.

Налетчик подошел к Дингу и торопливо заговорил:

– Всю жизнь копил и без гроша остался! Это как, по-вашему!

– Понятно, что без денег... – Динг не успел договорить.

– А вы тут зачем? – спросил налетчик.

– За своими деньгами! – заявил Динг.

– Вы тоже? Хоть вы меня понимаете! Каково это! Вдруг нет ни шиша! Я пришел, чтобы протестовать. А вы – сидите, как в рот воды набрали! Почему я должен бороться с жуликами, а вы – не хотите!?

– Я тоже! Конечно! – бодро поддакнул Динг. – Мы все разом! За общее дело!

– Это вы только говорите, – печально произнес налетчик. – Ничего вы не сделаете! Не возьмете ружье и не придете!

– Ружья у меня нет, – ответил Динг. – Но в этом ли дело?

Прошло около часа. В банк никто не приходил. Полиция не приезжала. Было жарко. Большое окно запотело.

– Так что нам делать, раз мы теперь заложники? – спросила служительница, хлебнув чаю из пластмассового стаканчика.

– Как что? – Мужчина с портфелем сделал паузу. – Будем петь хором: «Вихри враждебные веют над нами!». Товарищ с ружьем, запевайте!

Налетчик в очередной раз прошелся по комнате, посмотрел в окно и сказал:

– И почему у нас так всегда!? Сделать из всякого важного дела или хохму, или откровенную глупость! За что бы ни взялись!

Мальчишка с планшетом заглянул в стеклянную входную дверь и выкрикнул:

– Приехали! Сейчас на штурм бросятся! Вот это да! – И стал быстро водить пальцем по экрану планшета.

Дверь широко распахнулась. В банк уверенным шагом вошел небольшого роста, полный человек в черном плаще и фуражке и недовольно спросил:

– Что тут у вас?

Все молчали. Мальчишка с планшеткой взял инициативу на себя и объявил:

– Вооруженный захват кредитного учреждения!

Вошедший не обратил на эти слова никакого внимания и спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.